

Традиции Открытие

Геральдика

Геральдические образы. Изюмы геральдики

На черном поле

На киновари живая полоса серебром

Над зеленью зазубрины главы горностаевой

По лазури червлень и идущий лев,
златом ошеренный и златом же защищенный

По серебру пояс лазурный, остриями зазубренный
встречно, в сопровождении трех защелок чернью

По червлени беличьего меха мелко зазубренный крест,
смежный с четверкой застывших дельфинов,
обтянутых золотом

На зелени обрезанное сверху стропило
небеличьего меха золотом и червленью под лазурной
главой, нагруженной двумя золотыми дроздицами
и пустым горностаевым ромбом

По золоту крест Андреевский, багрянцем обрученный,
и с четырьмя пятилистниками лазурью смежный
на бруске из серебра и червлени и накрытом втулкой
с подбоем из горностаевого и зелени и размещенной
над провалом и надо всем, и накрывающей всё

Мишель Пастуро
Воображаемый гербовник, 1996 г.

LE SEIGNEUR DE CREVI.

165
Bruges 1429

LE SEIGNEUR DE CREVI.

168

Le Roy

De Doloque

MESSIRE GUY DE
PONTARIEUX SEIGNEUR DE
TALMER. ADIFON 1433

Messire Guy de Pontarieux 156

Philippe de Terouart seig.
 du lieu de la Mothe
 A Bruges 1429.

Родившийся в 1947 г. архивист и палеограф Мишель Пастуро в настоящее время работает директором Практической школы высших исследований в Париже, в которой он с 1983 г. возглавляет кафедру истории западной символики. Его первые работы были посвящены истории эмблем и областей, смежных с этой дисциплиной (геральдика, сфрагистика, нумизматика). Его последние исследования касаются

прежде всего истории цветовых кодов и геральдических связей между фигурами человека и фигурами животных. Мишель Пастуро – автор трех десятков сочинений. В числе последних книг: «Цвета, образы, символы» (Couleurs, images, symboles; Париж, 1989), «Шахматная доска Карла Великого» (L'Echiquier de Charlemagne; Париж, 1990), «Словарь цветов нашего времени»

(Dictionnaire des couleurs de notre temps; Париж, 1992), «Трактат о геральдике» (Traité d'héraldique; Париж, 1993), «История полос и полосатых тканей» (Une histoire des rayures et des tissus rayures; Париж, 1995). Мишель Пастуро – член Международной академии геральдики и вице-президент Французского общества геральдики.

Перевод с французского
А.Г. Кавтаскина

УДК 929.6
ББК 63.2
П 19

Пастуро М.

П19 Геральдика / М. Пастуро; Пер. с фр. А. Кавтаскина. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 144 с.: ил.

ISBN 5-17-019779-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-06884-6 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 2-07-053365-4 (фр.)

© «Gallimard» 1987, права на перевод и адаптацию во всех странах
© «Издательство Астрель», 2003

УДК 929.6
ББК 63.2

ГЕРАЛЬДИКА

Мишель Пастуро

Москва
Астрель • АСТ
2003

Геральдикой называется наука, предмет которой – изучение гербов. Герб – это эмблема, наследственный отличительный знак, сочетание цветов, предметов и фигур на котором имеет символическое значение. Гербом может владеть либо отдельный человек, либо какое-то сообщество людей, причем построение герба подчиняется определенным правилам, известным как законы геральдики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ ГЕРБОВ

Первые гербы, рождавшиеся на полях битв или в пылу рыцарских турниров, создавались с таким расчетом, чтобы герб, и, стало быть, его обладателя и носителя, можно было узнать издали. Поэтому использовались чистые и контрастные цвета и предельно стилизованные фигуры. Такой герб легко запоминался и узнавался и потому мог служить своего рода удостоверением личности. (На с.13 – коленопреклоненный рыцарь и поэт Гартман из Ауэ.)

Всяк волен обзавестись своим собственным гербом

Геральдика остается наукой малоизвестной и в каком-то смысле эзотерической, и даже иногда, в частности, во Франции, вызывает настороженное отношение общественности. Тому есть причины, и главнейшая из них — подразумеваемая связь между ношением герба и принадлежностью к знати. Пусть профаны верят, что они, кстати, и продолжают делать, в то, что герб непременно — и преднамеренно — выделяет из толпы знатного человека и что носить гербы позволялось только представителям высших или правящих классов. На самом же деле ни в единой части Западной Европы не бывало такого времени — с XII в., когда эти эмблемы возникли, и до конца XX в. — чтобы пользование гербами закреплялось за каким-то определенным общественным классом. Любой человек, каждая семья, какой угодно род, любая группа или общность вправе придумать для себя герб и пользоваться им как душе угодно, лишь бы это не нарушало чужие права. Редкие ограничения — вводившиеся эпизодически и, как правило, не соблюдавшиеся — затрагивали только отдельные детали пользования геральдикой в обществе и распространялись на некоторые парагеральдические элементы (короны, покровы, знаки особого достоинства), которые в новейшее время могли как-то сопрягаться с деньгами. И все же, хотя у всех имелось право на герб, не все испытывали нуж-

Гербы часто можно было видеть не только на рыцарских турнирах, но и на карнавалах. На с. 14–15 воспроизведена сценка карнавальных игр, устраивавшихся в конце XV в. в Нюрнберге.

ду этим правом пользоваться. Иначе говоря, в обществе, особенно в старину, были такие классы и категории, внутри которых гербами пользовались чаще, чем в других общественных кругах. Гербы были в ходу у знати, в патрициате, в верхних магистратских слоях и среди крупного купечества, да и среди

богатых ремесленников. Герб походил не столько на сегодняшний паспорт или иное удостоверение личности, сколько на нынешнюю визитную карточку: каждый волен завести себе визитки, но хлопочут об этом далеко не все.

Происхождение: не античность и не Восток

На исходе Средневековья во многих трактатах о гербах и символике высказывались самые разные предположения и объяснения насчет возможного происхождения геральдики. Священник Клод-Франсуа Менестрье в своем опубликованном в 1671 г. труде «Истинное искусство

Гербы ротюрье (разночинцев) в сравнении с гербами знати отличались куда большей пестротой и разнообразием фигур и образов. Популярны были обыденные сюжеты, изображения мебели, одежды и особенно орудий труда.

геральдики и происхождение гербов» (*Veritable art du blason et l'origine des armoiries*) перечисляет два десятка версий. Были среди них совершенно сказочные, возводящие, например, геральдику ко временам Адама, Ноя, Александра Великого, Юлия Цезаря, короля Артура, но от подобных взглядов достаточно своевременно отказались и к концу XVI в. всерьез их уже не воспринимали. Впрочем, и те гипотезы, которые опирались на более серьезные доводы и, еще и поэтому, просуществовали дольше, мало-помалу развенчивались, чему особенно поспособствовали труды геральдистов конца XIX – начала XX в.

Так, ушли в прошлое три теории, на которые довольно долго опирались геральдисты. Поначалу было опровергнуто мнение – чрезвычайно дорогое сердцам авторов Средневековья и XVI в. – о преемственности между военными и семейными эмблемами античности и первыми гербами XII в. Затем отпало насаждавшееся прежде всего немецкими учеными представление о важном первоначальном влиянии рун – варварских инсигний и германо-скандинавской эмблематики I тыс. н. э. – на процесс становления феодальной геральдики. Наконец, рухнула и самая, казалось бы, основательная идея – по крайней мере, ей верили дольше всего – о происхождении геральдики от узоров на тканях мусульман, которые могли попасть на Запад в эпоху первых крестовых походов. Сегодня специалисты сходятся на том, что гербам Западной Европы незачем и не за что благодарить за свой внешний вид ни крестовые походы, ни Восток, ни варварские нашествия, ни римскую античность. Возникновение гербов и формирование их облика

Гербы ротюрье (разночинцев) в сравнении с гербами знати отличались куда большей пестротой и разнообразием фигур и образов. Популярны были обыденные сюжеты, изображения мебели, одежды и особенно орудий труда.

связано, с одной стороны, с изменениями, произошедшими в феодальном обществе после 1000 г., а с другой – с развитием военного снаряжения в последние десятилетия конца XI в. и в первые десятилетия XII в. Когда затевался Первый крестовый поход, никаких гербов еще не знали, но во время подготовки ко Второму походу гербов уже хватало и никто им не удивлялся. Получается, что родились они на Западе и, значит, там соединились все условия, без которых их возникновение было бы невозможно, и, стало быть, там и следует искать причины этого явления.

Рождение на полях битвы

Бросается в глаза то обстоятельство, что между двумя указанными временными отрезками западных воинов на поле боя невозможно было узнать: этому мешали доходивший до подбородка капюшон кольчуги и щиток шлема, закрывавший все лицо. Похо-

щиты воинов, изображаемых на греческих вазах, часто украшены фигурами животных (орлов, львов, грифонов), более или менее похожих на фигуры на средневековых гербах. Однако фигуры на греческих щитах часто носят чисто декоративный характер

или изображают божества, покровительствующие воинам, и лишь иногда это эмблемы, указывающие на имя владельца щита.

Очень долго геральдисты считали самым старинным из всех гербов, о которых сохранились достаточно достоверные свидетельства, эмблему Жоффруа Плантагенета, графа Анжуйского и герцога Нормандского, умершего в 1151 г. На покрытой глазурью плите, некогда украшавшей его надгробие в соборе Манса, изображен большой лазурный щит, усеянный золотыми львами. Письменным свидетельством считалось сообщение одного анжуйского хрониста, писавшего, что на сыгранную в 1127 г. свадьбу Жоффруа получил от своего тестя, короля Англии Генриха I, картуш, усеянный львами. К сожалению, хронист зафиксировал эту информацию примерно в 1175 г., то есть через четверть века после кончины Жоффруа, да и сама надгробная плита была изготовлена между 1155 и 1160 гг. по заказу овдовевшей графини Матильды. Очень может быть, что сам Жоффруа Плантагенет никаких гербов никогда не носил. Гербы, судя по всему, возникли в промежутке между 1120 и 1150 гг.

же, что желание и необходимость быть узнаваемым мало-помалу заставили военных выработать обычай расписывать свои – чаще всего миндалевидные – щиты различными фигурами, которые очень скоро превратились в опознавательные знаки, помогающие слуге или оруженосцу приметить своего господина издалека. Изображались геометрические фигуры, животные и растения. Щиты получались пестрыми и многокрасочными, и такое изделие превращалось в самый настоящий герб, как только украшающий его узор начинал в сознании заинтересованных лиц прочно связываться с конкретной личностью. Постепенно начали вырабатываться простые, общепринятые и общепринятые правила начертания и ношения подобных знаков. Обычай ношения гербов и связанные с ним правила – поначалу неписанные – утвердились в первой половине XII в. Впоследствии эти неписанные соглашения оформились в нечто похожее на свод законов и закрепили облик гербов, украшавших воинские доспехи, перенесли их в многочисленные «гербовники».

И все же такому объяснению истоков геральдики, согласно которому становление этого явления должно увязываться с развитием воинского снаряжения, далеко до окончательной полноты.

Вышивка на ковре из Байе повествует о завоевании Англии, которое возглавил герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель. Случилось это в 1066 г., то есть примерно за два поколения до рождения гербов. На самом деле, вышитые фигуры на щитах – кресты, перевязи, драконы – еще не совсем гербы, т. к. зачастую один и тот же персонаж в разных местах ковра изображается с разными щитами и на этих щитах фигуры каждый раз новые. Тем не менее вышивка должна считаться важным документом предгеральдики, в изображении одного из эпизодов битвы при Гастингсе можно видеть герцога Вильгельма, снимающего свой шлем, чтобы его воины знали: их вождь жив (деталь вышивки сверху справа).

Геральдика помогла определить отдельного человека в какую-то группу, а группу разместить в рамках совокупности групп и категорий, образующих социальную систему. Поэтому гербы, бывшие поначалу индивидуальными эмблемами, к концу XII в. начинают передаваться по наследству, и такая внутриродовая преемственность придала им особую значимость.

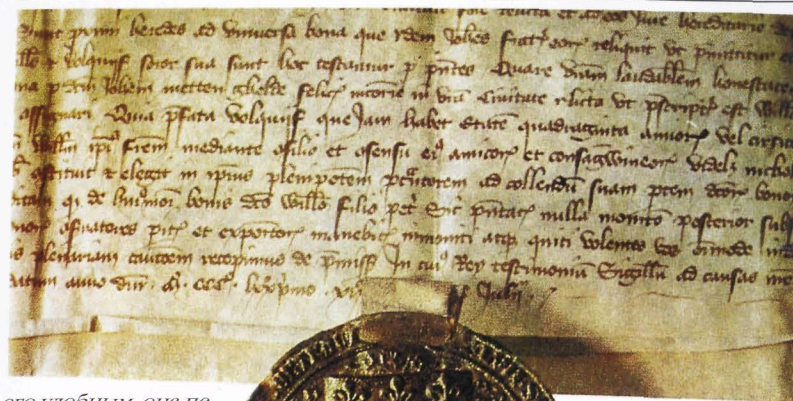
Распространение на все общество

Поначалу использовавшиеся лишь отдельными принцами, баронами и крупными сеньорами, гербы постепенно вошли в обиход всех групп, составлявших в совокупности западную аристокра-

тию. Но вся мелкопоместная и средняя знать в начале XIII в. еще остается в этом отношении обездоленной. Однако тогда же гербы вышли за пределы воинского сословия и были приняты у отдельных вовсе незнатных лиц и даже различных духовных особ: в свой черед эти эмблемы усвоили себе дамы (с 1180 г., а подчас много раньше), затем клирики (к 1200 г.), высшие слои городского населения – патриции и буржуа (до 1220 г.), а потом и ремесленники (к 1230 г.), города (с конца XII в.), цехи и профессиональные корпорации (к 1240 г.), гражданские и монашеские общины (в конце XIII и начале XIV в.). В отдельных местностях (Нормандия, Фландрия, Южная Англия) даже некоторые крестьяне обзавелись гербами. Если Церковь поначалу отнеслась к системе, сложившейся вне ее влияния и без всякого руководства с ее стороны, далеко не ласково, то, усвоив этот «язык» идентификации и найдя

Герцоги и графы обзавелись гербами раньше, чем короли. Похоже, что Франция избрала в качестве своей эмблемы прославленный картуш из «лазури» (синий), усеянный золотыми лилиями» достаточно поздно. Самое раннее дошедшее до нас свидетельство – печать, однако не самого короля Филиппа-Августа, а его сына принца Людовика. Хартия, скрепленная этой печатью, датируется 1211 г. (слева). Первое цветное изображение того же герба Капетингов появилось несколькими годами позднее на витраже собора в Шартре. Цветок лилии вовсе не считался исключительной собственностью королей Франции. Она часто встречается, например, на многочисленных печатях, и в том числе на печати начала XIII в., принадлежавшей виконту Туарскому (вверху) и даже на печати одного нормандского крестьянина (внизу).

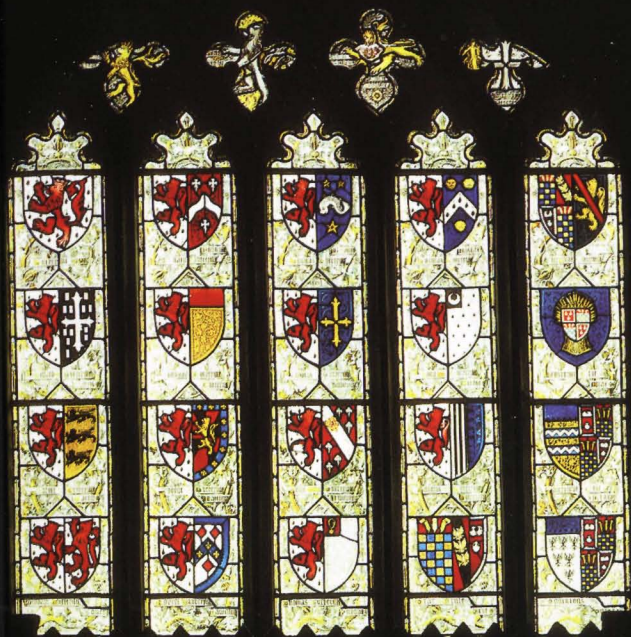

его удобным, она перешла в лагерь его пользователей и приверженцев, по крайней мере, с XIV в. С этой поры церковные памятники превратились в своеобразные «музеи» геральдики. Гербы можно видеть на плитах, на стенах, на витражах, на потолках, на церковной утвари и на облачениях духовенства. Геральдика занимает очень заметное место в религиозном искусстве позднего Средневековья и сохраняет свое значение на всем протяжении эпохи барокко.

Существенную роль в распространении гербов на невоенные круги сыграли печати. Сеньоры и рыцари не довольствовались гербами на щитах, но стали расписывать геральдическими символами свои знамена, доспехи, попоны и вольтрапы своих коней, а в особенности печати, ибо печать выражала индивидуальность, заявляла о личности или сообщала о некоем юридическом лице.

Печати распространялись пользование гербами среди знатных дам (внизу – печать Элеоноры Кастильской, супруги короля Англии Эдуарда I) и духовных особ (вверху – печать бельгийского города Дамма). В XIII в. рукописные документы, как правило, опечатывались. Любой документ без печати будил подозрения, и заинтересованные лица (договаривающиеся стороны, свидетели и пр.) предпочитали пользоваться своими печатями. Две трети таких печатей принадлежат к тому же иконографическому типу, что и гербы, то есть геральдические элементы вписывались в поле печати.

Из-за Религиозных войн XVI в. и разрушений во время Революции французские церкви, некогда изобиловавшие предметами с геральдической символикой, сильно в этом отношении оскудели. В соседних странах, однако, гербов в христианских храмах осталось очень много, хотя гербы, бесспорно, проходят по категории светской символики. Внутреннее убранство храма, особенно выражающее в распоряжении геральдиста богатейший материал, свидетельствующий о процессах, происходивших с конца Средних веков вплоть до начала Новейшего времени, примером чему интерьер собора в Бристоле (слева) или витраж одной из церквей Дорсета (справа), а на витраже в соборе Шартра (справа внизу) изображен маршал Франции Жан дю Мез в украшенном гербами облачении. Но работать с этой красочной документацией непросто: то и дело возникают затруднения с датировкой, с опознанием изображенных персонажей, не всегда очевидна и подлинность той или иной работы. Да и разглядывать их подчас несудобно: витражи располагаются слишком высоко.

От гербов настоящих к гербам в воображении

Мало-помалу все лица, имевшие право на печати, приняли обычай заполнять поле печати геральдической символикой, потому что так поступала аристократия. Мы знаем около миллиона гербов – столько их было в Западной Европе. И из этого миллиона три четверти приходится на печати, а добрая треть гербов принадлежала людям далеко не знатным.

Географическое местоположение колыбели геральдики установить вряд ли возможно. Гербы возникли в нескольких регионах Западной Европы практически одновременно: это случилось в областях между Луарой и Рейном, в Южной Англии, Швейцарии и Северной Италии. Впоследствии они распространились из этих небольших районов по всей Европе.

На всем протяжении XIII и XIV вв. происходила «геральдизация» общества. Этот датируемый началом XIV в. швейцарский деревянный сундук обтянут раскрашенным пергаментом с гербами.

В начале XIV в. новая мода охватила весь Запад и даже начала просачиваться на Восток и по-немногу перениматься восточными христианами.

Географическому и социальному расширению геральдики сопутствовал рост материального благосостояния: и на самих гербах изображалось все больше предметов, и все больше вещей, тканей, одеяний, произведений искусства и памятников украшалось гербами. Гербовые изображения выполняли три задачи: идентифицировали личность владельца; сообщали о принадлежности к определенному классу общества и, наконец, использовались как декоративная деталь – представляя собой своего рода узор, герб легко включался во всяческого рода орнаменты. Дошло до того,

что геральдика не только вошла в плоть и кровь общества, в его духовность и в психологический строй, не говоря уже о материальной культуре, но гербы стали иногда даже приписываться – это началось примерно с конца XII в. – вымышленным персонажам (героям романов, персонажам мифов, легенд и сказаний), а также людям, которые хотя и существовали в действительности (к примеру, знаменитым деятелям античности и Высокого Средневековья), но, разумеется, никогда не пользовались геральдикой.

Новые эмблематические формулы

Повсюду в Европе примерно до XVIII в. изобиловали гербы как физических, так и юридических лиц, иначе говоря, гербы использовали целые коллективы и группы, в частности, различные организации

К концу Средневековья геральдика обрела символы как жизни, так и смерти. Усыпальницы (внизу гробница Филиппа По, служившего великим камергером у Людовика XI) украшались не только гербами самих погребенных, но зачастую и их предков. Длинное покрывало на графине Солсбери (вверху; дама прикована цепью к своему супругу в знак нерасторжимости их брачного союза) украшено как знаками, принадлежащими ее мужу, так и символами, доставшимися графине от ее отца.

«Книга турниров короля Рене»

Наверное, даже не столько на войне, сколько на турнирах рыцари XII в. могли выставить на показ свои опознавательные знаки со всеми присущими им неизменными чертами и хитроумными шифрами. Пока рыцари продолжали состязаться на турнирах, то есть по крайней мере до XVI в., именно турниры оставались основным театром разыгрывания геральдических ритуалов в аристократической среде. Появились целые руководства по проведению турниров. Признание получило одно из них, составленное в середине XV в. под руководством короля Рене Анжуйского. Турнир, как правило, продолжался трое суток, в течение которых состязались две команды (рыцари сражались попарно, двое против двоих). Состязанию предшествовала продолжительная демонстрация гербов, знамен и гребней, украшавших шлемы.

духовенства. За период с начала XVI в. можно насчитать около десяти миллионов так или иначе опубликованных или использовавшихся гербов.

Хотя со временем печатями стали пользоваться реже и меньше — их понемногу вытеснили личные подписи, а при совершении особенно ответственных актов подписывающиеся для подтверждения своих подписей обращались к услугам нотариусов, — это не сократило масштабы пользования гербами. Напротив, поскольку за принятием гербов никакого особенного присмотра не было, их становилось все больше, и если что и сдерживало желающих приобщиться к геральдике, так это необходимость соблюдать уже выработанные к этому времени правила составления гербов. Барокко придало новый импульс геральдике, и она стала широко развиваться, особенно в Италии, Австрии и Южной Германии. Всплеск интереса к геральдике продолжался вплоть до середины XVII в. Начиная с середины XVIII в. в геральдике замечен некоторый спад (особенно во Франции и Англии), и произошло это, видимо, потому, что

гербам приходилось тягаться с новыми эмблематическими формулами: шифрами, монограммами, значками, девизами. В XIX в. этот спад становится еще более резким.

Сконца Средних веков на гербе появляются надписи функционального или информативного — например, сообщаящего о чине или сане носителя — характера. Кроме надписей тогда же появились значки, девизы, шифры, монограммы, ожерелья и прочие «опознавательные знаки» (справа страница манускрипта XVII в. с эмблемами корпораций г. Орвьето). Художники нередко объединяли

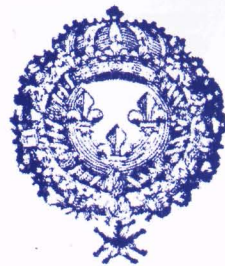
в одном произведении эмблемы и мотивы самого разного рода, как это можно видеть на майоликовом блюде с гербами папы Юлия II (собственно папские инсигнии — тиара и ключи) или на большом гербе, который художник Дюрер разработал для Смерти.

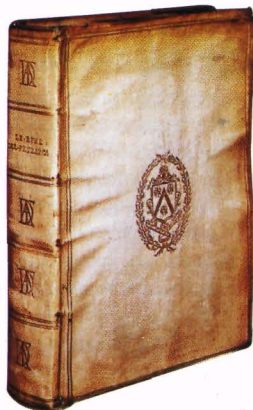
EDIT DU ROY,

мать, чтобы обеспечить приток серебра в казну, сильно оскудевшую из-за войн с Аугсбургской Лигой. Отсюда – грозные посулы штрафа в 300 ливров и конфискации всякого украшенного гербами движимого имущества, принадлежащего отдельным лицам или общинам, которые не регистрируют свои гербы. При регистрации удерживалась пошлина за право ношения герба. Размеры ее определялись статусом и платежеспособностью законопослушного подданного королевства. Отдельные подданные платили по 20 ливров – сумма весьма внушительная. Если же кто-либо желал внести изменения в свой герб, он должен был повторить процедуру регистрации с оплатой геральдического права. Несмотря на угрозу штрафа и конфискации, повторенную в указе 1697 г., подданные не спешили повиноваться суровому указу. Поэтому собравшийся 3 декабря 1697 г. Королевский совет постановил учредить в каждом интендантстве и финансовом округе так называемые «роли», в которые надлежало заносить имена всех частных лиц и общин, не имевших законного права на пользование гербами. По обнаружении роли упомянутые в ней лица и организации могли в течение 8 дней зарегистрировать присвоенные ими или полагающиеся им по чину гербы и уплатить положенную пошлину. Однако было много частных лиц – магистратов, врачей, купцов, ремесленников, чиновников – и разного рода обществ, которые не только никогда не пользовались гербами, но и не думали даже отягощаться подобными заботами. Но были и такие, которым ношение гербов вменялось в обязанность. Чаще всего они должны были получать гербы по чину, к примеру, вступая в какую-то должность. Ради них отечавший за составление Гербовника Шарль д'Озье со своими подчиненными выработал стройную систему символов – так, например, у гербов жителей одного

PORTANT création d'une Grande Maistrise Generale & Souveraine, & établissement d'un Armorial General à Paris ou Depost public des Armes & Blasons du Royaume; & création de plusieurs Maistrises particuliere dans les Provinces.

Гербы на книжных переплетах (справа переплет 1580-х гг. из собрания известного библиофила Жака-Огюста де Ту) появились уже в Средние века, когда книги были еще рукописными. А в XVI–XVII вв. гербов на книжных переплетах становится еще больше. Но потом возникли другие геральдические эмблемы, помещавшиеся не на корешке, а внутри обложки – экслибрисы, которые завершали геральдическое оформление тома.

Если что-то имя и герб заносились во Всеобщий Гербовник 1696 г., то это вовсе не означало, что носитель имени и владелец герба принадлежал к знати (слева воспроизведена страница из перечня гербов парижских ремесленных корпораций). Среди ста двадцати тысяч с небольшим зарегистрированных гербов только шестая часть принадлежала знатым лицам или семьям. Широкая общественность зачастую не отдавала себе в этом отчета, а то и просто не знала истинного положения вещей. В поисках голубизны в своей крови народ по-прежнему верит, что для доказательства благородного происхождения довольно отыскать предка – или хотя бы однофамильца! – в этом необозримом списке. Не слишком щепетильные контролеры охотно помогают всем желающим заниматься подобными разысканиями.

города или граждан определенного региона сохранялись одни и те же цвета и фигуры, а новизна и опознаваемость возникала за счет небольших изменений в рисунке очередного нового герба. Это руководящее творчество стало удобным поводом для создания множества «гласных» («говорящих») гербов – так называли эмблемы, фигуры и рисунки которых намекали на имя носителя: герб превращался в своего рода ребус. Некоторые такие гербы, заботливо внесенные во Всеобщий Гербовник, вообще можно было воспринять как издевательство, и понятно, что осчастливленные подобными эмблемами лица ими никогда не пользовались. Одного бретонского аптекаря наградили щитом с изображением шприца над тремя ночными горшками, а нормандский адвокат по фамилии Ле Марье (что значит «супруг») в ответ на просьбу о гербе получил щит, украшенный парой ветвистых рогов.

Революция против гербов

Ошибочное увязывание гербов со знатностью восходит, по крайней мере во Франции, ко временам Революции. На прославленном заседании 19 июня 1790 г. Конституционная ассамблея предписала отмену и запрет на ношение гербов наряду со знатностью, титулами, livreaми и иными особыми одеяниями, личными знаменами и вым-

Виконт Матье де Монморанси (слева) предложил Конституционной ассамблее включить гербы в список подлежащих запрету «знаков феодальности».

пелами, рыцарскими орденами, наградами и украшениями и прочими «знаками феодальности». Пользование гербами упразднилось. Но если бы учредители конституции потрудились оглянуться вокруг, они вынуждены были бы согласиться с тем, что гербы никак не могут считаться «знаменами феодальности»: гербами располагали многочисленные буржуа и ремесленники, да и города, учреждения и общины, по большей части, не обходились без таких эмблем. Но зло совершилось, и, несмотря на восстановление в правах в эпоху Империи, а затем во времена Реставрации, гербы так и не вернули себе того положения, которое они занимали в Средние века и при Старом Режиме. Декрет Конституционной ассамблеи был подтвержден патентом Людовика XVI от 22 июня. И начались гонения на гербы, вскоре превратившиеся в настоящую охоту. В 1791–1792 гг. появилось еще несколько указов, предписывавших удаление всей символики этого рода со всякой как недвижимой, так и движимой общественной и частной собственности и устанавливавших все более суровые наказания по отношению к лицам, продолжавшим пользоваться геральдикой. Единственным исключением объявлялись предметы, представляющие «художественный интерес», которые предлагалось не уродовать, но доставлять в ближайший музей или хранилище. Собственники гербов должны были «канселлировать» (то есть зачеркивать) или сжигать свидетельства о своих титулах, соскабливать их с родовых ваз и фамильного серебра, перелицовывать чугунные плиты в своих каминах или выдирать их с корнем, перековывать приватные таблички. После 21 сентября 1792 г., когда пала монархия, преследования распространились и на королевские атрибуты – короны и лилии.

Le soussigné Inspecteur de Voierie a remarqué, rue neuve des petits champs a l'hôtel du contrôle general que l'on a pas supprimé les armer qui existe au dessus de la porte cochere du d. hotel. Chailbou

Французской революции пришлось постыдно выработать новую систему эмблем и символов. Однако для этого она не стала видоизменять только что отмененную геральдическую номенклатуру, но обратилась к уже существовавшей символике иного рода, перерабатывая эмблему франкмасонства и черпая особенно охотно из той системы символов, которая возникла после американской революции. Только традиционный галльский петух, представлявший собой компромисс со Старым Режимом, в самом

деле стал образом нации. Песня петушка будила французское Отечество и обещала ему новые времена.

Внизу – факсимиле брапорта того времени (1790): инспектор Надзора Шеллу сообщает о гербах, уцелевших на улице Нёв-де-Пти-Шан.

Последовавшие затем месяцы превратились в сущее безумие: толпы народа яростно накидывались на эти эмблемы. В августе 1793 г. церковь Сен-Шапель в Париже лишилась шпилья — его снесли потому, что он, среди прочего, был украшен литейной «L» (инициал Людовика) и королевскими лилиями.

От эпохи Первой империи до наших дней

Этот «геральдический террор» продолжал свирепствовать, не ослабевая, вплоть до 1795–1796 гг.

Наполеон восстановил обычай ношения гербов в 1808 г., сразу после того, как создал новую имперскую знать, за которой он закрепил исключительное право пользования геральдикой. Геральдисты Первой империи разработали сложную, но стройную систему знаков, стремясь к тому, чтобы с первого взгляда по гербу можно было определить сан и чин его носителя. Труды их, однако, пропали

в ту пору, потому что у разработанной ими системы, более теоретической, чем эстетической (фигуры на гербах были слишком перегружены смыслами), просто не оказалось времени для существования и, по сути дела, она никогда не применялась. В 1814 г. Людовик XVIII положил конец геральдическим химерам Империи. Как было в Средние века и при Старом Режиме, всякий, знатный или простолюдин, физическое лицо или юридическое, вновь получал право по своему вольному выбору обзаводиться гербом, пользоваться им в свое удовольствие и менять его с единственным ограничением: нельзя было посягать на чужие гербы и уже принадлежащие кому-то символы.

Этот принцип остается в силе и до сего дня во Франции, как и в большинстве стран Европы. Только в отдельных монархических государствах, где за аристократией сохраняется определенный юридический статус (например, в Великобритании, Бельгии и Нидерландах), существуют государственные учреждения, занимающиеся правовым регулированием геральдики.

Соединенное Королевство Великобритании остается страной, в которой геральдика сохраняется на себе явственную монархическую и институциональную печать. Королевская коллегия гербов (*Royal College of Arms*) была учреждена в 1484 г. — хотя гербовая служба при короле во главе с верховным герольдом существовала с 1415 г. — и до сего дня следит за соблюдением правил в устройстве любых официальных церемоний, в которых участвует королева или иные члены царственной фамилии.

Символом своей Империи Наполеон Бонапарт сделал орла — фигуру по преимуществу имперскую (слева вверху).

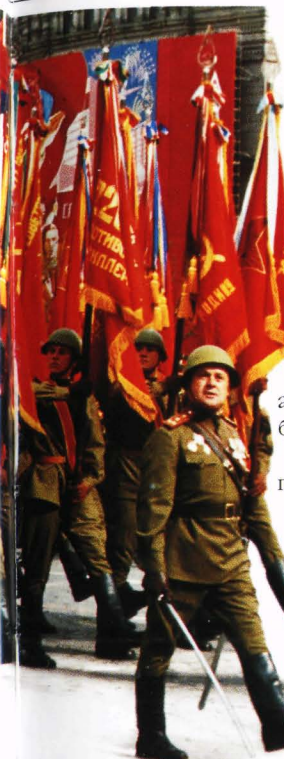

Торговые знаки, эмблемы разного рода – взять хотя бы логотипы – не только процветают на «обочинах» геральдики, но подчас и соперничают с ней. Города, коммерческие фирмы, общины, другие коллективы и организации отказываются от традиционных гербов, предпочитая им более простые и легче запоминающиеся логотипические эмблемы. Другие выбрали верность преданию, но и среди сторонников традиции много тех, кто дублирует старинные гербы современными эмблемами. Что касается частных лиц, то среди них частота пользования гербами от страны к стране меняется: в Скандина-

Габон пользуется символикой, сильно напоминающей европейскую. Только фигуры зверей для герба страны позаимствованы из отечественной фауны (внизу).

вии, в Шотландии, в Швейцарии гербов куда больше, чем в Англии, Германии или Центральной Европе, а во Франции и на юге материка гербы попадаются совсем редко.

Зато начиная с XVIII в. обычай пользования гербами вышел за пределы Европы – сначала в христианские страны Нового Света, а затем в Азию, Африку и Океанию. Эта интернационализация европейской геральдики, особенно заметная в последние десятилетия, зачастую наносила немалый ущерб местным символическим системам, за которыми порой стояла многовековая история: в Черной Африке, на-

пример, все страны обзавелись знаменами и гербами европейского типа, хотя почти везде на континенте издревле существовали племенные и родовые эмблемы, передававшиеся из поколения в поколение и с успехом игравшие ту же роль, что и гербы в Европе. Этот переход Африки на новую эмблематику приносит очевидные выгоды прежде всего Западу. О чем остается только сожалеть.

Новые знаки и эмблемы, в чем-то продолжающие традицию геральдики, а во многом ее отрицающие, многочисленны и разнообразны. СССР всегда очень неумеренно пользовался различными символами, которые группировались по традиционным принципам построения герба (слева – военный парад на Красной площади в 1985 г.).

Многие большие города отказались от традиционных гербов и пользуются теперь логотипами, – нередко, впрочем, логотип ограничивается первой буквой названия города, – причем логотип может представлять собой творческую переработку старинного знака. Так, логотип Парижа (слева в самом низу) повторяет главную фигуру старинного городского герба (справа внизу, над логотипом).

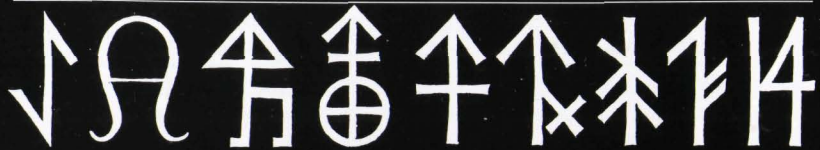
Геральдика — это и социальный кодекс, и система знаков. Последняя с самого начала складывалась из фигур и цветов, использовавшихся для заполнения эмблем, и со временем выработались определенные обычаи, принципы и правила сочетания фигур и красок. Совокупность этих правил вкупе с репертуаром используемых фигур и цветов составила своего рода гербовую грамматику.

ГЛАВА ВТОРАЯ ФИГУРЫ И ЦВЕТА ГЕРБОВ

Шесть основных цветов и набор ограниченного числа фигур обеспечили возможность составления бесчисленного множества комбинаций. Этот источник вдохновения сумел просуществовать несколько столетий.

Точные правила, строгость композиции

В построении гербов используются два начала: фигуры и цвета. Они заполняют поле щита – геометрической фигуры, ограниченной периметром: форма этой ломаной линии, вообще говоря, безразлична. Треугольный щит, унаследованный от средневековых рыцарей, не обязателен, но простота формы обеспечивает ее наибольшую распространенность. Тем не менее хватает гербов, вписанных в круг, овал, квадрат или ромб (с XV в. ромбические щиты чаще всего выбирались женщинами), и есть неисчислимое множество гербов, периметры которых по необходимости нельзя замысловаты – иначе невозможно было бы вместить все то, что владетель эмблемы или создававший ее художник хотел изобразить. Если за опору эмблемы выбиралась хоругвь, понона или риза, то периметром герба, внутри которого размещались его элементы, становились края такой вещи – в сущности, фигурного куска ткани или отреза материи.

Но внутри щита ни цвета, ни фигуры нельзя было располагать как попало. Полагалось держаться

строгих правил композиции, их было мало, но они считались непреложными. Именно наличие этих правил и составляет наиболее очевидное отличие европейских гербов от эмблем, бытовавших в иных культурах. В Азии и Африке, в Америке до Колумба тоже в ту или иную эпоху существовали эмблематические формулы, более или менее напоминавшие по виду западные гербы. Однако построение таких знаков не подчинялось сколько-либо постоянным канонам, требовавшим неукоснительного исполнения.

Шесть цветов герба

Главное правило науки построения герба регулирует использование цветов. Их всего шесть – и все они обозначаются в европейских языках особыми словами, как правило, отличными от обыденных прилагательных. Это золото (желтый, фр. *or*), серебро (белый, фр. *argent*), червлень или киноварь (красный, фр. *gueules* – пасть, алая), чернь (черный, фр. *sable* – земля или соболев) и зелень (зеленый, фр. *sinople*). Эти шесть красок играют основополагающую роль во всей западной культуре. Первые пять цветов встречаются в гербах всех эпох и регионов, и с течением времени частота их упот-

На крестьянских гербах изображались фигуры, которые не только указывали на географию тех мест, из которых происходил владетель эмблемы, но и сообщали о том, что он владеет какими-то постройками (слева). Очевидно сходство таких фигур с клеймами, которыми метили скот (вверху – клейма народа тубу в Сахаре).

Крутовой периметр, популярный в Японии (вверху), довольно редок в Европе, где гербы зачастую вписываются в щиты очень замысловатой формы: слева – щит в виде «огнива» из большого герба Бургундии.

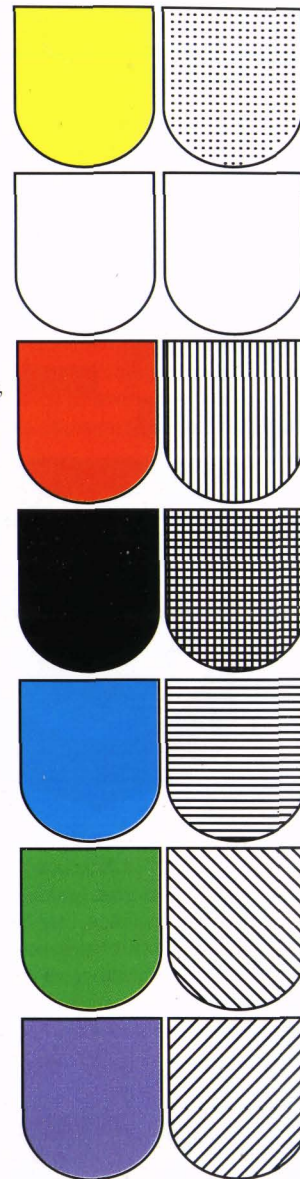
ребления только возрастает. Шестой цвет, зелень, попадает реже, но причины его относительной редкости до сих пор никем не были убедительно объяснены. Кроме того, иногда, хотя и совсем редко, можно видеть седьмой цвет – пурпур или багрянец (фиолетовый – фр. *pourpre*), но он используется лишь в исключительных случаях и вряд ли может считаться полноправным геральдическим цветом.

Перечисленные геральдические цвета мыслятся цветами абсолютными, концептуальными, чуть ли не бесплотными – цвет в геральдике понимается не материально, а, так сказать, «духовно». Красный цвет (червлень), например, может изображаться алой, карминной, гранатовой, кошенильной и т. д. краской – и все равно, это – червлень, а не что-то еще; воспринимается сама идея красноты, а оттенки в расчет не принимаются. Это же относится к лазури, черни или зелени, а также к золоту и серебру, которые изображаются как (чаще всего) красками – желтой и белой, так и металлами – золотом и серебром. На гербе короля Франции, на котором «лазурь усеяна золотыми лилиями», означенная лазурь может быть небесно-голубой, темно-синей или цвета морской волны, а лилии – лимонно-желтыми, желто-оранжевыми или золотыми. Оттенок не важен и не имеет смыслового значения. Художник волен изображать цвет в соответствии со своими возможностями, используя близкие ему приемы и эстетические представления. В разные времена один и тот же герб мог изображаться в самых разных оттенках одних и тех же цветов и потому выглядеть очень по-разному.

Правила сочетания геральдических цветов

Наука составления герба делит шесть цветов на две группы: в первой – серебро и золото, а червлень, чернь, лазурь и зелень – во второй категории. Самое главное правило запрещает соседство или взаимоналожение – не распространяясь, правда, на мелкие подробности (к примеру, языки или когти геральдических зверей), – двух цветов, относящихся к одной категории. Положим, что есть щит и есть

Гербы без фигур, тем более одноцветные – большая редкость. Гербовая наука называет такие гербы «простыми». «Кодекс Манесс» из Цюриха – знаменитый манускрипт нач. XIV в., содержащий стихи 130 немецких труверов, сообщает среди прочего о безымянном поэте-рыцаре (*der Dürer*) с «простым червленью» гербом.

К концу XV в. распространение черно-белых гравюр и оттисков привело к устранению изображения весьма важного для геральдики начала – цвета. Поначалу гербы на гравюрах раскрашивали вручную – подражая иллюминациям, то есть иллюстрациям в манускриптах. Это продолжалось несколько десятилетий. В XVI в. было предложено несколько систем шифровки – краски на изображениях заменялись буквами, а также цифрами и иными значками. Но и это решение мало кого удовлетворило. Наконец, в начале XVIII в. антверпенские граверы вырабатывали простую и удобную систему обозначения цветов разнонаправленной штриховкой, и со временем эти обозначения приняли все типографии.

фигура на щите, скажем, лев. Пусть поле щита – червлёное (красное). Тогда леву дозволяется быть серебряным (белым) или золотым (жёлтым), но ему нельзя быть ни лазурным (голубым), ни черным, ни зеленым, поскольку лазурь, чернь и зелень числятся в той же группе, что и червлень. И наоборот, если поле щита – серебряное, то лев вправе быть червлёным, лазурным, черным или зеленым, но только не золотым. Это правило действует столько, сколько существуют гербы, и соблюдается почти неукоснительно – доля нарушений не достигает и 1% от общего количества всех известных гербов. Полагают, что возникло оно в подражание к уже существовавшим знаменам и штандартам, которые сильно повлияли на становление геральдики. Смысл же правила, по крайней мере, первоначальный, сводится к видимости и узнаваемости. Первые гербы, как правило, двухцветные, служили опознавательными знаками, которые должны были безошибочно узнаваться в сумятице сражения. Понятно, что красное куда заметнее на белом или жёлтом фоне, чем на синем, черном либо зеленом. Но одной заметностью все сложности разрешить нельзя. Ведь и прежде гербов существовала цветовая символика, и очень богатая, и как раз к появлению геральдики она менялась. Новое обще-

ство – то, что утверждалось на Западе после 1000 г., – перекраивало привычный порядок цветов. Если в классической греко-римской древности и на заре Средневековья основными цветами считались белый, черный и красный, то во II тысячелетии в этот ранг были возведены синий, зеленый и желтый, и это сказалось на общественной жизни и отобразилось во всех появившихся кодексах. Геральдика – тоже из этого ряда новаций.

Правило, запрещавшее определенные сочетания цветов, ограничивало свободу не только составителей гербов, но распространялось на другие символы. Ему подчинялись знамена, выпелы, флотские флажки и иные военные и морские знаки – во всяком случае, уклонения от геральдического правила встречаются

редко. Вот почему современные государственные флаги – зачастую прямые наследники средневековых знамен и штандартов – также строятся на основе семи цветов (правда, вместо фиолетового или лилового «пурпура» теперь в ходу оранжевый) и с соблюдением, в общем, правил традиционной геральдики. Сегодня в ходу около 200 национальных флагов, и более 80% их верны старинному правилу сочетания цветов. Стоит взглянуть на флаги Греции (1), Франции (2), Польши (3), Исландии (4), Швеции (5), Финляндии (6) и Венгрии (7).

Колесо – мотив в геральдике сравнительно редкий. Наиболее известно колесо на гербе архиепископа Майнца (слева).

Но каково бы ни было происхождение правила о сочетаниях цветов, оно веками определяло построение гербов. Правда, порой его обходили – если, например, на одном щите помещали два разных герба, то цвета, которым не полагалось соседствовать, поневоле соприкасались друг с другом. Когда в 1337 г. король Англии Эдуард III объявил себя королем Франции, ему пришлось объединить гербы обоих королевств. На новом, «четвертованном», щите лазурное поле французского герба по необходимости оказалось смежным с червлёным полем герба английского.

Для кинематографистов и кинозрителей гербы – это всегда и прежде всего, – память о Средневековье. Поэтому гербы на рыцарских щитах – деталь, обыгрываемая едва ли не в любом фильме на средневековую тему (внизу – кадр из фильма Эрика Ромера «Персеваль Гальльский»).

Фигуры: репертуар не ограничен

Цвет для герба – конечно, самое главное. Бывают гербы без фигур, но не может быть бесцветного герба – пусть даже некоторые гербы задокументированы только монохроматическими изображениями, например на монетах или печатях. Зато фигуры на гербах очень разнообразны. Это разнообразие необходимо: нет зверя, дерева, цветка, которые не могли бы появиться на щите герба, а с особой легкостью становятся геральдическими фигурами фигуры геометрические. Репертуар фигур непрестанно обогащался, пополнялся все новыми и все более изобретательными элементами. В наше время, к примеру, города, обзаводясь аэропортами, украшают свои эмблемы стилизованными самолетами, а зимние курорты – горными лыжами, чаще всего скрещенными.

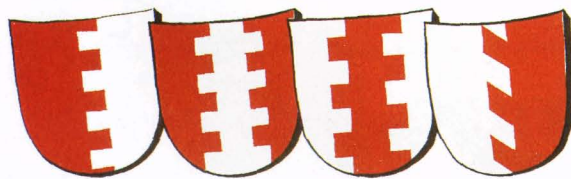

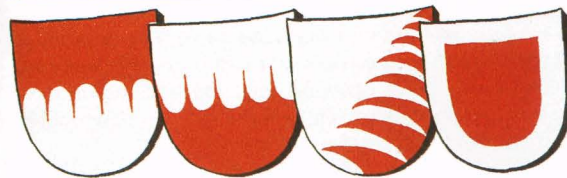
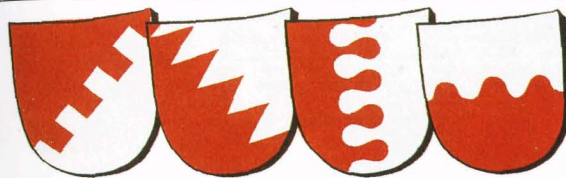
А в бывшем СССР, а также в Румынии, когда там правили коммунисты, многим колхозам были пожалованы гербы, орнаментированные силуэтами жне-ек-молотилок и прочих сельскохозяйственных машин. В этом есть отход от духа геральдики.

Если любая фигура может попасть на щит герба, то из этого вовсе не следует, что она обязана туда попасть. Расхожий репертуар фигур, включающий самые распространенные из них, оставался сравнительно небогатым и практически не менялся — по крайней мере, до XVII в. В десятилетия, которые непосредственно последовали за изобретением гербов, то есть в XII в., набор доступных для использования фигур ограничивался двумя десятками графических единиц. Это число росло, но к концу Средневековья количество распространенных фигур не превышало сорока. Заметным расширением репертуара мы обязаны прежде всего XVII и XVIII вв., когда умножилась пестрота в гербах сначала в германских землях и Центральной Европе, а потом и за пределами Европы, на других континентах: именно тогда появились щиты с изображениями экзотических животных и растений. Очень долго растительность — не считая геральдической лилии — и обычные вещи на щиты гербов почти не наносили. Треть фигур приходилась на животный мир, треть — на геометрические фигуры, получавшиеся делением щита на клинья, полосы и угосы.

Это безанты, кольца, ромбы, звезды, гонт и т. д. К концу Средневековья и на заре Нового време-

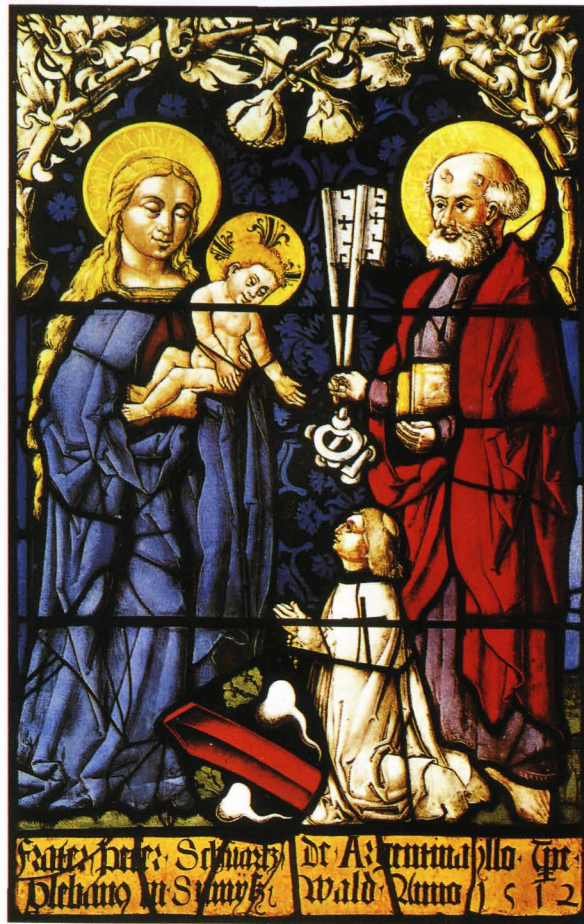
Геометрические фигуры, украсившие гербы, появились в подражание элементам крепежной арматуры настоящих щитов того времени (они представляли собой доски, скрепленные металлическим набором), а также как имитация знамен феодальной эпохи (их делали, сшивая воедино куски ткани разного цвета). Поначалу гербовые фигуры строили из прямых отрезков, но вскоре ломаная линия стала включать в себя дуги, сегменты овалов, изломы, извивы. Затем добавились зубцы, наподобие крепостных, цветки, языки пламени и т.д. Существовало бесконечное количество вариантов. Гербы у физических и юридических лиц становилось все больше, и, чтобы они не слишком походили друг на друга, приходилось придавать линиям и бордюрам все более замысловатые очертания.

В Кодексе Манесс многих рыцарей-поэтов изображали с гербами. Часто видны гербы и со сравнительно редкими или трудно идентифицируемыми фигурами. Некоторые фигуры вообще не поддаются опознанию, и потому в XVII в. роскошный манускрипт Манесс многие считали набором измышлений и называли его «фантастическим гербовником». (В середине с двумя топорами Вольфрам фон Эшенбах, который написал вдохновившую Вагнера поэму «Парцифаль».)

Плуг как геральдическая фигура — это большая редкость, и изображается он очень схематично. Герб коллективного хозяйства «Вноровы» в бывшей Чехословакии украшен вполне реалистичным изображением плуга. А в Средние века плуг если и изображали, то ограничивались лемехом или сильно стилизовали.

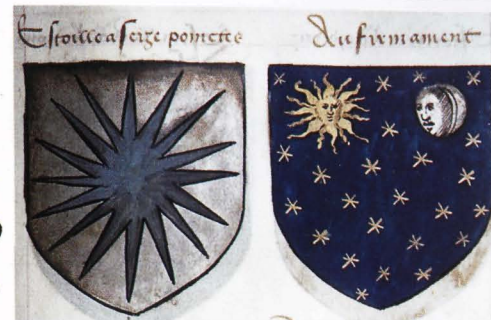

ни, когда используемый набор символов диверсифицировался, на щитах стали изображать растения (деревья, цветы, плоды, листья) и предметы повседневного обихода (оружие, утварь, одежды), силуэты которых соединялись с более простыми традиционными фигурами. Затем на щитах появились части зданий и целые здания, органы человеческого тела, а потом и самые настоящие художественные композиции, так что герб подчас

Некоторые геральдические фигуры представляются громоздкими и не очень уместными. На швейцарском витраже XVI в. изображены Дева Мария с Христом и Св. апостолом Петром. Однако владелец этого герба не смущался, заказывая художникам этот образ, и требовал лишь точной передачи герба, унаследованного от предков. Его должны были узнавать

по гербу, подобно тому, как по ключам опознают апостола Петра.

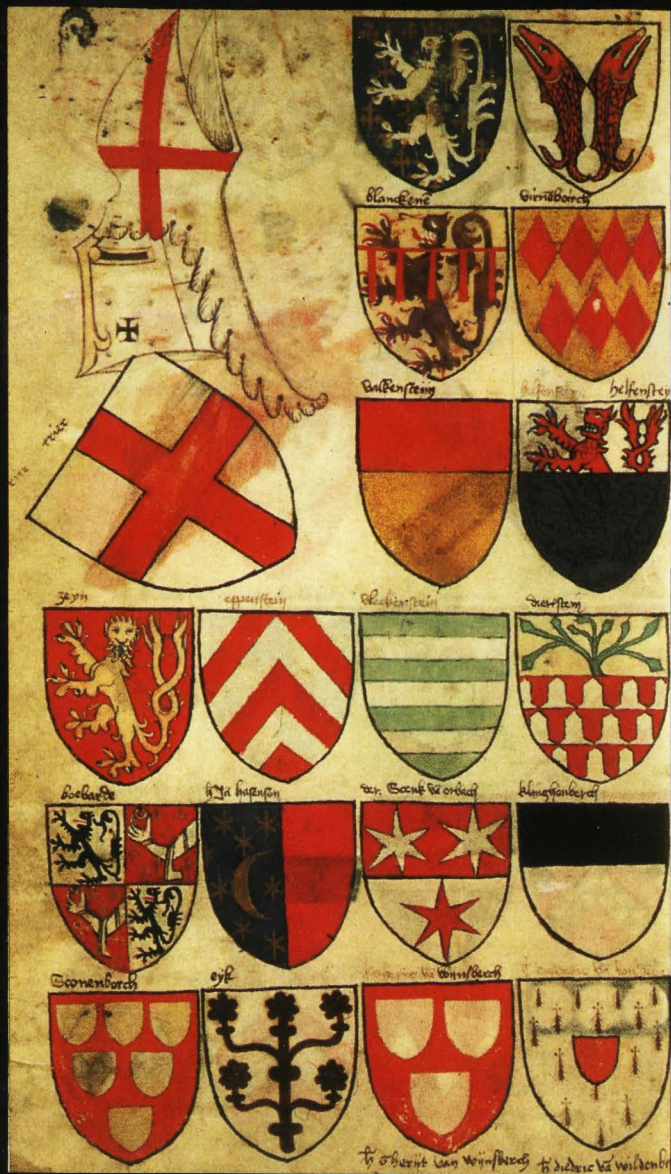
превращался в небольшую картину, что противоречило духу геральдики. Века сменяли друг друга, гербовых фигур становилось все больше, и не только в репертуаре, но и на гербовых щитах. Если в XII–XIII вв. на гербе обычно изображали 1–2 фигуры, то в XVII в. нередко были гербы с четырьмя, пятью, шестью, а то и большим числом неодинаковых фигур. Чтобы уместить их, щит делили на части

или (позднее) к первоначальной крупной фигуре присоединяли новые. Родовой герб редко оставался неизменным: время приносило новые родственные связи и изменения в статусе, и эти перемены, как правило, отображались на щите герба, особенно герба семьи из высших слоев аристократии.

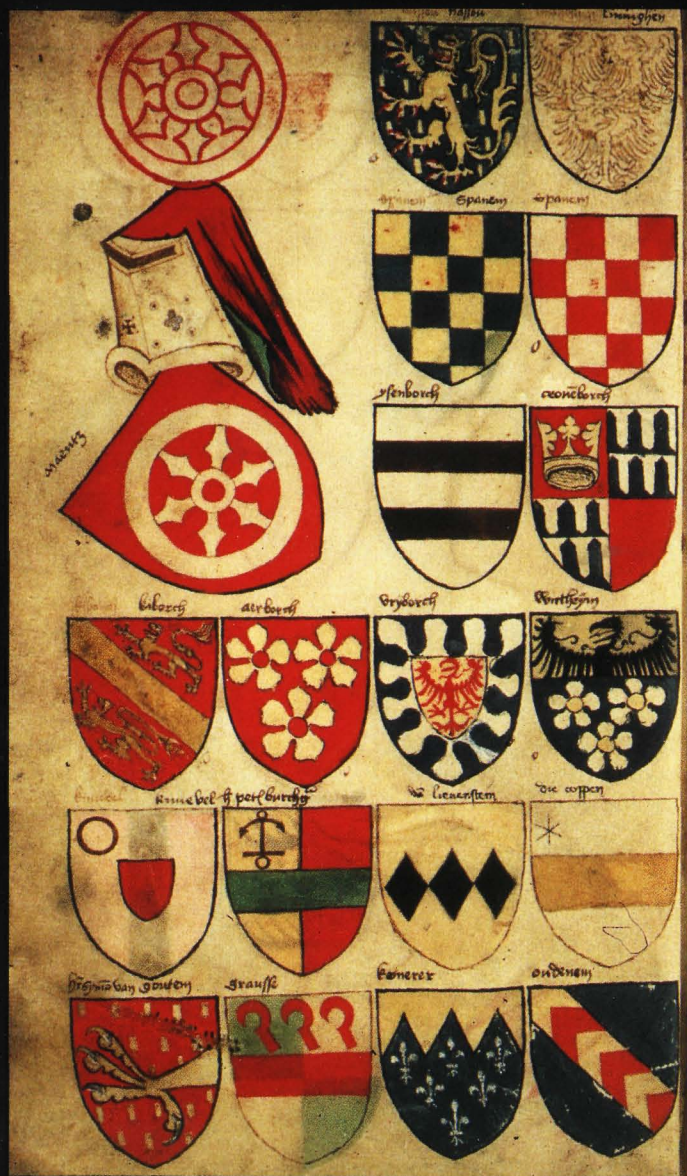
Звезда – из всех фигур, изображавших небесные светила, – встречалась на гербах чаще всего. К XVII в. звезда стала второй по распространенности геральдической фигурой, занимая второе место после льва. Солнце и Луна изображались много реже, но зато порой с человеческими лицами, как на воспроизводимых здесь гербах с Небесным сводом. Они заимствованы из трактата XVI в., а разработал их принадлежавший к братству св. Христофора Альберского художник Якоб Грюн и его жена.

Грудь, из которой брызжет молоко, – фигура не просто редкая, а из ряда вон. Однако она украшает английский родовой герб Питера Доджа из Стопфорда (внизу). Судя по всему, юмор и геральдика вполне могут ладить друг с другом.

Белленвильский гербовник

Этот гербовник получил свое название по имени одного из старинных владельцев, Антуана де Боленкур, сеньора де Белленвиль. Он был королем гербов в ордена Золотого Руна и скончался в 1559 г. Белленвильский гербовник — один из самых красивых сохранившихся рисованных гербовников Средневековья. Рисунки — четкие и точные, фигуры — стилизованные, краски — свежие и яркие. Он был составлен во 2-й пол. XIV в. и содержит более 1300 гербов со всей Европы, которые размещены в порядке «гербовых полей» (*marches d'armes*), то есть в соответствии с географией и феодальной иерархией. Так, после гербов архиепископов Трира (с. 54) и Кёльна (с. 55) показаны гербы их вассалов. Гербовник выделяет, кроме того, около 400 гербов, принадлежащих участникам и походов в Пруссию. Знать всего Запада помогала рыцарям Тевтонского ордена в борьбе против русских, поляков и литовцев.

Примеры построения гербов

По столбцам и рядам сверху вниз, слева направо.

На лазури, усеянной золотым гоном [маленькими вертикальными прямоугольниками], положение золотого льва.

На лазури (краска вытерлась) три серебряные орлицы.

Шахматная доска с лазурными и золотыми клетками.

Шахматная доска с червлеными и серебряными клетками.

На червленом серебряное колесо.

По серебру два черных пояса.

Четверочастный щит из червленого и беличьего меха, первая червленая четверть отягощена золотым венцом (короной из золота).

На червленом перевязь золотом в сопровождении золотых же львов.

На червленом поле три золотых пятилистника с бутонами цвета поля.

По золоту, окаймленному беличьим мехом, червленый орел.

На лазури три серебряные розы о золотых бутонах под золотой главой, с черненым орлом.

На серебре червленый щиток, сопровождаемый черненым кольцом во главе одесную.

Рассечение на золото и червленый с зеленым поясом, сопровождаемым во главе одесную опрокинутым черненым якорем.

На серебре три ромба черные.

Битва орла со львом

Именно фигуры зверей поначалу придавали гербам смысл и неповторимость. У трети известных гербов главный элемент – фигура какого-нибудь животного. Из зверей больше всего любили льва – он встречается чаще всех прочих гербовых фигур, и это верно для всех регионов, всех эпох и всех общественных классов и социальных слоев. Среди европейских гербов «львиных» – почти 15%: в Средние века львов было чуть больше, поближе к нашему времени их стало немного меньше. Следующие по популярности элементы «поояс» и «перевязь» – простейшие геометрические фигуры – не занимают совместно и 5%. Лев – настоящий король гербовника. Стоит заметить, что как раз с XII в. в совокупности западных традиций совершались и иные перемены, вследствие которых царем зверей стал считаться лев. Значительную часть Европы – земли германских, кельтских и скандинавских народов – эти перемены не затронули, и там царем зверей оставался медведь. Геральдический лев всегда изображается в профиль, стоящим на задних лапах. Стоящий на трех лапах лев, голова которого обращена на зрителя (например, на гербе английских королей) называется не львом, а «леопардом», хотя фигура не имеет ни малей-

Орел – единственная звериная фигура, которую позволительно изображать двуглавой. Однако двуглавые орлы в Средневековье были сравнительно редки, а объяснения наличия двух голов – невразумительны. Наиболее известен двуглавый орел в гербе Священной Римской империи германской нации, окончательно утвердившемся в начале XIV в., в царствование императора Сигизмунда.

Ошего отношения к настоящему леопарду. Англичане, кстати, никогда не называют львов королевского герба Англии «леопардами», предпочитая говорить о «шествующих львах, головы коих обращены анфас», так как в старинных bestiaries у леопарда дурная репутация: он будто бы родился как плод соития львицы и пардуса, то есть самца пантеры. Ублодок вырос жестоким и бессердечным, да и природа у него сатанинская. Во время Столетней войны герольды короля Франции не упускали ни малейшего случая напомнить про английских леопардов и посмеяться над вражеским гербом, а заодно и над самим неприятелем. Вообще, если голова леопарда повернута в профиль – это «леопардовый лев». Если лев стоит на задних лапах, а голова обращена анфас, он называется «львиным леопардом».

За львом следует орел, царь пространств воздушных, подчас соперничающий со львом в борьбе за престол царя зверей – в самом деле, в Новое время все империи

Герб Англии (на развороте представлены гербы короля и его семьи из английского гербовника начала XVI в.) возник в правление Ричарда Львиное Сердце (1189–1199). Вернувшись в 1195 г. из плена, король Ричард заменил щит с двумя «ползущими» (вертикальными) и изображенными в профиль львами – такой герб носил король до тех пор и, быть может, унаследовал от отца – Генриха II Плантагенета – щитом с тремя «шествующими» (горизонтальными; первый поперечный ряд на иллюстрации), изображенными анфас «леопардами». За чем Ричарду понадобилась эта перемена – толком неизвестно. На самом деле геральдический леопард – всего лишь разновидность льва (вверху – четыре щита со львами из «упорядоченного» – то есть распределяющего гербы по фигурам, а не по владельцам – английского гербовника начала XV в.). Не будь морда леопарда повернута анфас, он остался бы просто львом, разве что «шествующим».

выбирали для своих эмблем орлов, а не львов. В геральдике оба эти зверя выступают в некоторой степени противниками: заметно, что страны, весьма богатые львами (Бельгия, Люксембург, Дания, например), бедны орлами, и наоборот (Австрия, Северная Италия). Геральдический орел далек от своего природного прообраза. Фигура плоская, даже сплюснутая, корпус показывается анфас, а голова – в профиль; впечатляют выдающиеся когти и крупный клюв. Орел украшает около 2% европейских гербов, причем гербы с орлами преимущественно принадлежат знати.

От реальности к фантастике: геральдический бестиарий

Прочее зверье изображалось много реже, и в течение сравнительно долгого времени геральдических животных было очень мало, так что гербовый бестиарий оставался малонаселенным. Аристократия предпочитала зверей, и на гербах знати с самого начала бытовали олени и вербры, а также медведи с волками. Особенно изобилует волками испанская геральдика. Домашние животные пришли в геральдику позже, и знать, можно сказать, брезговала скотиной, так что последняя украсила гербы публики попроще. Псы, опознаваемые по ошейникам, и быки встречаются в основном на гербах простолюдинов-ротюрье, бараны – на гербах городов и приходских общин. Что касается коня, то его вопиющее отсутствие в геральдическом бестиарии остается вопросом, еще требующим прояснения. Лошадь, низведенная на степенъ простого орудия или же воспринимаемая как существо, едва ли не равное человеку, в обществах прошлого всегда занимала особое положение. Из птиц наряду с орлом на щитах можно было увидеть ворона, петуха, лебедя. Попадались голенастые журавли, цапли,

В традиции Северной Европы царем зверей долгое время оставался медведь. Единоборство с медведем по-прежнему считалось подвигом, и только тот, кто с рогатиной ходил на медведя, был вправе помещать на свой герб медвежью голову. Надо думать, что поэт Хаварт фон Хольцванг унаследовал свой герб с медведем (слева) от одного из предков, совершивших такой подвиг, а вот Ваксмут фон Кюнцинген (справа вверху) довольствовался скромными рыбами.

аисты, реже встречались утки с селезнями, павлины, страусы, попугаи. Голубь и пеликан – это, по преимуществу, украшение гербов духовенства. А сокол так же редок, как и конь, хотя у средневековой аристократии соколиная охота была в большой чести. В целом птица, чаще всего встречающаяся на европейских гербах, не настоящая, а архетипическая, стилизованная, то есть не живое существо, а идея птицы. Условная птица, которую рисовали на французских гербах, именовалась «дроздицей» (merlette), хотя сходства с самкой дрозда она не имела. «Дроздице» полагалось быть маленького роста. Птица всегда изображалась в профиль и, как правило, не в одиночестве – на одном щите рисовали несколько «дроздиц». С конца XIII в. она изображалась без лапок, а с начала Ренессанса – и без клюва. По своей геральдической функции «дроздица» вряд ли сравнима с иными животными фигурами и, скорее, ближе к геометрическим фигурам (звезда, безант, ромб), а чаще всего она встречается на гербах севера Франции, Нидерландов и Англии. Геральдические рыбы сходны с птицами: стилизованное изображение рыбы называется «окунем».

В Германии геральдическая фауна отличалась много большим разнообразием, чем в Англии или Франции. Тем самым предвещался приход эпохи барокко, когда не редкостью стали совершенно поразительные композиции: художник дерзко соединял фигуры животных с деталями, которые никаким животным не свойственны. Нарядный волк на гласном (то есть «говорящем») гербе баварского рода Вёльфлинов (Wolf – нем. волк), изображенный на надгробии начала XVI в.

Из монстров и химерических животных чаще всего встречаются: единорог – ноги как у буйвола, большой рог надо лбом; грифон – наполовину орел, наполовину лев; дракон, облик которого не только замесловат, но и крайне зыбок – в разное время на разных гербах дракона рисовали по-разному. Внизу анималистические гербы из гербовника Конрада Грюненберга, датируемого концом XV в.

Узнать окуня в гербовой рыбе проблематично: изображение рыбы с длинным туловищем похоже, скорее, на щуку. Чаще всего на щите изображают пару вертикально стоящих и прислонившихся друг к другу рыбок.

«Окунь» – самая распространенная фигура, заимствованная из водной фауны. Еще одна – это «дельфин», тоже сильно стилизованная, но более округлая фигура с громадной головой и чем-то наподобие воротника. Насекомые на гербах изображались нечасто. Как правило, подобные гербы относятся к категории гласных. Вверху – родовой герб фамилии Вальдбине (Biene – нем. пчела).

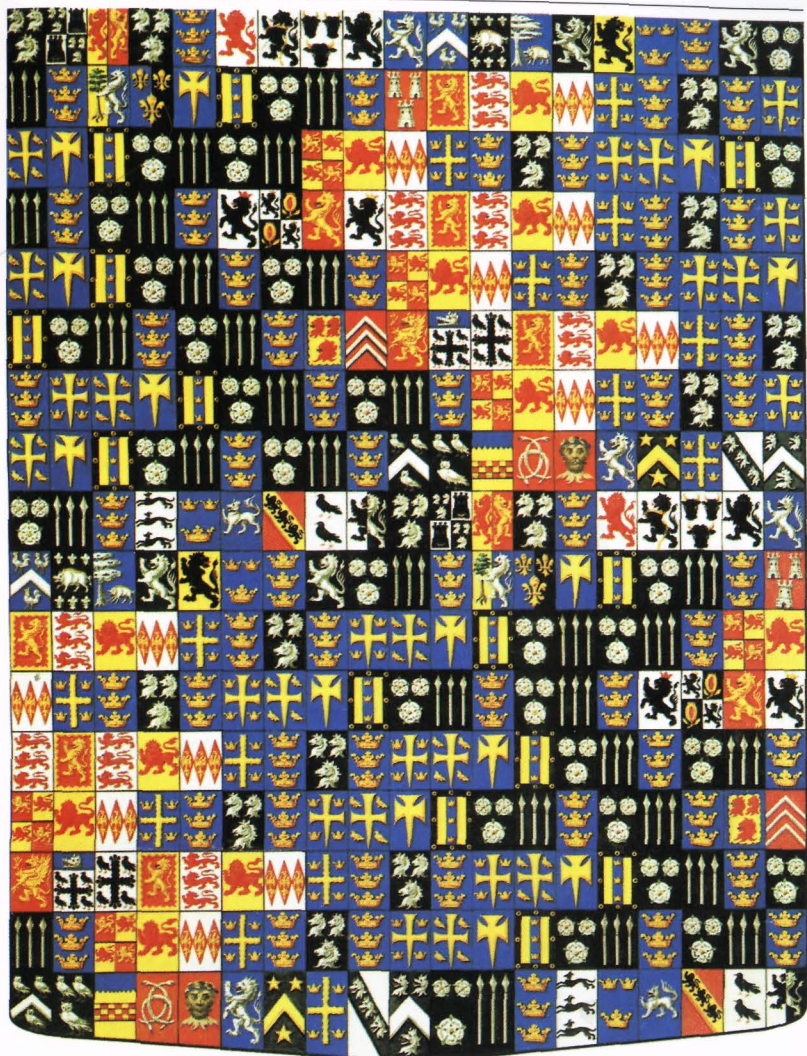

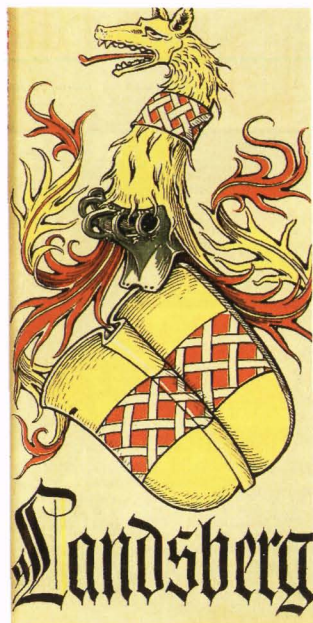
Рисунок герба и его построение

Древние гербы имели очень простую структуру: одноцветная фигура на поле иного цвета. Поскольку требовалось, чтобы герб замечали и узнавали издали, рисунок упрощался и стилизовался, и всем его чертам придавалась предельная яркость и броскость.

Предпочтение отдавалось простым очертаниям, и потому на гербах чаще рисовали геометрические фигуры, звериные головы, лапы и хвосты, плоды и листья деревьев. Фигура занимала все поле щита, и герб получался двухцветным: краски, яркие и плотные, сочетались согласно описанному выше главному правилу. Принципы, которые родились на полях боев и на турнирах, легли в основание геральдического стиля, и всякий разработчик нового герба должен был открыть их самостоятельно, так как писанные правила выработались много позже. Со временем композиция гербов постепенно усложнялась и нагружалась большим количеством смыслов. Процесс этот занял столетия, но начало ему положили фамильные гербы: родственники, сохраняя общий рисунок, присоединяли к одной и той же основной фигуре разные дополнительные фигуры. Роды и семьи не только умножались и дробились, но и объединялись, и необходимость объединять разные гербы заставляла делить поле щита, на котором появлялись все более многочисленные «рассечения» и «четверти», а внутри периметра размещалось все больше разных, некогда простых и самостоятельных гербов. Так легко было угодить почтенному родителю, заявить о своих связях и союзах, а заодно и похвалиться владением фьефами, замками или правами. К нашему времени некоторые гербы чрезвычайно усложнились из-за многократных рассечений и делений на четверти. Так,

Геометрические фигуры делятся на две категории: «доли» или «почетные фигуры» (фр. *pieces*) и «доли» или «сечения» (фр. *partitions*). Сечения (вверху) делят щит на пары полос, сегментов или клеток, так что поле щита остается единой плоскостью. Напротив, доли (внизу) дробят щит: любая доля делит поле на два плана, в одной располагается фигура (например, крест), другая считается фоном. Сечения позволяют делить щит на четверти и подчетверти, что позволяет соединять в одном гербе несколько различных гербов. Чаще прочих встречается четверчастный щит. Однако известно также деление на 16, 32, 64 и даже 256 четвертей. Мировой рекорд принадлежит большому гербу валлийского рода Ллойд оф Стоктон, щит которого разделен на 323 четверти (справа).

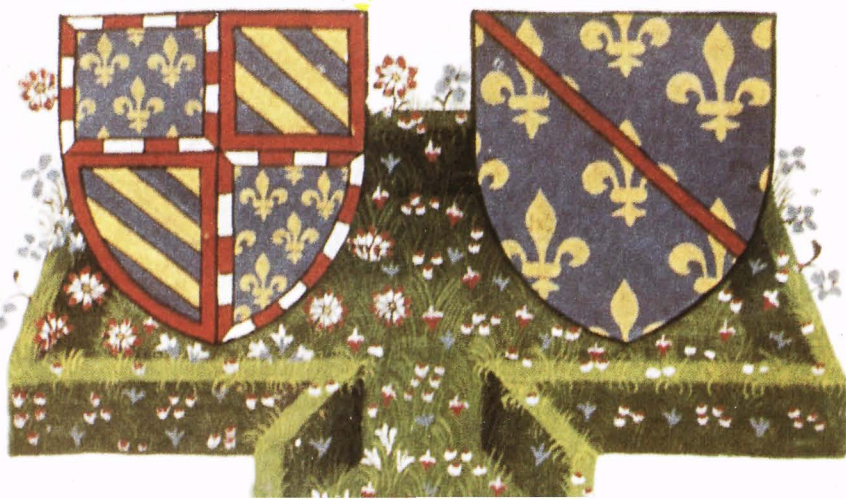

наиболее высокий взлет в XV в. при дворе Бургундии, лишили его изобретательности: геральдика превращалась во что-то механическое и вместе с тем жеманное,

большой герб королевы Виктории содержит двести пятьдесят шесть меньших гербов – и, разумеется, такой подробный герб становится нечитаемым. Поскольку гербы превратились в клейма, которыми помещали множество предметов повседневного обихода, они никак не могли достигать тех огромных размеров, как в XII в., когда гербы помещали на знамена и штандарты. Это не только нанесло непоправимый ущерб читаемости: исчезло и художественно-эстетическое впечатление. Перемены в геральдическом стиле, пережившем

«Гербовник любовного двора» (внизу гербы герцога Бургундского и герцога Бурбона) был скопирован и нарисован в Париже до 1420 г. и может считаться образцовым для эпохи начала XV в., когда искусство построения гербов находилось в зените. Такой строгий и изящный стиль пытаются вновь обрести некоторые художники XX в., хотя порой в погоне за выразительностью их творения приобретают слишком уж «германский» характер, как это бывает с гербами великого немецкого геральдиста Отто Хуппа (слева сверху).

не оставляющее места изобретательности и изяществу. В XX в., однако, многие немецкие художники (в частности, Отто Хупп), а также некоторые скандинавские и швейцарские мастера попытались обновить искусство и вернуть ему ту простоту и экспрессию, которые были в Средние века.

Различные планы и прочитываемый смысл

Наряду с делением поля щита и часто случавшимся объединением двух или нескольких гербов воедино, есть еще один важный прием построения новых гербов – так называемое наложение. Планы накладываются друг на друга, так что герб мыслится своего рода «стопкой» плоскостей, а чтение герба всегда начинается с фоновых планов. Это правило должно неукоснительно соблюдаться при чтении средневековых изображений, особенно созданных в эпоху господства романского стиля, когда, собственно, и родилась геральдика. Сначала читается фоновая плоскость, затем промежуточные планы, а последним читают самый близкий к глазу зрителя план – порядок, обратный нашему обыкновению. Для построения герба прежде всего выбирается фон, а на нем размещается фигура. Если хотелось присоединить к гербу новые детали, их размещали или на той же плоскости, на которой размещалась первая фигура, или – так случалось чаще – создавали для них новую плоскость. Возвращаться к первоначальному построению после дополнения его новыми элементами нельзя. В результате получается столбик плоскостей: фоновый план представляет собой отправную точку и, вместе с тем, совокупность самых существенных элементов герба. Средние планы позволяют проследить историю не только герба, но и его обладателей: на средних плоскостях обозначены побочные ветви рода.

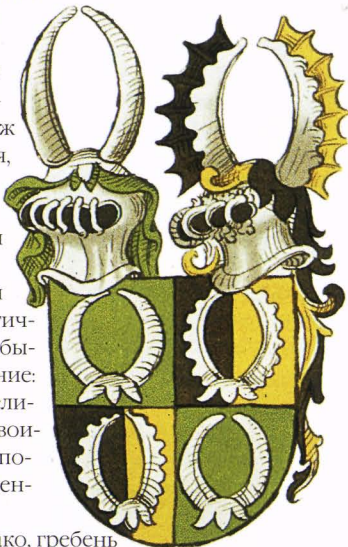
Герб строится как стопка планов: плоскости как бы накладываются друг на друга. Всякий элемент, который со временем присоединялся к гербу, должен был помещаться на самой последней плоскости – той, которая ближе всего к глазу зрителя. Если она была уже занята какой-то фигурой, то для новации создавался новый план. Вот пиктографическая история герба нормандского сеньора по имени Гийом де Жёкур (по диагонали, сверху вниз). Первый план – золотое поле. Затем на него лег червлёный крест (второй план), после чего крест окружили черные львы (тоже второй план). Потом на кресте появился серебряный безант (третий план). Наконец, безант был нагружен червлёным молотом (четвертый план).

Гребень шлема: маска или тотем?

Щит — основополагающий элемент геральдической композиции. Именно на щите размещается герб в узком смысле этого слова. Со временем вокруг щита появились дополнительные элементы, часто чисто декоративные (шлемы, венцы, короны, ламбрекены и прочие резные украшения), нередко помогающие точнее опознать личность, ранг, занятие или достоинство владельца герба. Эти окаймляющие щит элементы не подчинялись каким-то строгим правилам, и даже закон сочетания цветов внутри щита на внешние детали не распространялся. Наибо-

лее старой внешней фигурой, обогатившей общий рисунок герба, был гребень — так называли плюмаж или иные украшения, которые прикрепляли к шлему сверху. Гребень появился чрезвычайно давно — перьями украшали свои шлемы еще античные воины, и у него было военное назначение: устрашить врага, увеличить видимый рост воина, привлечь ему на помощь сверхъестественные силы. К концу

Средневековья, однако, гребень превратился в неременную принадлежность парад: в шлеме с гребнем рыцарь отправлялся на турнир, но не на войну, для которой сооружение из перьев, рогов и тканей было слишком хрупким. Подчас гребень разрастался непомерно, а порой шлем украшали не одним, а многими гребнями. Когда господствовал стиль барокко, случалось, что на четверчастный щит смело водружали четыре разных гребня. Однако с течением времени гребень из украшения шлема, менявшегося сообразно обстоя-

Когда гербы были совсем вновь, рыцари не только раскрашивали шлемы своих гербов иными цветами, чем краски на самом гербе, но и присоединяли к шлему украшения (рога, крылья), которые стали первыми гребнями (фр. *cimier*). Но потребовалось не одно десятилетие, прежде чем они обрели определенную устойчивость у определенного лица или в рамках одного рода. Еще в XV в. никого не удивляло, если рыцарь на каждом новом турнире появлялся с одним и тем же гербом, но с новым гребнем. Справа внизу воспроизведен гласный гребень сеньора фон Баден (*Baden* — нем. купание).

тельствам и по вкусу более или менее изобретательного пользователя, все более коснел и, обретая постоянство формы, превратился в собственность, которую передавали по наследству внутри одного и того же рода. Такой гребень или воспроизводил какую-то из фигур щита или, чаще, представлял собой какую-то иную, но обычно тоже геральдическую, фигуру. В германских землях родовой характер гребня утвердился очень рано, и зачастую гребень германского герба выглядит очень значимым дополнением к щиту.

В Польше и Венгрии гребень зачастую воспринимался «тотемически»: лица, принадлежавшие к одному роду, носили одинаковые гребни, причем название гребня впоследствии нередко превращалось в фамильное имя, обозначавшее весь многолюдный клан.

И все же пользование гребнями оставалось очень свободным и после того, как большая их часть стала передаваться по наследству.

В Англии, например, где щиты часто бывали слишком сложными и чрезмерно нагруженными, особенно в XVIII–XIX вв., нередко геральдическим семейным знаком служил не собственно герб, а на-шлемный гребень (англ. *crest*).

Дошедших до наших дней шлемов с гребнями очень мало. Подобные хрупкие рога в бою наверняка очень быстро отваливались или их сбивали вражеские мечи и стрелы (справа — шлем начала XV в. с гребнем).

Ожерелья, инсигнии, девизы

Из других внешних элементов декоративного характера стоит упомянуть о так называемых «опорах», или «щитодержателях». Они появились в XIV в. на печатях и представляли собой фигуры людей или зверей, поддерживающих щит с боков. Особенно популярными щитодержатели стали в Новое время, но, так как они оставались украшениями, даже те фамилии, которые старались поддерживать очертания щитодержателей неизменными, вынуждены были пользоваться для обозначения своего статуса иными элементами. В числе таковых хождение имели ожерелья рыцарских орденов, инсигнии сана и достоинства (например, епископский крест, посох аббата, меч коннетабля и т.д.). Они помогали обозначить личность и ее значимость, так как щит герба самое большее оповещал о принадлежности к тому или иному роду. Случалось, что к гербу присоединяли нечто вроде вилки — табличку с указанием дат и кратких сведений о владельце герба и его жизненном пути.

Священнослужители редко помещали гребни над щитами своих гербов. Зато посохи, кресты, митры и шляпы позволяли клирикам отличаться от мирян. Слева воспроизведены гербы благовоспитанных аббатов Монте-Кассино.

Что до корон, особенно умножившихся с XVII в., то они, венчая щиты подобно шлемам и гребням-надшлемникам, служили по преимуществу украшениями и — вопреки расхожему убеждению — нимало не помогали идентификации владельца герба, ничего не сообщая ни о его занятиях и сопровождаемых с таковыми сане или чине, ни о положении его на общественной лестнице, ни об иных подобных подробностях. Хотя современная жесткая типология различает короны герцога, графа и маркиза, но пользование коронами было относительно свободным. Графская корона имела куда большие шансы украсить герб простолюдина-ротюрье, чем герб настоящего графа.

Наконец, к концу Средневековья гербы все чаще стали сопровождаться девизами в современном смысле этого слова, причем, и появившегося благодаря геральдике. Девизом

На исходе Средневековья штандарты военачальников Англии украшались самыми разнообразными эмблемами: фамильные цвета, инсигнии рыцарских орденов, девизы, значки, благочестивые слова и изречения. Слева — два штандарта начала XVI в. Владельцем верхнего был Брайан Стэйлтон, нижнего — Генри Стаффорд. На первом изображен истекающий кровью пес и загадочные слова «*Mierlx i ssera*», на втором — лебедь в ошейнике (воротнике) на цепи и с подковой на груди, а девиз гласит «*Humble et loyal*», то есть «Смирные и верность». В XVII в. подобные формулы исчезли. Отныне щиты гербов великих мира сего стали окаймляться орденскими лентами и инсигниями сана или иного достоинства (вверху — герб Риншельде).

могло быть одно слово — боевой клич воина-феодала, или же хлесткая фраза. Помещался девиз на выступе или перевязи. Девизы бывали личными, семейными или коллективными. Некоторое лицо или род могли пользоваться несколькими девизами, и, в то же время, один и тот же девиз встречался у разных людей, у нескольких семейств, общин или коллективов.

Слово «геральдика» – производное от слова *heraut*, которое, в свою очередь, происходит от германского *heriwald*, что значит «вестник», «посланец». В начале XIX в. этот термин начал применяться к дисциплине, предметом которой стало изучение гербов и установление правил их построения. Эту область знания называют также «геральдической наукой».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ГЕРАЛЬДИКА, НАУКА НЕВЕДОМАЯ

Определяемая таким образом геральдика занимается самыми разнообразными знаками и кодами. Ее интересуют как изображенные слева щит и знамя с образом Христа – а гребень шлема на той же миниатюре XV в. тоже изображает орудия Страстей Господних, – так и знак дорожного движения (справа).

От военных герольдов к герольдам-эрудитам

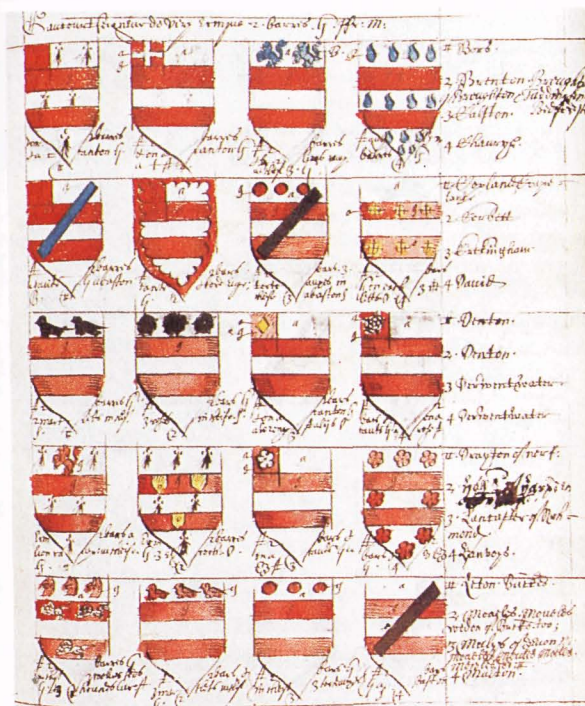
Сначала герольдом назывался вестник или глашатай — чиновник, служивший какому-нибудь князю или иному сеньору — крупному феодалу. Он должен был доставлять послания, объявлять о войнах и руководить ходом турниров и со временем все больше специализировался в проведении турниров. Опытный герольд не только открывал состязания и следил за соблюдением правил, но и как современные спортивные радио- и телекомментаторы, вводил зрителей в курс происходящего, описывая состав участников, указывая на их гербы и помогая публике следить за ходом турнира. Это заставляло герольда глубже вникать в суть предмета, а значит, и приглядываться прежде всего к гербам, ибо только они помогали опознавать участников турнира, поскольку вооружались рыцари примерно одинаково. Герольды превратились в знатоков: они разбирались в существовавших гербах, кодифицировали правила композиции и представления подобных эмблем, выработали удобную и точную терминологию. Они подвигли Запад на составление перечней гербов, а потом и гербовников, чтобы рисунки уже существующих эмблем не погибли, а сохранились бы для будущих поколений.

С начала Нового времени осведомленность в геральдике стала сходить на нет, а геральдическая наука пере-
 шла в ведение эрудитов:

занимались гербами, в основном, историки и филологи — антиквары, как их называли в XVII—XVIII вв. Они интересовались не столько гербами своих современников, сколько эмблемами, бытовавшими в прежние века. В старинных гербах «антиквары» видели подлинные свидетельства прошлого. Таковыми, впрочем, они остаются и поныне, помогая разысканиям историков новых поколений.

Гербы очень красноречивы и сообщают множество сведений самого разного рода и толка. Они рассказывают и о своих владельцах, и о той социальной вселенной, в которой тем довелось жить.

С XIV в. герольды стали выходить к общественности в особой одежде: важнейшей частью облачения был так называемый «табар» (tabard) — туника прямого кроя с рукавами или без оных. Табар украшался гербом сеньора, которому служил герольд. До сих пор эту одежду носят герольды на службе британской короны (слева — табард XVIII в. с гербом короля Англии и Шотландии Георга I). Переоценить влияние герольдов на развитие геральдики вряд ли возможно. Особенно сильно это влияние чувствуется там, где гербы имели военное происхождение (в Англии, Нидерландах, Франции, прирейнской и Южной Германии).

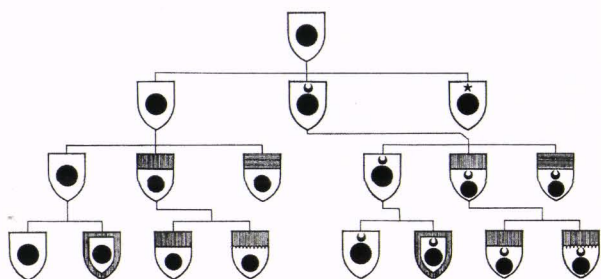
На службе генеалогии и фамильной истории

Герб был своеобразным социальным кодом. Умея расшифровывать знаки на гербе, можно узнать или прочесть сведения о том, например, каково место или положение данного лица в его семействе, его матримониальных связях, положении в обществе; затем прочитывается позиция семейства в соединяющем несколько родов линияже, история союзов и филиаций; наконец, считаются сведения о связях между различными линияжами, история приобретения ими титулов и владений, затем протрашивается история фьефов, династий, царствующих домов и государств.

В семье только один человек, старший в первой по старшинству ветви, владеет «полным» фамильным гербом. Его герб содержит самый полный объем

В середине XVI в. эрудиты осознали пользу геральдики в исторических разысканиях, особенно в таких областях, как генеалогия, история династий и политическая история. Тогда-то знатоки и начали копировать и перекопировать средневековые гербовники и составлять новые, собирая воедино гербы и прочие геральдические памятники отдельных феодальных родов (справа воспроизведена страница из гербовника одного английского знатного семейства), городов или регионов. Серьезные исследования начались век спустя, когда поняли ценность геральдики для археологии и филологии. Во Франции, где религиозные войны безвозвратно погубили очень много исторических памятников и произведений искусства, такие «антиквары», как Никола Пере или Роже де Геньер, скопировав множество документов и геральдических свидетельств, не только сохранили для следующих поколений историческое наследие и память о прошлом, но и ввели в научный оборот ценные источники, обращаться к которым могут и нынешние эрудиты.

сведений. Другие члены семьи, — младшие сыновья его отца или же его младшие братья — не имеют права на полный герб и обязаны вносить небольшие изменения в свои щиты, чтобы было видно, что хозяин герба — не старший в ветви. Такого рода модификации называются «изломами» или «бризурами» (фр. *brisure* — трещина, обломок). На женщин это правило не распространяется: незамужние дочери носят отцовский герб, а замужняя дама обыкновенно объединяет в своем гербе отцовский и тот, который носит ее супруг. Бризуры чаще встречаются в странах «классической» геральдики, там, где гербы рождались на полях сражений XII в.: в Англии, Франции,

Шотландии, Нидерландах, прирейнской Германии, Швейцарии. В других краях «изломы» не столь распространены (страны Скандинавии, Австрия, Испания) или вообще неупотребительны (Италия, Польша). «Изламывать» фамильные гербы для младшего в роду можно самыми разными способами: присоединяя некоторую фигуру или урезая существующую на «полном» гербе, меняя цвет или поля щита либо фигуры на этом поле, и т.д. Поначалу бризуры воспринимались обществом благосклонно, и потому их делали очень заметными.

С ходом времени, однако, и в силу естественно-порядка вещей — кому нравится объявлять себя

Строгое соблюдение правил обязательного «излома» неизбежно приводило по мере смены поколений ко все большему отличиям гербов младших фамильных ветвей от старшинствующего герба.

Французская королевская фамилия, подобно королевскому дому Англии, всегда старалась блюсти правило, по которому герб младшей ветви рода строится посредством «изламывания» полного герба. Если присмотреться к череде бризур Французского Королевского Дома, то бросается в глаза, что с каждым новым столетием «изломы» делались все менее вычужденными (на развороте вверху — генеалогия гербов королей Франции, которую составил Жак Шевьер), тогда как в Англии и Шотландии (слева — генеалогия рода Стюарт) бризуры оставались четкими.

младшим? — предпочитать стали неброские бризуры, чаще всего присоединяя какую-нибудь фигурку.

Поскольку гербы передавались по наследству, то через несколько поколений и множество последовательных бризур гербы младших ветвей постепенно утрачивали сходство с гербом старшей ветви. И наоборот, подчас обнаруживается явное сходство гербов, принадлежащих неродственным семьям. Такое бросающееся в глаза сходство побуждает подозревать, что гербы, скорее всего, имели общего предка. Так что геральдика оказывается весьма полезной генеалогии, помогая разобраться в запутанной филиации, найти родственников и отличить их от однофамильцев.

Бризуры, создаваемые посредством перемены цветов, для Средневековья не редкость (на развороте внизу — гербы нормандской фамилии Малле из гербовника XV в.).

На службе истории искусств и археологии

Будучи в одно и то же время и «удостоверением личности», и украшением, гербы с XII по XIX в. помещались на многочисленных предметах обихода, памятниках и документах. Появление герба на каком-либо предмете служило своего рода печатью, свидетельствующей о гражданском состоянии владельца этого предмета. Из всех средств, которыми мы сегодня располагаем, изучение гербов становится порой единственной возможностью установить место и время исторического объекта. Идентификация гербов – занятие непростое, но для геральдиста перво-степенное – превращает гербы в живые документы, ценные археологами и историками искусства.

Помощь геральдики оказывается особенно ценной в датировке, так как время ношения гербового щита, как правило, меньше времени жизни названного лица. Если речь идет о короле или принце, то каждая четверть на гербе означает владение фьефом или принципатом (княжеством), и можно достичь большей точности, изучая мотивы и разбираясь в побуждениях, оправдывающих появление изучаемой композиции. Порой удастся сузить «вилку» между датами до нескольких месяцев, особенно в случае предмета обихода, произведения искусства или памятника, украшенного щитами нескольких лиц: в таком случае бывает возможно установить итоговую дату, исходя из дат рождения, бракосочетания, вступления во владение титулом и начала исполнения связанной с последним должности, а также кончин каждого из затронутых лиц.

В 1863 г. в церкви в Даммари-ле-Ли была обнаружена «шкатулка Святого Людовика». Эрудиты поначалу отнесли этот объект к концу XIII в. и сочли его одним из тех ларцов, в которых Филипп IV Красивый хранил частицы мощей Людовика IX Святого, канонизированного в 1297 г. Затем, однако, оказалось, что эта датировка не сходится с данными гербов. Современный геральдист Эрве Пиното после исследования совокупности источников предложил более раннюю дату: 1236 г. Чтобы обосновать ее, он опознал все 46 гербов ларца, а затем вычислил дату, для чего ему пришлось установить даты кончин, бракосочетаний, обложений в сан, восхождений на престол, вступлений во владение, а также занятия всех изображенных на медальонах сундучка персонажей – родственников Людовика Святого. Разброс между предельными датами непрерывно сужался, пока изученная совокупность гербов не выдала наконец 1236 г. Вот лишь один показательный пример помощи геральдики в датировке и установке принадлежности.

Прославленным образцом исследования может служить история эмалированного ларца, хранящегося в Лувре под названием «шкатулки Святого Людовика»: историкам искусства оказалось не под силу определить дату изготовления с точностью до полувека, а геральдика благодаря раз-

 сствиям Эрве Пиното смогла свести «вилку» между предельными датировками до нескольких недель.

Смысл герба

Археологический аспект характерен для исследований по так называемой традиционной геральдике, которая занимается прежде всего установлением лиц, пользовавшихся гербами. Но герб сообщает не только об имени своего владельца – это еще и повод поразмышлять о его личности. Тех, кто обращается к подобным интерпретациям, объединяют под именем историков «новой геральдики».

Гербы помогли опознать всех персонажей, изображенных на алтаре Паумгартнера – этот образ (справа) написал в начале XVI в. Дюрер. Слева – золотая монета XV в. с гербом Висконти.

Ле Фор (фр. *fort* – сильный, крепкий) изобразил на щите своего герба слона! Символика герба может быть достаточно понятной или, напротив, опираться на устаревшие, редкие или забытые слова либо на местные выражения. Поэтому немало таких гласных гербов, которые, с первого взгляда, трудно отнести к этой категории. Во всяком случае, гласные гербы составляют 20–25% общего количества европейских гербов, а в германских землях их даже немного больше. Вопреки

расхожему убеждению, гласные гербы не уступают прочим в древности и благородстве. Таких гербов хватает и в кругу самых знатных и древних родов. Королевские фамилии также использовали

гласные гербы, свидетельством чему – крепость на гербе королей Кастилии (от лат. *castellum* – крепость) или лев на гербе королей Леоны (исп. *leon* – лев).

Исследование гласных гербов всегда оказывается весьма поучительным. В об-

ласти антропонимии, к примеру, исследователю часто удастся проследить формирование определенных фамильных имен и их связи с эмблематикой. Иногда выясняется, что не герб строился как намек на фамилию, а какая-то геральдическая излюбленная пользователем герба фигура могла превратиться в прозвище этого человека, а затем и в фамильное имя его потомков. Такие случаи не были редки в Скандинавии и на берегах Балтийского моря. Любопытно, что одних зверей на щитах говорящих гербов помещали охотно (петух, ворон, для примера), тогда как к другим животным относились более сдержанно (лиса, кошка). Так, видный немецкий род Катценеллебоген, например, с фамилией, вызывающей к появлению говорящего герба с котом (нем. *Katze*), постарался отделаться от этого дьявольского животного и избрал своей геральдической эмблемой леопарда.

Герб рода Катценелленбоген

Немецкоязычных странах гласных гербов особенно много, и чаще всего они связаны с именами людей. Зачастую такой герб строится как настоящий ребус. Слева воспроизведен по гербовнику XIV в. герб швейцарского рода Хельфенштайн: слон на камне (слово *Elefant* – «слон» созвучно слову *helfen* – «помогать», а слово *Stein* значит «камень»).

Новая геральдика: вкусы, поветрия, моды

Обобщая частные случаи, новая геральдика опирается также на количественные и статистические методы – поскольку в Западной Европе только в сохранившихся средневековых документах насчитывается около миллиона гербов, а Новое и Новейшее время прибавляют к этому еще более 10 миллионов – в стремлении отыскать характерные показатели частоты распространения определенных фигур и цветов в разные эпохи в разных областях и разных социальных классах. Истолковывая полученные результаты и сопоставляя их с данными иных научных дисциплин, геральдика оценивает значимость мод, пристрастий, вкусов, проецируя их на историю культурных систем и историю мировосприятия.

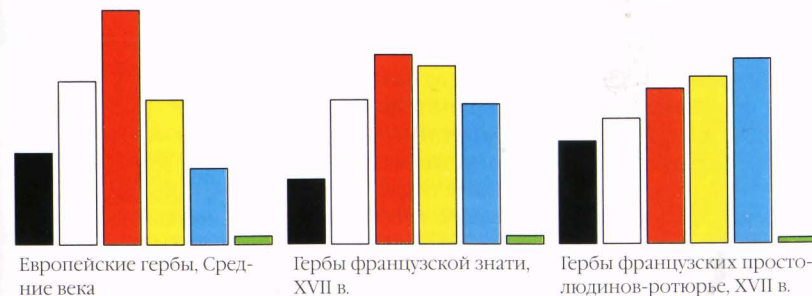
Изучение частоты использования цветов показало, что на Западе в XIII–XVIII вв. происходил рост пользования синим цветом: синего становилось все больше не только на гербах, но и в одеяниях и иных системах социальной кодировки. Если в начале указанного периода главным цветом считался красный, то со временем синий не только сильно потеснил его, но и стал притязать на первенство. И сейчас синий остается предпочтительным цветом для геральдики Европы и оставляет прочие цвета далеко позади, хотя римляне считали его «варварским», а в царствование Карла Великого никакой король или граф не позволил бы себе появиться на людях в синей одежде. У геральдики найдется достаточно надежных свидетельств этой эволюции, начиная еще с раннефеодальных времен,

Носил ли Шекспир герб – в доподлинности неизвестно. Герб, приписываемый ему – гласный: щит, нагруженный копьем (англ. *spear*; фамилия Shakespeare в целом значит «потрясающий копьем»). Подпись под гербом: «Герб, который носил Уильям Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне»).

The Armorial Bearings of WILLIAM SHAKESPEARE of Stratford-upon-Avon.

Графики внизу показывают сравнительную частоту использования цветов в европейских гербах

а сопоставление ее данных с иными документами позволяет получить результаты в цифрах от века к веку и от десятилетия к десятилетию.

Положительные и отрицательные герои на гербовых щитах

Анализ частоты появления геральдических фигур также позволяет открывать исторические факты, в своей значимости выходящие далеко за пределы собственно гербовой науки. Вот несколько примеров.

Выше говорилось о противостоянии между львом и орлом на гербах Священной Римской империи германской нации в XII–XIII вв. Орел встречался на гербах сторонников императора, а его противники предпочитали льва.

В немалой части Северной Европы место царя зверей до конца XIII в. оставалось за медведем, и даже в более поздние времена, когда лев сошел с трона и в народных сказках, и в зоологических преданиях, некоторые германские роды, имя которых содержало корень со значением «король» (нем. *Koenig*) – Кёнигсбах, Кёнигсбергер и т. п. – упорно сохраняли на своих гласных гербах медведя, не думая менять его на льва.

Любопытен чисто отрицательный смысл гербов, которые приписывались отрицательным героям литературных произведений или устных сказаний: на их щитах появлялись дьявольские твари – обезьяны, змеи, драконы, жабы, фигуры с лучами либо расположенные в шахматном порядке. Все это казалось

Царица амазонок Пентесilea в полном геральдическом облачении. Иллюстрация из небольшого гербовника Золотого руна (ок. 1440).

средневековому сознанию подозрительным, двусмысленным и недостойным.

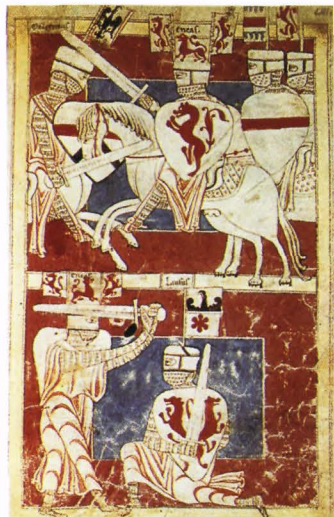
Наконец, во Франции и Англии в XVII–XVIII вв. незнатные снобы выбирали для своих гербов «аристократические» фигуры (розу, единорога, геральдическую лилию). Еще чаще фигуры, которые считали приличными лишь разночинцам, приобретали благородство, превращаясь в фигуры более высокого достоинства: псы становились львами, петухи – орлами, свиньи – вепрями, орудия труда – боевым оружием, а то и лилиями.

Знаки и грезы: воображаемая геральдика

Еще одной областью, которой интересуется сегодняшняя новая геральдика, стал мир вымышленных, воображаемых эмблем. Средневековая, да и современная тоже, фантазия наделяла гербами персонажей, которые либо никогда не жили на этом свете, или же жили задолго до рождения геральдики. Так были изо-

Средневековое воображение часто наделяло гербом дьявола. Обычно это были три зеленых жабы, или простой щит с ломаными линиями (внизу).

бретены гербы для литературных героев, мифологических и библейских персонажей, для деятелей античности (например, Давида, Александра, Цезаря), пап и королей раннего Средневековья (например, Карла Великого). Гербы появились у персонификаций добродетелей и пороков, у античных божеств и святых. Герб Христа, например, засвидетельствован не одним документом: на щите Спасителя красовался или Пасхальный Агнец, или же орудия Страстей Господних. К концу Средневековья сам Бог обзавелся гербом: в манускрипте из Баварии на щите изображена фигура, обозначающая Троицу – в виде латинской буквы Y, а на гребне – голубь. В германских землях в XV–XVI вв. мало что изображалось без какого-нибудь герба, который занимал большое место в материальной и культурной жизни.

Герб для Бога: вилообразный крест знаменует Троицу; а на гребне голубь – напоминание о Святом Духе (справа внизу).

Изучение воображаемых гербов обогатило понимание геральдической символики. Герб вымышленного героя помогает понять отношение современников к фигурам и употребляемым цветам, и историк хорошо вооружен для исследования. Как мы видели, в настоящих гербах труднее увидеть то, что порой в геральдике воображаемой отображается достаточно откровенно. А это помогает лучше понять внутренний мир людей, для которых и которыми сочинялись подобные эмблемы.

Литературные гербы: от Кретьена де Труа до Бальзака

Особенный интерес представляют воображаемые гербы, украшающие страницы литературных сочинений. С конца XII в. Кретьен де Труа и его последователи снабдили гербами короля Артура и рыцарей Круглого Стола. Прозаики, поэты (Ариосто, Тассо) и драматурги (Шекспир) эпохи Возрождения поступали так же, хотя не все относились к подобному занятию серьезно: Рабле в «Гаргантюа» открыто насмехается над геральдикой, а Сервантес наделяет Дон Кихота смехотворным, если не издевательским гербом. Еще в XIX в. этим литературным занятием не пренебрегали даже великие прозаики: к примеру, Бальзак щедро одарил гербами многочисленных героев своей «Человеческой комедии». Для него, как и для Кретьена де Труа, жившего почти семь веками ранее, геральдика была удобным приемом обрисовки качеств того или иного персонажа, а также рассказом о гербе можно было и обозначить новый поворот повествования, и просто лишний раз встряхнуть читателя, чтобы тот не заскучал.

Приписывание гербов вымышленным персонажам происходило в несколько этапов. В XII в. гербы и вымпелы с гербами получили литературные герои, причем начальные словесные описания впоследствии получили изображение (слева – герб Энея, героя поэмы Вергилия «Энеида»). Затем гербы получили святые, библейские персонажи, а позднее боги и герои античной мифологии. Наконец, к концу Средних веков гербами были наделены персонификации пороков и добродетелей (вверху воспроизведен фрагмент ковра с геральдикой Целомудрия: на ее щите – ангел, на гребне шлема – голубь, символ Св. Духа, на знамени – единорог, символ Христа).

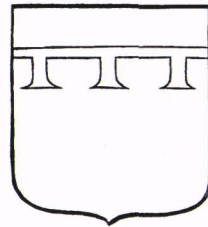
В Средние века из всех гербов, приписывавшихся литературным и вымышленным персонажам, самыми многочисленными были гербы рыцарей Круглого Стола. Ланселот, Персеваль, Гавейн, Галахад, Тристан и еще несколько рыцарей обрели гербы еще в кон. XII – нач. XIII вв. В XV в. уже существовало от 150 до 180 гербов, приписывавшихся рыцарям Круглого Стола, и им посвящались специальные гербовники. На развороте слева герб Мадора де ла Порт: «На зелени из-

Наиболее устойчивые гербы литературных и вымышленных персонажей и прочие выдуманные гербы – а это гербы короля Артура и рыцарей Круглого Стола, а также более или менее постоянные гербы Александра, Цезаря, Карла Великого и некоторых других – украшают страницы литературных произведений и изображаются самостоятельно. Они особенно полезны потому, что, выступая в качестве иконографических атрибутов, помогают опознавать изображаемых героев.

Язык герба: строгость и поэтичность

Новая геральдика предлагает рассматривать язык герба лингвистически и семиологически, то есть как некий документированный язык и в то же время систему знаков. Язык имеет словарь и синтаксис, и, несмотря на малое число используемых элементов, язык герба позволяет передать большие количества информации. Он мало зависит от страны и в какой-то мере понятен

De synople brisé a vn filet, & 3. lambeaux d'argent en chef. Par quelques vns, de synople à vn lambeau à trois pendans d'argent.

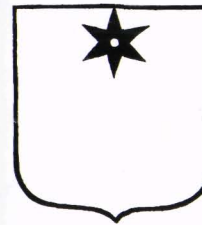

ломанная нить и 3 лоскута серебром во главе. Иногда зеленую от одного до трех лоскутов на серебре». Справа – герб Ланселота: «На золоте во главе лучистая полая звезда черная».

даже непосвященным. Правда, во Франции и Великобритании разброс между будничным просторечием и языком геральдических описаний настолько велик, что незнакомому с геральдической терминологией профану описание герба непонятно. У англоязычных геральдистов в ходу не современный английский язык, а термины, унаследованные от англонормандского: они пользуются диалектом, на котором говорили и писали в XIII в. В Италии и Испании разрыв между «геральдической» и «нормальной» речью много меньше. А в Германии, Нидерландах и скандинавских странах о таком разрыве говорить уже затруднительно, потому что цветовые обозначения и синтаксические обороты не слишком отличаются от общеупотребительных.

Во Франции и Великобритании «разъединение» нарастало постепенно. В XIII в. гербовые герольды, которые на турнирах описывали участников состязания для публики, по необходимости должны были изъяс-

D'or, brisé en chef d'une mollette d'esperon de sable.

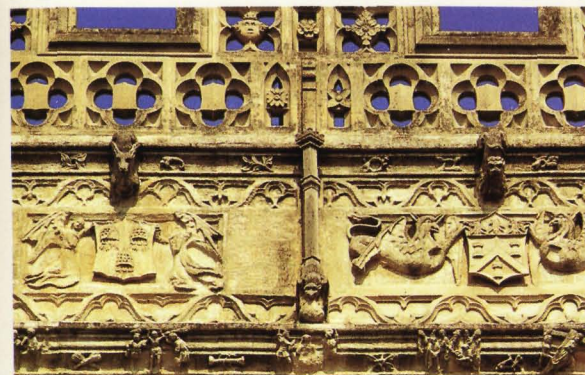
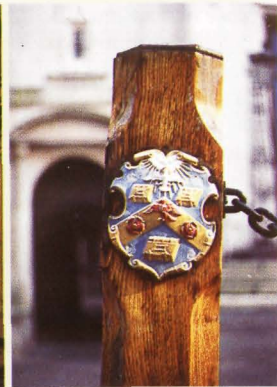

няться на языке, понятном зрителям. Геральдический язык не отличался от языка литературных текстов. Лишь с появлением в XV в. первых геральдических трактатов герольды, чтобы остаться незаменимыми, выработали непонятный для непосвященных язык.

Эрудиты XVII в. усугубили сумятицу: озаботившись строгостью терминологии, они придумали множество бесполезных уточнений. Наконец, геральдисты XIX в. погрязли в щепетильности и окончательно добились полнейшей невязности геральдических описаний, и теперь профану в них не разобраться.

Король Артур – главный герой, сотворенный средневековой фантазией. Но для живших в Средние века мужчин и женщин эта завесом вымышленная фигура была как нельзя более реальной: множество сочинений рассказывали истории о рыцарях Круглого Стола, а были еще зрелища, праздники, живописные образы и «документальные» свидетельства. Так что со временем король Артур обзавелся и гербом: «на лазури три золотых короны» (справа – фрагмент ковра XIV в.).

В Англии и Шотландии гербы и сейчас видны повсюду, в любом городе. Гербами отмечены не только унаследованные от минувших веков многочисленные исторические памятники, но и созданные совсем недавно сооружения и предметы, будь это правительственное или муниципальное здание, банк или страховая компания, торговый дом, учебное заведение, спортивный клуб, пивная или новая марка пива.

Сегодня геральдический язык имеет то преимущество, что к нему проявляют интерес лингвисты. Мало того, что столь о многом говорится такими скудными и скупо отмеряемыми средствами – как отработаны и отточены эти средства! Но речь еще идет и о способе описания образов, причем внимание в первую очередь обращается на структуру и лишь затем на форму. Геральдическая речь впечатляет, она звучит поэтично и загадочно: «на черни три рожка золотом», «по горностаю пояс живой зеленью», «на лазури леопард львиный серебром, защищенный и ощеренный золотом, с раздвоенным хвостом и шествующий наискось», «на шахматной доске червленью и золотом три столпа с кружевными зубцами, накрытых беличьим мехом, а тот, что посередине, нагружен багряным крестиком в обруче».

Актуальность геральдики: от герба к логотипу

После упадка в промежутке между двумя мировыми войнами геральдические исследования вступили в полосу процветания, продолжающуюся вот уже лет тридцать, более всего, пожалуй, на западе Европы, где налицо явное оживление интереса к эмблематике. В университетской среде и среди музейных работников и реставраторов теперь увлекаются геральдикой куда сильнее, чем это замечалось в предшествующих поколениях. Да и успеши информатики, к которой все ча-

Существует немало связанных знаковых систем, но из них более всего похож на геральдику Международный сигнальный флажный код. Эта система использует сигнальные флаги наподобие вымпелов, причем для каждой буквы и каждой цифры предусмотрен свой флаг. Система строится на основе пяти цветов (зеленый не применяется) и при неукоснительном соблюдении геральдических правил. Флажный код родился на море и до сего дня более всего используется для управления морским движением. Вывешенные разноцветные флаги сообщают о намерениях судна или о ситуации на его борту. Отдельным буквенным флагам присвоены дополнительные значения: так, вымпел, изображающий латинскую литеру «О», означает еще и «Человек за бортом».

и все систематичнее обращаются гуманитарии, позволяют расширить как объемы изучаемых материалов, так и поле поиска.

Геральдика не остается уделом только кабинетных исследователей – она еще и часть будничной жизни. Есть страны (например, Швейцария или Шотландия), где вообще никогда не существовало разрыва между старинной геральдикой и современной эмблематикой: гербами украшали строения и другие памятники и, по мере того как века сменяли друг друга, их становилось все больше. Гербами обзаводились и юридические лица, в том числе города, и то и дело попадающиеся на глаза гербы поддерживают присутствие геральдики в повседневной жизни. Эта городская геральдика жива и, пожалуй, более жизнеспособна, чем символика иного рода, и продолжает развиваться, например, в Скандинавии, где появляются весьма самобытные ее творения.

Нельзя сводить влияние геральдики только к собственно гермам. Она влияет на облик флагов и знамен, тем более, что почти все

Флаг «серебро в лазурной кайме» (второй сверху на верхнем фото) сообщает, что судно намерено отчалить и выйти в открытое море.

Декоративные щитки встречаются на многих автомобилях. Иногда производители автомобилей используют подлинные

государственные флаги стран мира соблюдают правило сочетания геральдических цветов. Геральдика влияет на логотипы, которые нередко вступают в борьбу с гербами и опираются на гласные фигуры и даже на знаки дорожного движения, которые задумываются как настоящие гербы и строятся при щепетильнейшем выполнении правила о сочетании цветов – и не только в Европе, но и на всей планете.

Наследие геральдики

Еще заметнее влияние геральдики на спорт: щитки с гербами, флажки, знамена, цвета маек, шарфов, лент и тому подобного снаряжения болельщиков – все это или геральдизировано или геральдизируется, благодаря чему продолжают жить знаки и эмблемы, возникшие много веков назад. Правда, ни актеры, ни зрители спектаклей, в которых задействована старинная символика, не сознают этого. Кому, к примеру, ведомо, что цвета двух престижных футбольных клубов Милана («Интер» и «Милан» АС) унаследованы от эмблем двух районов города, существовавших еще в XVI в.?

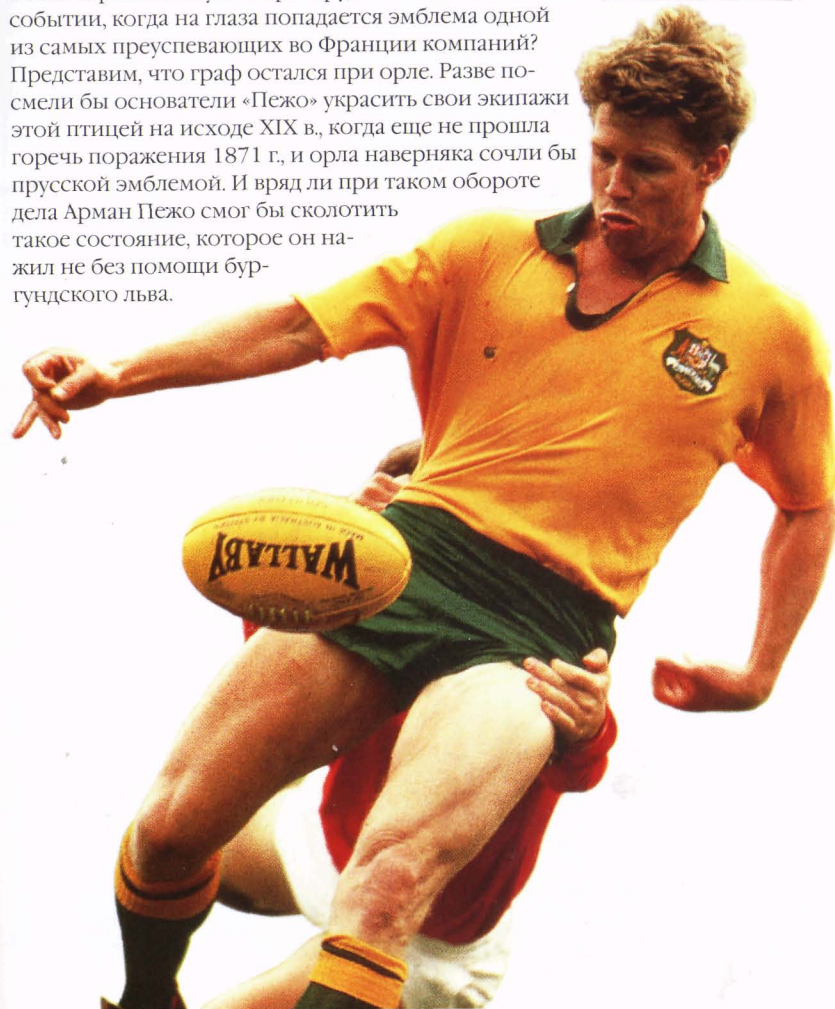
Порой корни наших эмблем, символов, логотипов уходят в толщу времен на еще большую глубину. В конце XIII в. граф Бургундии Оттон IV заменил герб с орлом на щит со львом. Это означало, что он порвал связи с императором, своим сюзереном. Щит со львом унаследовали его потомки, а ближе к нашему времени он перешел к исторической провинции Франш-Конте, то есть территории, примерно соответствующей об-

гербы, например, герб герцогов Милана у «Альфа Ромео» или герцогов Вюртемберга у «Порше». Другие ограничиваются геральдической фигурой – лев на автомобилях «Пежо» (слева) взят со старинного герба Франш-Конте.

ласти, которая принадлежала графству Бургундскому. Потом, в конце XIX в., геральдический лев Франш-Конте переселился на щит эмблемы автомобилестроительной фирмы «Пежо», потому что она построила свои заводы и разместила свою штаб-квартиру в окрестностях Монбельяра. И кто, почти через 600 лет после того, как граф Бургундский отказал в своей верности германскому императору, вспоминает об этом событии, когда на глаза попадает эмблема одной из самых преуспевающих во Франции компаний? Представим, что граф остался при орле. Разве посмели бы основатели «Пежо» украсить свои экипажи этой птицей на исходе XIX в., когда еще не прошла горечь поражения 1871 г., и орла наверняка сочли бы прусской эмблемой. И вряд ли при таком обороте дела Арман Пежо смог бы сколотить такое состояние, которое он нажил не без помощи бургундского льва.

На спортивных аренах геральдика проявляется в игре цветов и в наличии щитков с гербами на спортивной одежде (справа регбист Ник Фарр-Джоунз в форме национальных цветов Австралии).

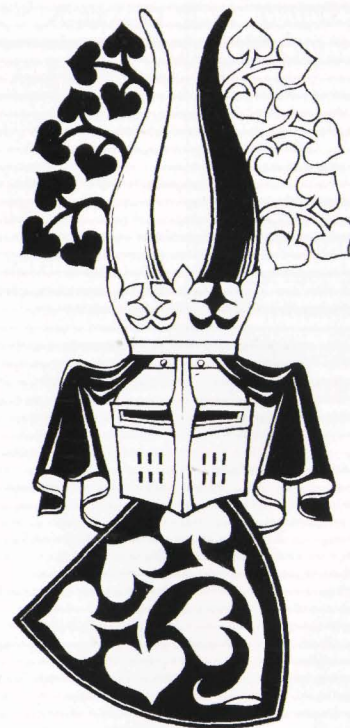

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

«Герб – это ключ истории».

Жерар де Нерваль,
«Анжелика», 1854 г.

Неужто историки боятся «флёр-де-лис» — королевскую геральдическую лилию?

Вопрос звучит диковато, но поневоле приходится на ум всякому, кто узнает, сколь убога библиография на эту тему. А ведь речь идет о подлинном историческом явлении, имеющем в одно и то же время политическое, династическое, художественное, эмблематическое и символическое значение. Но предмет этот далеко не нейтрален, и мешавшие его исследовать идеологические предрассудки сложились во Франции, видимо, вскоре после рождения Республики.

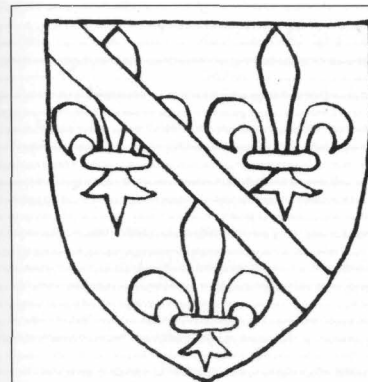
Печать го-
рода Лилля

Сами геральдисты и до сего дня нередко предпочитают уходить от разговора на эту тему и предпочитают не видеть в символе французской монархии плоды многовековых трудов, увенчавшихся синтезом, более чем достойным внимания исследователей.

Документов, которые стоило бы изучить, достаточно много: геральдическая лилия использовалась с XII по XIX в. и претерпела за это время множество приключений. Эрудиты Старого Режима [...] расчистили исследовательскую площадку и собрали немало материальных свидетельств. Их работы, несколько старомодные, во многом устаревшие и нередко простодушные, тем не менее, превосходят сочинения много печатавшихся «полиграфов» XIX — нач. XX в.

Цветистые речи последних зачастую топчут геральдический цветок в политической воинственности или скрывают его под разглагольствованиями, притязаниями на эзотеричность. Самое время медиевистам обратиться к разысканиям и документам и опереться в своих исследованиях на научную проблематику, чтобы мы смогли увидеть столь же солидные и плодотворные труды, как те, которыми мы уже располагаем и которые, в частности, посвящены истории германского орла, английского леопарда, бельгийского и нидерландского львов или скандинавских крестов.

Большинство авторов, писавших о происхождении геральдической лилии и о том, как складывалась ее графическая форма, сходятся на том, что к природной лилии облик лилии геральдической имеет мало отношения, но постепенно выработался из — тут мнения расходятся — образа ириса, дрока, лотоса, утёсника, а то и — если учесть самые

Герб Франции с изломом. На следующей странице — герб дофина

диковинные предположения — из трезубца, стрелы, секиры, даже голубки. Все это, по-моему, не очень серьезно. Существенно то, что речь идет о фигуре стилизованной, несомненно о цветке, который в качестве декоративного мотива или эмблематического атрибута использовался во многих обществах Старого и Нового Света. В самом деле — этот цветок обнаруживали на месопотамских цилиндрических печатях, египетских барельефах и микенской керамике, а также на галльских монетах, сассанидских тканях, одеяниях американских индейцев и японских эмблемах. При этом, однако, символический смысл, придававшийся цветку в различных культурах, был не одинаковым. Где-то геральдическая лилия обозначала чистоту и девственность, где-то знаменовала изобилие и плодородие, еще где-то — власть и независимость.

Древнейшими образчиками цветка, походившими на эмблему, распространенную в Европе в Средние века и после них, считаются изображения на ассирийских барельефах III тысячелетия

до н.э. Ими украшены тиары, ожерелья, скипетры, и похоже, что цветок воспринимался как атрибут царственного величия. Сходные изображения, созданные несколько позже на Крите, в Индии и Египте, видимо, играли ту же роль. Затем лилия появляется на греческих, римских и галльских монетах. Однако если у греков и римлян на разных монетах цветок выглядит неодинаково и об устойчивом образе говорить трудно, то у галлов он почти всегда очень похож на хорошо знакомую нам геральдическую лилию.

Мариологический атрибут

Сохраняя достоинство царственного атрибута, геральдическая лилия в начале Средневековья имела еще мощный христологический аспект. Истоки такой трактовки восходят к библейской Песни Песней, к стиху, многократно цитируемому Отцами Церкви и богословами: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!» (Песн. 2:1). Вот почему до XIII в. нередко посреди лилии или стилизованной розетки изображали Христа.

Постепенно на это христологическое содержание накладывалась символика поклонения Богородице, по мере становления культа Пречистой Девы и в соответствии со следующим библейским стихом: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн. 2:2). К тому же и во многих иных местах Песни и в других книгах Писания тоже упоминается лилия — как символ чистоты и целомудрия.

Мало-помалу лилия превратилась в атрибут Девы. Первые свидетельства тому предлагает нам нумизматика: на монетах XI–XII вв., которые чеканили епископы, кафедры которых располагались

в соборах, посвященных Деве Марии, цветок чеканился на ребре или реверсе монеты. Потом капитулы самих соборных церквей ввели в обиход печати с изображением Пречистой Девы, держащей лилию в правой руке. Примеры: собор Парижской Богоматери – 1146 г., а также соборы Богородицы в Нуайоне –

1174 г. и Лаоне – 1181 г. Вскоре епископам начали подражать аббаты, а затем и приоры – настоятели не столь значительных монастырей. С тех пор количество изображений Девы Марии с лилией или окруженной лилиями становится неисчислимым. Порой это стилизованная виньетка, порой – садовая лилия, подчас – настоящая геральдическая лилия. Иногда Дева изображалась с державой, в венце или в ризах из лилий или украшенных стилизованными лилиями, либо изображениями геральдических лилий. Пик этого поветрия пришелся, похоже, на XIII в. К концу Средних веков с геральдической лилией как атрибутом Девы Марии стала со все большим успехом соперничать роза. Похоже, что цветок любви в ту пору сильно потеснил цветок девственности.

Лилия Капетингов

Время, сопутствующие обстоятельства и смысл решения королей Франции, избравших своим знаком лилию, остаются спорными. Некоторые авторы обращаются к глоссам второй половины XIII в., тогда как литературные сочинения на протяжении всего следующего столетия – по большей части написанные ради доказательства законности притязаний на престол рода Валуа – объясняют, что король Франции «носит герб с тремя цветками лилии как знаменование Троицы: ибо через ангела Божия посланы они были Хлодвигу, первому христианскому королю, [...] и ангел велел ему стереть трех жаб, которые были на щите, и поместить на очищенное место три лилии».

Это сказание к концу XVI в. получило очень широкое распространение. Три цветка мыслились к тому времени не иначе, как только знаменование трех добродетелей: веры, мудрости и рыцарственного благородства (это толкование восходит к эпохе Людовика Святого, когда так объясняли наличие у геральдической лилии трех лепестков), а сама лилия – это символ Троицы, которая покровительствует королевскому дому Франции. Три геральдических лилии были ниспосланы небесами Хлодвигу, первому королю и основателю монархии, как раз тогда, когда он обратился в христианство, заодно обзаведясь новым гербом: лилии заменили жаб – а последние суть фигуры явно дьявольские – и он начал носить новый герб с лилиями в преддверии крещения.

Предание это выказало замечательную живучесть. Никакие удары, наносимые по нему эрудитами XVII в., не помешали его возрождению под перьями историков XIX в. Сегодня, понятно, никто не оспа-

ривает выводы эрудитов Старого Режима. Нигде в Европе до первой половины XII в. никто ни о каких гербах не слышал, да и король Франции был далеко не первым государем, воспринявшим это изобретение. Надо было дождаться 1211 г., чтобы увидеть на печати изображение принца из рода Капетингов с лилией на щите. И князем этим был вовсе не король Филипп II Август (1180 – 1223) лично, но его старший сын, принц Луи, будущий Людовик VIII (1223 – 1226). [...]

Воспринять новое поветрие помогло влияние аббата монастыря Сен-Дени Сугерия (1081–1151), бывшего советником Людовика VI (1108–1137) и Людовика VII (1137–1180), и св. Бернара Клервоского (1091–1153). Оба представителя высшего духовенства внушали обоим монархам особенное почитание Пречистой Девы и уговаривали их предать королевство Франции под Ее покровительство. И сначала Людовик VI, а затем Людовик VII мало-помалу начали выводить этот цветок на символическую сцену; позднее лилия заняла особое положение в эмблематике французской монархии. Во второй половине царствования Людовика VII – самого благочестивого из старших Капетингов – идеологическое использование цветка заметно усилилось. Уже тогда короли Франции пользовались лилией чаще и охотнее, чем любой иной государь христианского мира. Наконец, когда несколькими десятилетиями спустя, в начале царствования Филиппа II Августа решили подобрать эмблему для королевского герба, естественно было сразу вспомнить о фигуре, которая уже при двух королях прочными узами связала дом Капетингов с Пресвятой Девой. Отныне, подобно Богоматери, с которой он

разделял общий флоральный атрибут, король-Капетинг мог по истинному праву притязать на посредничество между небесами и землей, между Богом и подданными своего королевства. [...]

Разделенный цветок

Король Франции, его семейство и чиновники были не единственными лицами, носившими на своих щитах изображение лилии. В конце XII в. этот цветок превратился в одну из тех геральдических фигур, которые в изобилии распространялись по всей Западной Европе.

В подавляющем большинстве случаев наличие геральдической лилии на щите не означает ничего особенного и разве что указывает лишь на частоту распространения этой фигуры среди прочих подвижных геральдических фигур.

Лилия нередко играла в гербах ту же техническую роль, что и мелкие фигуры наподобие звездочек, безантов (фигура в форме круга), колец, полумесяцев, дроздиц (изображение стилизованной птицы без клюва и лап): она сопровождается или нагружается геометрическими долями, которые заполняются одноцветными полями.

Более того, есть гербы, на которых геральдическая лилия служит гласной фигурой. Такая связь может выстраиваться между словом *flos* (лат. *flos* – цветок) и именем города – как в гербе Флоренции, или же обыгрывается слово *lilium* (лат. *lilium* – лилия) – как в гербе города Лилля, на печатях которого цветок появился еще в конце XII в. и остается до сего дня.

Мишель Пастуро, «Король с цветками геральдической лилии», – статья в журнале *L'Histoire*, январь 1995 г.

Орел и лев на средневековых гербах

Гербы как эмблемы сильно нагружены многими сопутствующими смыслами и потому представляют собой одну из знаковых систем. Поэтому они легко поддаются изучению с помощью количественных методов, что позволяет отображать результаты исследования в виде таблиц, диаграмм или карт. Карты особенно наглядно показывают, как и с какой частотой те или иные цвета либо фигуры распространялись от страны к стране, от области к области, причем на карте можно отобразить также и влияние деления общества на классы и категории.

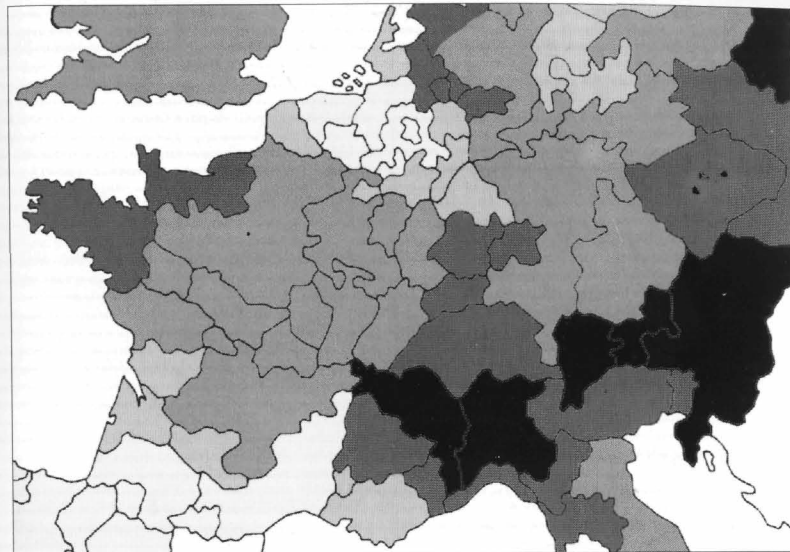
Картографическое представление показателей частоты распространения тех или иных гербовых фигур зачастую оказывается настоящим откровением. Две приведенные здесь карты отображают распространенность орлов и львов в гербах по всей Европе. Они составлены на основании статистического обследования примерно 25000 средневековых (XII–XV вв.) гербов.

Показанные на карте границы – это границы главных фьефов или групп фьефов в конце XIV в. Несмотря на различие в количественных показателях (лев по распространенности намного опережает все прочие фигуры), карты четко показывают, что повсюду, кроме Испании, регионы, богатые львами, бедны орлами и наоборот. В средневековой геральдике оба существа по сути дела враждовали друг с другом, будучи инсигниями мощных властных сил. В XIII в., похоже, вся Европа делилась на части орла (сторонники императора) и льва (партия его противников), так что большинство сеньоров, принявших щит со львом или, напротив, с орлом, руководствовались в своем выборе соображениями политического характера.

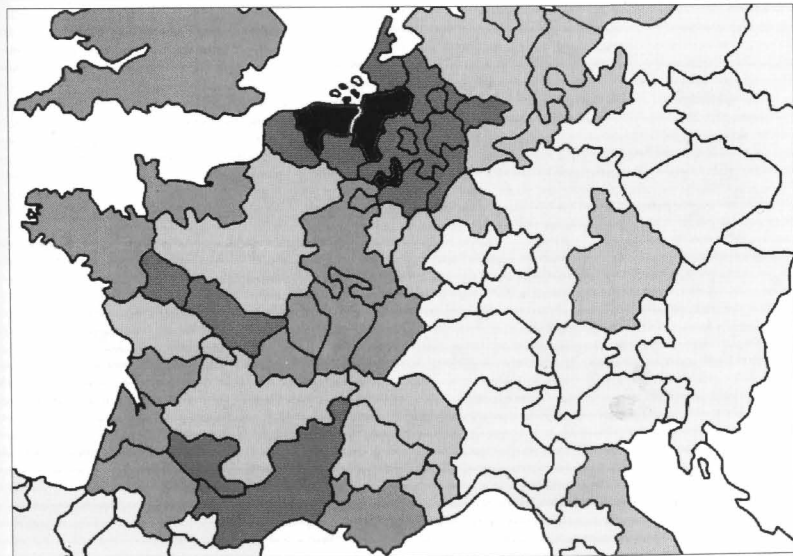
Наряду с противостоянием орла и льва в эмблематике Средневековья возникали и другие распри. Известна также борьба медведя с вепрем, отображавшая противоречия между кельтскими и германскими странами в лоне единой цивилизации раннего Средневековья.

Мишель Пастуро, «Новая геральдика», – статья в журнале *Pour la science*, ноябрь 1977 г.

Гербы с орлом: более 15%; 12–15%; 5–12%; менее 5%.
 Гербы со львом: более 70%; 60–70%; 50–60%; 30–50%; менее 35%.
 (Чем выше доля соответствующих гербов, тем более темным цветом закрашена территория.)

Доля гербов с орлами (вверху) и со львами (внизу) в общем количестве звериных гербов на той же территории.

Геральдика во французской словесности

Многие прозаики и поэты описывали гербы в своих произведениях. Но далеко не все литераторы были сведущи в правилах гербовой науки. Одни, подобно Рабле, не упускали случая посмеяться над гербовыми геральдами. Другие, подобно Бальзаку (начиная с 1839 г.), описывая гербы, консультировались со специалистами, чтобы избежать досадных ошибок.

Герб Монтеня

Цвета и одеяния Гаргантюа

Цвета Гаргантюа были белый и синий. Понимаю, что, читая эти слова, вы сразу же вспоминаете то, чему научены: мол, белый обозначает веру, а синий – стойкость. [...] Да кто вам сказал, что белый – это вера, а синий – стойкость? А в книжке вы это прочли, потрепанной такой, сию вы у какого-нибудь коробейника разжились, они сбывают ее под названием «Гербовая наука о колерах». Угадал? А если она даже звалась как-то иначе, то никак из робости – постеснялась, зная, принять такое имя.

Рабле, «Гаргантюа», 1535 г.

Во времена героические

Героические времена

Тот, кто хотел показать свою доблесть, Носил на том снаряжении, которое одевал, Или на своем щите нечто узнаваемое... Чтобы таким образом дать знать о своей боевитости, Кто выбирал для себя змею, кто – льва, еще кто-то – Орла, леопарда... И так вот с добрый миллион За минувшие с тех пор, как это узнали и научились этому, века Появилось подобных пород выбираемых знаков.

Ронсар, «Послание к Рене де Санзе», 1550 г.

Суетное тщеславие разночинцев

Уж такое оно, это простонародье несчастное, и до того ему скверно и неуютно, и так оно тоскует от неустроенности своей, ежели нету герба, да еще такого, чтоб на щите некая благородная часть имелась, и щитодержатели по бокам, и гребень, и девиз, а то и клич боевой – почему бы и нет? [...]

Лабрюйер, «Характеры», 1688 г.

Гербы для Франции

Серьезные люди ищут герб или, скорее, «гербы» для Франции. Звери уже разобраны. Лев достался Испании; орел пробуждает страшные воспоминания; петух из нашего курятника слишком зауряден и может нам понатворить метафор от дипломатии. По правде, нужна старинная – «античная» – штука. Иначе говоря, надо выстроить новый дом, но так, чтобы он был старым.

Я бы предложил две цифры – 29. Да, это оригинально, и великий день 29 июля [Июльская революция 1830 г.] уже блистает таким античным героизмом, который прогоняет любые насмешки.

Стендаль

Письмо главному редактору газеты «Глоб», 1830 г.

Человеческая комедия

Этот щит восхитил бы любителя геральдического искусства своей простотой, которая доказывала гордость, древность рода. Словно бы герб пришел на свет в тот самый день, когда крестоносцы христианского мира только что изобрели эти опознавательные знаки. Геник никогда не рассеклся на четыре части, но всегда как будто бы оставался тем же самым, как тот

герб, что принадлежит дому Франции и обнаруживается знатоками в изломанных или четверочастных гербах, посеянных в гербах стариннейших родов Франции.

Бальзак, «Беатрикс», 1839 г.

Гербы Германтов

Я вновь осмотрел герб, нарисованный на цоколях выпражей Комбре, четверти которого заполнялись, столетие за столетием, всеми теми сеньориями, что похищались, посредством брачных союзов или приобретений, этим блистательным домом во всех углах Германии, Италии и Франции: необъятные земли на Севере, могущественные города Юга, – все они влеклись в Германт, где соединялись и сочетались друг с другом, и, теряя свою вещественность, аллегорически выписывались на его донжоне зеленью или на замке серебром на лазурном фоне. Марсель Пруст, «По направлению к Свану», 1920 г.

Внизу – воображаемый герб Растиньяка. Вверху – герб Рюбампре (девиз *Quid me continebit* – лат. Кто со мною потягается)

Разбирательство в суде из-за гербов, случившееся в XIV в.

В XII и XIII вв., когда гербы еще отличались простотой (одна фигура, два цвета), бывало, и очень нередко, что два рода, никаким родством между собой не связанные, имели похожие гербы. И никого это не задевало. Но уже в XIV в. такое неудобное сходство давало повод к сильным переживаниям и, значит, распрям, и чем дальше, тем подобных раздоров становилось больше.

Слева и справа: Представление гербов гербовым герольдам.

Одной из наиболее интересных и важных в истории геральдики в Англии считают тройственную тяжбу между Скроупами, Гровенорами и Карминою. О деле этом за пределами Англии знают мало.

В 1385 г., когда король Ричард II вторгся в Шотландию, двое его рыцарей – сэр Ричард Скроуп из Болтона, что в Йоркшире, и сэр Роберт Гровенор из Чeshire – обнаружили, что у них одинаковые гербы: «*dazure ove bende dore*» – перевязь золотом на лазури (старофр.). Скроуп подал иск, но Гровенор стоял на том, что сэр Гилберт Гровенор прибыл в Англию с Вильгельмом Завоевателем при этой самой золотой перевязи, и с тех пор все его потомки всегда ее носили. Дело рассматривала «Военная Курия» – рыцарский суд, заседавший под водительством коннетабля Англии. Сотни свидетелей предстали перед курией, и среди высказывавшихся в пользу Скроупа Джон Гонт, король Кастилии и герцог Ланкастер, его сын Генри (впоследствии король Генрих IV) и поэт Джеффри Чосер. Тяжба затянулась. Наконец, в 1389 г. констебль решил спор в пользу Скроупа, но с пожалованием Гровенору права на ношение «*les ditz ove un playn bordure d'argent*» – герба с простой (сплошной) каймой серебром. Решение не устроило ни Скроупа, ни Гровенора, и этот последний обратился к королю. Ричард II огласил личное суждение свое 27 мая 1390 г., подтвердив право Скроупа на золотую перевязь и отменив решение констебля, разрешившего Гровенору носить такую же перевязь, но «изломанную» серебряной каймой. Излагая причины, побудившие его отменить разрешение констебля, король объяснил, что «подобная кайма не есть такая бризура, которая приличествовала бы двум семействам, кои не состоят в родстве, но обитают в

одном и том же королевстве; она удобна только в случае родов, находящихся в очень тесном, двоюродном родстве».

Многие свидетели ратовали за третьего соискателя, Томаса Карминою из Корнуэлла, носившего «перевязь золотом на лазури» в 1360 г. в походе во Францию. По такому случаю Гровенор уже оспаривал право Карминою на ношение подобного герба. Мало что можно сказать об исходе этой тяжбы, но очевидно, что оба соперника продолжали носить один и тот же герб, не внося в него никаких «изломов». В другой раз, во время той же военной кампании, Карминою вызвал (*challenged*) Скроупа, оспаривая права последнего на золотую перевязь. Суд на этот раз был скорым: констебль при помощи шести рыцарей потребовал от обоих обосновать их права на герб. Как сообщали судьи, Карминою доказывал, что все его пра-

щурь носили герб с золотой перевязью со времен короля Артура, тогда как Скроуп возводил древность своих прав всего лишь ко временам Завоевания (1066 г.).

После суда 1390 г. Скроупы и Кармионы не прекращали носить золотую перевязь безо всяких изменений. Гровенор, однако, был вынужден переменить свой герб. Он выбрал для своего герба щит «на лазури сноп золотом». Этот герб ныне носит его потомок – герцог Вестминстерский.

Отдельные современные авторы утверждают, что Карминою и Гровенор погибли в этой распре, убив друг друга. На самом деле все споры были решены юридически.

Х. С. Лондон, «Распря Скроуп-Гровенор-Карминою», статья в геральдическом издании *Archives héraldiques suisses* (Швейцарские геральдические знаки), 1951 г.

Уничтожение «знаков феодальности»

В 1790 г. Французская революция решила запретить гербы, как «знаки феодальности». Но до казни королевской четы существовало исключение: «объекты художественного интереса». Это исключение просуществовало только до осени 1792 г., когда начался настоящий «геральдический террор», свирепствовавший на протяжении всего 1793 г. и направленный против всякой подвижности и неподвижности, украшенной гербами, знаками благородного происхождения или монархическими эмблемами.

1793 г., 12 октября – Париж.

Протокол заседания
Комиссии по искусствам и памятникам.
Коммуна Парижа.
К гражданам
Извлечение из протокола,
зафиксировавшего обмен мнениями
между управляющими Комиссии
общественных работ касательно
искусств и памятников.

От гражданина Авриля,
18 брюмера 2-го года.

От 21-го дня 1-го месяца второго года
Республики, единой и неделимой.
«Один член обратил внимание собравшихся на то, что в проходах Национальных дворцов Тюильри и Лувра есть таблички с геральдическими лилиями.

Он же заметил, что в Монплеизир есть решетки, отягощенные знаками феодальности в меди и позолоченной бронзе.

Собрание, имея в виду наличие указа, предусматривающего способствование исчезновению знаков феодальности и всех геральдических лилий, решило:

1° что названные таблички в проходах будут перевернуты;

2° что решетка Монплеизир будет упразднена и подвержена этим операциям с соизволения гражданина контролёра Национального дворца.

Затем гражданином Аврилем было зачитано прошение по поводу кладбищ, имеющих быть устроенными вне больших городов, и касательно памятника Инвалидов. Чтение прошения сопровождалось оживленными рукоплесканиями собравшихся, и собрание постановило в двадцать третий день первого месяца второго го-

Герб Парижа под фригийским колпаком, 1792 г.

*Nous y a la commission
des arts et des sciences
invitation de faire supprimer
les signes de féodalité
relatifs aux monuments
à la république.*

Граждане требуют уничтожения
герба на гостинице Сансерр

да передать его в Генеральный совет для прочтения и призвать Совет к последующему ходатайствованию на этот счет перед Национальным Конвентом.

Гражданин Амейон представил собранию имевшийся у него список обнаруженных в различных районах Парижа знаков королевской власти и феодальности, которые следует как можно скорее уничтожить.

Он указал сначала на надпись о правлении Людовика XV, находящуюся на обшивке небольшой пристани Орме.

Затем о бесчисленном количестве геральдических лилий, обнаруживающихся то там, то сям на всем пространстве дома, прежде называвшегося Целестинским, который бесконечно важно очистить от всех тех изображений, что покрывают потолок большого зала, где собирались бывшие секретари бывшего короля. Они написаны золотом по лазоревому фону. Он спросил, нельзя ли покрыть потолок слоем белой или желтой краски; потом он добавил, что в том же

памятнике есть еще три колокольни, украшенные крестами с окончаниями в виде геральдических лилий; витражи отягощены геральдическими лилиями, как в часовне незрячих, так и в церкви и в одном из залов.

Он объявил также, что на улице Розье, в Марэ, рядом с большими воротами под №37, есть камень с надписью готическими буквами, которая начинается со слов: «Отселе начало фьефу Людовика, и проч.».

Он завершил, наконец, свою речь рассказом о том, что на улице Гренелль, что в предместье Сен-Жермен, на церкви Сен-Шомон и на церквях, принадлежавших бывшему ордену кармелитов, многие кресты отягощены весьма заметными геральдическими лилиями.

Один из членов заметил, что таковые надлежит уничтожить.

Один член сообщил собранию, что мировой судья секции Арсенала спрашивает, нельзя ли стены, где заседает трибунал, покрыть республиканскими обоями, вместо того, чтобы снимать то, что полагается снимать».

Подписано: Авриль, управляющий
общественными работами
и председатель.

Куамбо, секретарь суда.

С подлинным верно,
Куамбо, секретарь суда.

Маршал де Ноай замешкался с удалением
своего герба со своего дома в Париже.

*J'ai reçu votre lettre, Messieurs, au sujet du
retard que vous m'avez fait à faire ôter
les armoiries de la porte de ma maison à Paris, vous
avez été mal informés, car le jour que le décret de*

Японский «мон»

Среди различных эмблематических систем, имеющих хождение в незападных обществах, именно знаки традиционной Японии сильнее всего волнуют неожиданным сходством с европейской геральдикой. К тому же, как и на Западе, именно в XII в. эмблемы, до тех пор чисто индивидуальные, стали семейными и наследственными. Однако есть и серьезные различия между европейскими гербами и японскими «монами».

Японскому геральдическому искусству свойственна большая гибкость и свобода выражения; фантазия собирает символы в самые неожиданные сочетания. Словно бы художник не скован никаким кодексом, не блюдет никакой «грамматики» и дает волю своим грезам. И все же он строит свой рисунок, заботясь о некотором геометрическом равновесии, и при этом мастер сохраняет преемственность с предшественниками и хранит верность некоей традиции, требующей определенной стилизации художественных форм. Есть у него и терминология, отвечающая его целям и позволяющая не только обозначить подвижные элементы и их положение, но и описать все строение в целом. Щит – «мон», чаще всего круглый, бывает также квадратным, прямоугольным, ромбовидным, шестиугольным или в виде шестиугольника с изогнутыми краями или скругленными углами, как на панцире черепахи. Во всяком случае, если мон изображается на ткани или служит в основном декоративным целям, края его ослабляются. Совсем как западный геральдист, живший до XVI в., японец страшится пустоты и заполняет щит подвижными элементами, придавая им и самому щиту определенную форму. Из-за этого гроздь глицинии, взлетающий журавль или мотылек на рисунке подчиняются правилу, требующему сходства с закрученным пятном; округление щитов в гербовнике Ёлрэ (XIV в.) приводит к тому же; контуры льва или орла остаются похожими на треугольник.

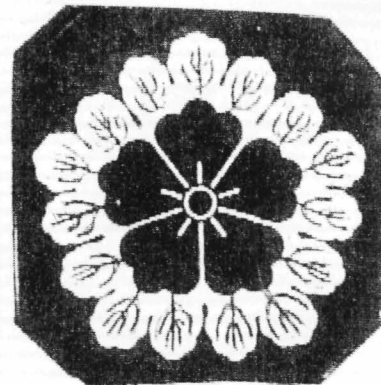
Японская геральдическая наука не ведает сечений и делений; композиция большей части гербов проста и включает в герб мало чего еще кроме подвижных элементов, обыкновенно двух или

трех, и очень нечасто таких элементов бывает больше. Правда, соединение в одном моне нескольких фамильных гербов, по причине каких-то соглашений либо союзов, встречается нередко. К тому же, хотя в Японии и нет гербов, характерных для целых кланов, в том смысле, как это свойственно Шотландии или Польше, влияние некоторых важных родов – «домов» – чувствуется в гербах домов менее важных и находящихся в зависимости от первых: гербы вассалов, как и в Европе, похожи на гербы патронов или даже получают из них посредством видоизменения. Возможна и региональная классификация монов – ввиду наличия характерных особенностей у монов одной и той же области.

Движимость выделяется на золотом или черном фоне посредством изображения предметов китайскими лаковыми красками; бывает и наоборот: фон – лаковый, а движимые элементы написаны золотом или черной тушью. Цвета употребляются редко, но подчас применяются синие, голубые, красные, коричневые и зеленые краски. Чаще всего цветами подчеркивают внешние контуры плоского изображения, но на знаменах яркие краски вступают в громоподобный хор, как бы пытаясь перекрыть фоновые цвета – желтый и белый.

Фигуры

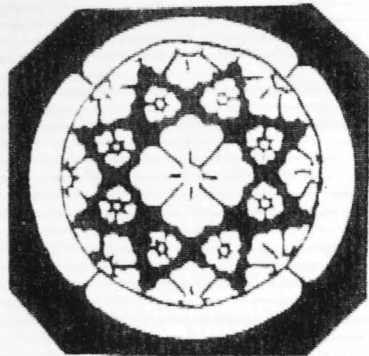
Движимость столь же многочисленна, сколь и разнообразна; однако такие геометрические фигуры, которые у нас называются «почетными геральдическими фигурами», встречаются нечасто. Вертикальные и горизонтальные полосы, слышущие в европейской гербовой науке «столпами» и «поясами», японцы обозначают просто числительными: «хито-

Мон фамилии Ода.

цу» = 1, «футацу» = 2 и «мицу» = 3, – соответственно числу таких элементов. Крест тоже называется числительным – «то», что значит «десять», но это потому, что идеограмма, обозначающая десяток, крестообразна. Что поразительно, так это то разнообразие крестов, которое производят японцы из этой немудреной фигуры: кресты урезанные, с «удвоенными» перекладинами наподобие арабских цифр «11», с перекладинами, окончания которых напоминают буквы «Г» или «Т», с окончаниями заостренными или в виде крестиков и т. п. Так что когда святой Франциск Ксавье добрался до Японии, он сначала растерялся перед обилием символов нашей веры на гербах семейств, далеко не христианских. [...]

Если «монсё» военной знати распознается по воинственным атрибутам, монны придворной аристократии украшались изображениями цветов, растений, насекомых и зверьков. Цветок хризантемы о шестнадцати лепестках – «кику» – это эмблема Империи; царственная фамилия пользовалась цветком павловнии,

Мон фамилии Токудаидзи

по-японски «*кири*», восхищавшим красотой своей тройчатой пирамидальной кисти, по 5, 7 и 5 бутонов в каждом из трех тирсов. Императоры жаловали право на «*кири*» множеству своих даймё в награду за какие-то особые заслуги – мотив, как видим, тот же, что и у королей Франции, за то же удостаивавших своих приближенных привилегией на ношение геральдической лилии. Так, Асикага Такаудзи, могущественный васал сёгуна, но перешедший в 1333 г. на сторону императора Годайто, получил за это от государя привилегию на ношение «*кири*» на своем гербе.

Заглянув в японский гербовник, например, в «*Хэйан Монкан*» (1953 г.), любопытствующий словно бы попадает в цветущий сад: цветы и растения всевозможных родов и видов, изображенные в весьма утонченной технике и – в бутонах, распускающимися, в полном расцвете, сверху, сбоку и в иных ракурсах. Вот глициния – «*фудзи*» – с кистями, выложенными крутом или свернутыми в спираль рядом цветки вишни («*сакура*»), сливы («*умэ*»), пиона («*ботан*»), гвоздики

(«*надэсико*»), горечавки («*риндо*»), ириса («*какидубата*»), омель («*хоя*»), коробочка чайного цветка («*тянами*»), маленький апельсин («*татибана*»), клевер («*катабами*»), листья мальвы («*аои*»), плюща («*цута*»), бамбука («*саса*»), такие пряности, как пряная гвоздика («*тёдзи*») или имбирь («*мёга*»), а потом конопля («*аса*»), рис («*инэ*» – на корню и «*абанэ-инэ*»), тутовник («*куванокки*»), японский кедр или криптомерия («*суги*»), кленовые листья («*каэдэ-момидзи*»), пальма («*сюро*») и т. д.

Если это или что-то похожее и есть в европейских гербах, то лев («*сиси*»), например, у японцев редок, а то, что он так странно выглядит, объясняется всего лишь тем, что лев, в сущности, зверь в Японии неведомый. Лошадь («*ума*») всегда «весела» – потому что без седла и без узды. [...] Собака («*ину*»), коза, лань («*сика*»), обезьяна («*сапу*»), вепрь («*иносиси*») попадают не слишком часто. Среди малорослых зверей мастера монсё больше всего любили кролика («*усаги*»), изображая его анфас и в профиль и целыми стадами, часто только затем, чтобы на гербе не оставалось непереносимо большого пустого места. При умножении количества кроликов их расположение бывало очень прихотливым: пару изображали лицом к лицу, тройку – «виллообразным крестом», бывало и что за такой конфигурацией пририсовывали парочку кролей поменьше. Крысы («*нэ*»), черепахи («*камэ*») и летучие мыши тоже находят для себя место на японских гербах.

В отличие от европейских гербов, звериные головы или лапы не встречаются: животное изображается только целиком. Правда, мон может быть украшен оленьими рогами, но безо всякого намека на олений череп: пара рогов развер-

нута вперед и называется «*дакидзунэ*» – «обнимающие рога».

Из птиц заметен журавль («*цуру*»), а дикий гусь («*кариганэ*»), похож, условностью своей, на западную «проздицу», встречаются также голубь («*хато*»), воробей («*судзумэ*») и петух («*нивадори*») [точнее – курица]. Насекомые представлены бабочкой («*тётё*») и стрекозой («*тамбо*»). Бабочка с распахнутыми крыльями называется у японских геральдистов «*ёромётё*», а в профиль, в полете – «*аэханотё*».

Закончим перечень японского зверинца морскими существами: в бестиарии числятся рыбы («*сакана*»), омар («*эби*»), одностворчатая раковина Сен-Жака («*ити-итая*»), другая съедобная ракушка («*хамагури*») и еще, своего рода арфа, изображаемая с «*итоду*» («*сэдзэ*). [...]»

Живая геральдика

По ходу своего путешествия по Японии я имел возможность убедиться в том, до какой степени процветает геральдическое искусство: гербы – часть повседневной жизни; есть художники, зарабатывающие составлением гербов, а в больших городах, особенно в Токио, Киото, Нагое и Осаке, геральдисты объединены в синдикаты.

В Киото специализированная библиотека устроила для меня встречу с геральдистом-профессионалом. Г-н Тиёсо Хиросэ – президент Профессионального союза искусств и вице-президент Всеобщего объединения японских геральдистов, это – федерация профессиональных союзов специалистов по гербам.

Корпорация, к которой принадлежит Хиросэ-сан, производит рисунки и чертежи, предназначенные для самых разных целей, в том числе и для составления гербовников. Так, упоминавшийся альбом «*Хэйан Монкан*» («*Зеркало Хэйанских гер-*

бов») издан в 1953 г. тпанием этого профсоюза. Другая важная сторона его деятельности – изготовление трафаретов, помогающих наносить гербы на шелк и хлопок. Прежде чем будущий геральдист сможет приобрести нужные технические навыки, он должен проработать пять-шесть лет в ученичестве, и лишь потом его допускают непосредственно к учебе. Трафареты делаются из особой бумаги, смазанной маслом растений *Perilla ocimoides* и вязющим соком «*сибу*», извлеченным из зеленых плодов «*каки*». Трафарет вырезается резцом, что требует от художника и терпения, и умения.

Так что в то самое время, когда Япония бурлит, горячо продвигаясь вперед в политике, экономике, науке, технике, старинное искусство составления гербов не только не увядает, но продолжает процветать, с успехом приспосабливаясь к условиям нашего времени.

На заре XX в. Х.Г. Штрёль в введении к своему исследованию на соискание степени магистра «*Japanisches Wappenbuch*», «*Nihon Monsbo*», утверждал, что в Японии есть только личные гербы: мол, эмблемы городов или корпораций неизвестны. Так оно и было. Потом этот пробел заделали: в упоминавшийся гербовник «*Хэйан Монкан*» 1953 г. включены гербы 149 городов. Выглядят они сверхсовременно: исполнены они, как правило, в абстракционистском духе, в суховатой манере, и лишь кое-где попадаются привычные цветочки. Только горечавка, напоминающая о сёгунатах Минамото и Камакура, сохранилась, как дунование былой старины, а бабочки, воробьи, дикие гуси и журавли улетели.

Рене Ле Жюг де Серге, статья «*Японская геральдика*» в каталоге выставки «*Эмблемы, тотемы, гербы*», действовавшей в музее Гиме с марта по июнь 1964 г.

Язык знаков

Есть ли такой язык, который поймут люди самых разных обществ? Нет, наверное. Но есть знаки, берущие на себя функцию речи в том хотя бы, что указывают на место отдельного человека или группы в совокупности других людей, либо групп в устройстве некоторого общества. Пьер Франкастель, которого в 1964 г. попросили написать предисловие к каталогу выставки, посвященной «эмблемам, тотемам и гербам», подчеркивает, что знаки «откликаются и начинают говорить», стоит лишь обратить на них внимание, и всегда говорят — много больше, чем слова, предназначенные для того же.

Нубийский воин из Судана и его щит.

При осмотре выставки очень скоро замечаются две вещи. Во-первых, что без предварительного истолкования посетителю совершенно невозможно самому понять или восстановить код, который бы позволял приписать определенный и точный смысл каждому опознавательному знаку. Для каждой группы выставленных предметов нужен свой особый комментарий. Все же очевидно, что без знания и понимания каких-то элементов невозможно перевести на понятный язык скрытые в подобных знаках и их системах ценности. Мы с первого же взгляда улавливаем, что они до такой степени значимы для нашего личного опыта и настолько неотъемлемы от наших переживаний, что мы сразу же бываем в состоянии выстроить своего рода лестницу, установить среди рассматриваемых объектов иерархию ценностей, скрывающихся за этими знаками. И это благодаря восприятию неких меток, которые чаще всего, как затем выясняется, и оказываются теми самыми значащими признаками, представляющими интерес для нас. Этнологи помогают нам разобраться с подобными наблюдениями.

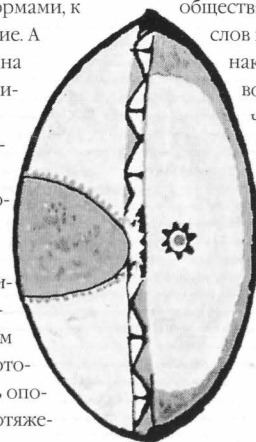
В частности, Клод Леви-Стросс обращает наше внимание на то, что примитивные люди обладают ошеломляющими, на наш взгляд, способностями делать метки с помощью таких указателей, которые не укладываются в нашу основанную на вербальной логике систему языка и анализа. Примитивные люди воспринимают мир непосредственно, глобально и визуально, причем целостно, а не дробя воспринимаемое на составляющие, которые они, впрочем, замечательно различают. Они, например, сразу же замечают отсутствие одного из

участников в группе из охотников и собак. На более высокой степени развития это умение цельного и прямого восприятия фигуративных порядков, не замечаемое до сих пор формальной логикой, сохраняется. Достаточно указать хотя бы на то, что сегодняшней человек по-прежнему к информационному усилию ради истолкования опознавательных меток примитивных народов и что необозримый материал эмблем и аллегорий общества, много менее книжного, чем наше, процветал во времена Возрождения. Приходит все более полное осознание того, что среди прочего, цивилизации, опирающейся исключительно на книгу, приходит конец. Четыре столетия филология наряду с математикой служила нам орудием интеллектуального прогресса. Это не только привело к тому, что человек стал более отвлеченным, но и привязало его к особым формам мышления, передаваемым посредством письма или с помощью математических символов. В итоге произошло очень четкое различие между обращением к образности и формами, к которым приучено сознание. А мы, между тем, бесспорно, на пороге такой эпохи — и приключение, известное под именем абстрактной живописи, служит тому доказательством — которая предложит нам новые возможности для пользования нашим зрительным восприятием. Настоящая экспозиция не только помогает нам уяснить огромную роль, которую не прекращали играть опознавательные знаки на протяже-

нии тысячелетий становления общественного порядка, но и дает материал для размышлений, которыми утруждают себя те, кто сегодня пытается полнее использовать способности и навыки, отображаемые фигуративными порядками, сменявшими друг друга на протяжении истории человечества. [...] Цвет — одна из основополагающих категорий зрительного видения, и цвета позволяют подчеркнуть значимость ощутимых величин, точно так, как эта значимость подчеркивается линиями или ракурсом. Цвет придает пространству основополагающую глубину — иначе говоря, подвижность — точно так же, как линия помогает разделению пространства. Все цивилизации, не ограничивавшиеся, подобно нашей, на протяжении последних пяти веков опорой исключительно на записанный язык, очень ценят цвет и различают множество цветовых оттенков.

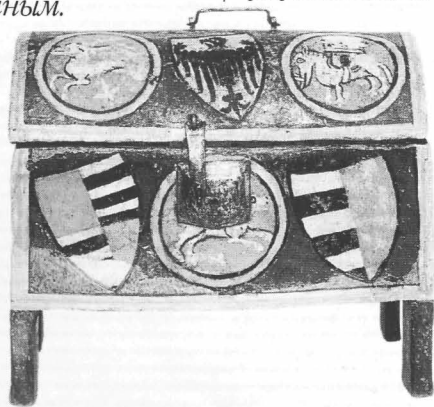
В наши дни, однако, эта способность к цветоразличению много более ограничена. Бесспорно, именно в силу этого обстоятельства все более развитые общества подчиняют язык цветов языку слов или абстрактных символов. Однако настоящая выставка может возбудить в нас стремление изучить, каким образом в примитивных обществах столь рудиментарные, в общей сложности, приемы фигуративного знака порождают такое разнообразие выразительной силы.

Пьер Франкастель,
«Опознавательные знаки»,
предисловие к каталогу
выставки «Эмблемы, тотемы,
герб», действовавшей в музее
Гиме с марта по июнь 1964 г.

Идентификация безымянного герба

Попытка опознания неизвестного герба, обнаруженного на некотором объекте, памятнике, произведении искусства, часто оказывается просто неизбежной, поскольку иные способы определения «гражданского состояния» такого объекта без изучения герба почему-либо не работают. Однако идентификация герба – дело не простое. Есть немало причин, по которым наличный геральдический инструментарий оказывается не-удовлетворительным или недостаточным.

Австрийский
ларь XIV в.

Во всей Западной Европе от Средних веков осталось около миллиона гербов, да еще 10–12 миллионов датируется XVI–XIX вв. Никакой трактат, никакой гербовник, никакая база данных не в состоянии объять такой объем информации и предложить исчерпывающие принципы оценки, классификации и, тем более, управления всем накопленным геральдическим богатством.

Легче работать с меньшими количествами гербов – относящимися, например, к одному региону, одной эпохе, одному учреждению, к особой социальной или профессиональной категории. Подобное рассмотрение позволяет свести в некое сравнительно однородное, объединенное схожими признаками множество сотни, а порой и тысячи гербов. Такие гербовники помогают найти гербы некоторого владельца (физического или юридического лица, фамилии, рода), но методики оказываются почти бессильными, если дело касается анонимного герба, украшающего какой-нибудь витраж, ковер, картину, ларец с мощами или иной реликварий, либо фамильное серебро или столовый сервиз. В таких случаях чаще всего

имя владельца устанавливается по гербу, а не герб – по владельцу. И просто свести в достоверную геральдическую таблицу фигуры и цвета обнаруженного герба – это далеко не всегда помогает установить имя хозяина. Задача

опознания безымянного герба остается трудоемкой, затяжной, исследователь вынужден полагаться на свой опыт, но и искусственность далеко не всегда приносит плоды. Слишком уж велик разброс в предельных значениях обрабатываемых переменных, которые затрагивают не только пространственную и временную размерности, но также и категорию социальности.

В настоящее время с теми орудиями и базами данных, которыми мы располагаем, как правило, легче разбираться со средневековыми гербами, чем с более современными (особенно XVIII–XIX вв.), гербы Северной Европы идентифицировать проще, чем наследие Южной Европы, гербы знати узнаются скорее, чем гербы простолюдинов-ротнорье, а гербы физических лиц – лучше, чем эмблемы лиц юридических. Некоторые страны опознаются легче, благодаря запоминающимся особенностям репертуара: таковы Дания, Шотландия, Люксембург, Швейцария. К другим, напротив, трудно подобрать подходящий инструментарий, и потому задача нередко оказывается неразрешимой. Такова Испания, а Италия, наверное, в этом отношении еще труднее. Во всех музеях Европы и Америки есть итальянские изделия и произведения искусства с неопознанными гербами, идентификация которых позволила бы проследить пути предмета, а то и сразу же написать на табличке и дату, и область происхождения, и другие данные...

Во Франции положение такое же, как повсюду в Европе: северные области проще в работе, чем южные, потому что на их счет больше данных в гербовниках и каталогах. Попытки идентифици-

ровать гасконские, лангедокские или провансальские гербы, тем более XVI–II в., зачастую оканчиваются провалом. Напротив, поиск владельца нормандского, бретонского или фламандского герба XIV в. бывает обычно сравнительно простой задачей (хотя и здесь не исключено, что исследователь останется с пустыми руками). В общем случае работать с такими гербами, на которых изображено множество фигур, или даже однофигурными, легче, чем с простыми гербами (щит «по серебру червленый лев», к примеру, идентификации не поддается). Но сильно отягощенные гербы или чрезмерно защищенные четверчастные щиты также ставят множество трудных задач в плане индексации и идентификации. Исследователю приходится все время полагаться на свое «чутье», имея в виду не только ведение правил и осведомленность в каталогах и гербовниках, но и почерпнутое из тех же источников представление о многих вольностях в пользовании геральдическими правилами и о широком распространении геральдического произвола. Только многолетний опыт дает навыки, помогающие «ощутить» имеющуюся геральдическую информацию, отделить важное от малозначимого, а непосвященному подобные различия заведомо не по плечу. Налицо сбивающая с толку эзотеричность орудий гербоведения: одних способностей недостаточно, надо еще, что называется, «набить руку».

Обращение к компьютеру может зараннее избавить от многих совсем не неизбежных затруднений. Однако обрести «чутье» – это бесценное орудие любого поиска – в рамках логической или информационной программы невозможно.

Несколько советов по созданию гербов

Вопреки расхожему мнению, право на герб – вовсе не привилегия каких-то определенных классов или социальных категорий. На самом деле это право принадлежит всем на свете. Каждый может выбрать герб по своему вкусу и свободно пользоваться им, и единственное ограничение – нельзя пользоваться чужим гербом. Такое правило действовало еще в Средние века, и оно сохраняет свою силу до сего дня.

Во Франции после падения Второй империи геральдика утратила всякий официальный статус и никакого законодательства на этот счет не существует. Однако после Второй мировой войны суды признают за гражданами право на владение гербами в частном порядке, а сами граждане вольны обзаводиться гербами, не испрашивая разрешения у какой-либо инстанции. Постановление парижского апелляционного суда от 20 декабря 1950 г., впоследствии многократно воспроизводившееся иными судами, констатировало, что «гербы наслаждаются той же защитой, что и семейное имя» и что «юридические суды, полномочные рассматривать иски касательно имен, наследуемых по отцовской линии, равно полномочны и в тяжбах и исках, возникающих в связи с гербами».

Подобные тяжбы возникают подчас между двумя лицами или двумя семьями, пользующимися одинаковыми гербами. Случается, что речь идет о злонамеренном похищении эмблемы, хотя чаще совпадение или сходство оказывается случайным. Исчерпывающего или сколь-либо полного гербовника нет, как нет и центрального учреждения – вроде

коллегий в Англии, Шотландии или Нидерландах – для регистрации и более или менее действенной защиты всей совокупности гербов, имеющих хождение во Франции. Правило свободного обзаведения гербом и то обстоятельство, что речь не идет о графическом образе строго и

раз и навсегда установленного вида (тот самый герб может изображаться во множестве графических вариантов и при этом оставаться тем же самым гербом), делает такого рода регистрацию юридически ничтожной, пусть даже не слишком щепетильные частные конторы и обещают нечто подобное (да еще берут за это деньги!).

Так что, обзаводясь гербом, надо не брать герб, уже принадлежащий кому-то еще. Однако проверить это практически невозможно. Выходит, что лучший закон – это добрая вера. Тем более, что гербовая наука предоставляет безграничный простор для воображения.

Значит, если и нужно блюсти какие-то законы, то это – законы построения герба. В самом деле – нелепо брать герб и сразу же нарушать законы гербовой науки. Так поступают и при обзаведении логотипом. Правда, логотип – формула более гибкая и менее сковывающая, но не столь действенная, как герб. Выбору цветов и фигур очень не помешает хороший вкус. Стоит избегать пестроты и не отягощать щит сверх меры, превращая его в жанровую картинку. Это противно духу геральдики и не способствует созданию хорошего впечатления о носителе герба (случай многократно четвертованного герба – особый). К тому же в гербах с пятью, шестью, десятью разными фигурами, порой несовместимыми с правилами гербовой науки, порой в целом не противоречащих ей, эти фигуры не удастся даже толком изобразить, особенно если рисунок невелик, – например, на листах почтовой бумаги или визитных карточках.

Хуже всего, если о здравом смысле и традиции забывает на свое несчастье какой-либо город. Перегруженный герб –

очень плохая пропаганда и для самого города, и для геральдики. Правда, городу трудно удовлетворяться простым гербом, но приходится помещать на щите какие-то элементы, повествующие об его особенностях: прошлое, настоящее, виды на будущее, географическое местоположение, выдающиеся памятники истории и культуры, хозяйственная деятельность, реки, природные достопримечательности, образ святого покровителя, сказания, предания и факты героического прошлого – что-то из этого может быть отображено. Но не все сразу. Лучше всего, наверное, хранить верность самым древним геральдическим традициям и выбрать гласный («говорящий») герб. В некоторых департаментах есть Департаментская комиссия по геральдике, обыкновенно связанная с Дирекцией архивных служб, и такое учреждение порой может оказать существенную помощь начинающему геральдисту. В самом центре государства действует очень жизнеспособная Национальная Комиссия по геральдике – официальное учреждение, руководство которого находится в здании Национальных архивов, – и она тоже может оказать того же рода услуги, что особенно важно для граждан тех департаментов, в которых нет подобной Комиссии. Надо помнить, что Комиссия ничего не регистрирует, не защищает и не продает – это чисто консультативный орган советательного толка, очень полезный и действенный в этой роли.

Все, что верно для городов и организаций, верно и для частных лиц: если уж обзаводиться гербом, то стоит стремиться к простоте и руководствоваться хорошим вкусом. Чаще всего можно удовлетвориться одной-двумя фигурами и двумя-тремя цветами.

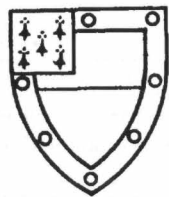

Сотня слов, чтобы объясниться

Язык гербовой науки поначалу ничем не отличался от разговорного языка, в том числе во Франции, где, как и в Англии, расхождение между обыденной речью и геральдической терминологией постепенно увеличивалось и к сегодняшнему дню превратилось в настоящую пропасть. Нынешнему непосвященному речи геральдистов совершенно непонятны. И все же, вопреки укрепившемуся предубеждению, язык геральдики вовсе не герметичен и вполне постижим. Если не пожалеть пары-другой часов на ознакомление с сотней употребительных терминов и освоить несколько не столько даже замысловатых, сколько просто непривычных оборотов — и у читателя появится основа, достаточная для описания более чем 80% известных гербов.

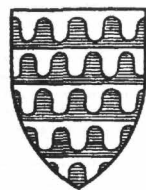
багрянец: эмаль серо-зеленого цвета (до XV в.), затем лиловый, фиолетовый или ярко-алый цвет.

безант: круглая фигура малой величины, всегда из золота или серебра.

Пересечение на серебро и лазурь с каймой зелёную в золотые безанты с вольной частью, вытканной горностаем.

беличий мех: мех, изображаемый колокольчиками из серебра и лазури попеременно, которые размещаются в несколько горизонтальных рядов.

Беличий мех.

вазилиск: сказочный зверь, обычно в образе дракона с петушиной головой.

вздыбленный: означает четвероногое, вставшее на задние лапы.

виллообразный крест: деление щита в виде буквы Y, соединяющее острие щита с двумя углами его главы.

волнистый: деления или сечения со слегка изогнутыми ограничивающими контурами.

На серебре виллообразный крест черным.

Волнистые столпы серебром и черным.

вольная часть: часть в виде квадрата, занимающая один из углов щита.

Шахматный щит золотом и лазурью с серебряной вольной частью со львом червлёным.

вольная четверть: часть в виде квадрата, расположенная в углу щита, обычно правом, и занимающая четверть щита.

втулка: безант, но не золотой и не серебряный.

вытканый: фигура, наложенная поверх одной или нескольких и частично закрывающая нижнюю (нижние).

гербовник: перечень гербов с изображениями и/или описаниями на языке геральдики.

глава: деление, ограниченное снизу горизонтальной линией и занимающее верхнюю часть щита.

По серебру глава черным.

гнутой: деление с изогнутыми ограничивающими контурами.

гонт: фигура небольшой величины в виде прямоугольника, обычно располагаемого по вертикали; с гонтами [Billette]: щит или фигура, усеянные гонтом.

По золоту десять гонтов червлёным в расположении 4—3—2—1.

гора: стилизованная фигура, изображающая горную вершину.

горностаи: мех, изображаемый стилизованными хвостиками черным, посаженными по серебряному полю.

По горностаю червлёный арбалет столпом.

гребень: эмблематическая фигура над шлемом поверх щита.

грифон: сказочный зверь с туловищем, верх которого, как у орла, а низ – как у льва.

движимость: фигуры, которые могут занимать на щите разные места (звери, растения, предметы и т. п.) – в противоположность делениям и сечениям, занимающим строго определенные места.

На черни три шахматных лады серебром.

двойкозазубренный: деление, чаще всего пояс, края которого симметрично зазубрены с двух сторон.

двуглавый: животное о двух головах – чаще всего орел.

деления: геометрические фигуры, получаемые посредством деления щита горизонтальными, вертикальными или диагональными линиями на нечетное число частей.

десница: правая рука, одесную – на правой стороне щита (для зрителя – на левой).

дроздица: фигура небольшой величины, изображающая стилизованную

По серебру пояс лазурью в сопровождении шести червленых дроздиц.

птицу сбоку и без лап и клюва (с XV в.).

жезл: укороченная лента.

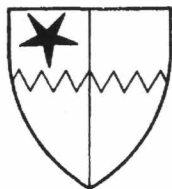
живой: деления, особенно пояса, контуры которых по краям оканчиваются заостренными зубцами большого размера.

По серебру живой пояс черню.

жужелица: стилизованная фигура из двух С-образных крючков спиной к спине и иногда соединенных горизонтальной перекладиной.

зазубренный: деление или сечение, граничные контуры которого выглядят как заостренные зубцы.

Рассеченный на червлень и серебро, во главе остроаззубренный, серебро справа отягощено черненой звездой.

защищенный: 1. четвероногое, например, лев с когтями, выполненными эмалью иного цвета, чем само четвероногое; 2. равно относится и к человеческому существу или части такового (рука, ладонь и пр.), держащему какое-либо оружие или облаченному в доспехи.

звездица: маленькая геометрическая фигура в виде звезды о шести (подчас о пяти или восьми) лучах с круглым отверстием посередине.

зелень: (зеленый цвет): эмаль зеленого цвета (однако до середины XIV в. термин обозначал красный цвет).

золото: эмаль желтого цвета или, реже, позолота.

зубчатый: деление или сечение с зубцами по верхнему краю.

излом: изменение, вносимое в герб лица, которое, не будучи старшим в роду, не имеет права носить полный фамильный герб.

исходящий: зверь, изображаемый так, что видна только часть тела, и потому он кажется выходящим из какой-либо фигуры, деления или сечения или из краев щита.

кайма: деление, ограниченное линией, параллельной краям щита.

Серебро с каймой черню.

клейнод: украшения над щитом.

клинчатый щит, клинчатость: щит, рассеченный так, что его вид напо-

Клинчатый щит серебром и черню.

минает ветряную лестницу, что достигается наложением рассечения на пересечение и скошение справа и слева.

коронованный, см. увенчанный.

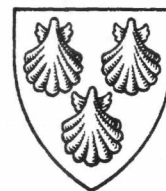
крестик: небольшой урезанный крест.

кружевной: деление или сечение с краями, отделанными небольшими закругленными зубцами, острия которых направлены наружу.

Лазурь, усеянная золотыми раскрепщенными крестиками на кольцашках с двумя вытканными спина к спине окунами, с серебряной кружевной каймой.

лазурь: эмаль синего или голубого цвета.

По золоту три раковины лазурью.

ламбрекены: украшения в виде изогнутых или свитых лент, исходящих из

На лазури два серебряных стропила, в золотой волной части вытканый червлень леопард.

шлема и обрамляющих щит по его внешнему контуру.

лента: перевязь, сокращенная по ширине.

лицом к лицу: говорится о двух фигурах, обыкновенно животных, обращенных друг к другу головами.

мелкозубчатый: деления и сечения с мелкими острыми зубчиками по краям.

мех: сочетание эмалей, объединяемых условно и стилизованно, предназначавшееся для изображения пушнины, которой подбивали щиты воины XII–XIII вв. Двумя главными мехами считаются горностай и белка.

надо всем: выражение, означающее расположение гербового щитка посередине четырехчастного щита над всеми четырьмя частями.

надчетверочастный щит: четверочастный щит, занимающий четверть большего, уже четверочастного, щита.

обратно перевязанный: щит или фигура, разделенные посредством обратной (слева направо) перевязи на четное число частей в разных эмалях.

обратная перевязь: деление, пересекающее щит по косой линии, идущей из левого (правого – для наблюдателя) угла в главе в правый угол острия (низа) щита.

одно в другом, на другом: говорится, если (две) фигуры вытканы на сечении и каждая из фигур содержит эмаль противоположной половины сечения.

оковка: говорится о щите, делении или сечении, отягощенном лентами прямой или обратной перевязи, кото-

По серебру оковка чернью.

рые наложены друг на друга так, что образуется подобие корзины.

окунь: фигура в виде стилизованной, вытянутой в длину рыбы.

орех: небольшая фигура в форме ромба с пустым ромбическим пространством внутри.

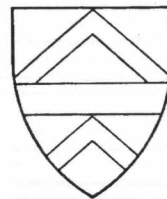
На серебре орех чернью.

орлик: фигура наподобие маленького орла, изображаемая без клюва и лап.

орлица: так называется фигура орла, если на щите их показано не менее трех.

острие: 1. низ щита; 2. треугольное деление, расположенное столпом и направленное своей заостренной частью к главе щита, но не касающееся ее. Может располагаться также поясом или перевязью.

остроплённый: щит или фигуры, разделенные четным числом одинаковых стропил (шевронов), заполненных попеременно двумя эмалями.

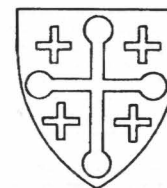
По зелени золотой пояс в сопровождении двух серебряных стропил.

отягощенный, -ая, -ое, -ые: фигура, на которой расположена одна или несколько фигур меньшего размера.

По лазури перевязь золотом, во главе отягощенная черным кольцом.

отягощенный в частях: так говорится о кресте, или Андреевском кресте, а также об иных фигурах, сопровождаемых в каждом из углов подвижностью.

На золоте лазурный крест о яблоках, отягощенный в частях четырьмя червлеными крестиками.

ощеренный, -ая, -ое, -ые: четвероногое, обыкновенно лев или леопард, язык которого в иной эмали, чем сам зверь.

перевязанный (прямо): щит или фигура, разделенные посредством (прямой – справа налево) перевязи на четное число равных частей в разных эмалях.

Щит, перевязанный серебром и чернью.

перевязь (прямая): деление, пересекающее щит с правого (для зрителя – левого) угла в главе щита к левому углу его острия (низа).

По серебру перевязь чернью.

пересечение: 1. сечение, делящее щит или фигуру на равные части посредством горизонтальной линии; 2. говорится о членах какого-либо животного, расчлененных некоторым недвусмысленным образом.

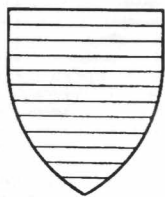
Пересечение серебром и чернью.

повернутый: 1. животное, изображенное в профиль и повернутое к левой стороне щита; 2. иногда говорится о стропиле или полумесяце, острия которых направлены к левому краю щита.

полет: стилизованная фигура, составленная из двух соединенных крыльев, расположенных спина к спине так, что острие соединения направлено вверх.

полоса: пояс, ширина которого уменьшена и который размещен на щите не менее пяти раз.

полоска: так называется пояс, повторенный на щите столько раз, что щит делится не менее чем на десять равных частей.

В полосу золотом и зеленою.

пояс: деление, ограниченное с двух сторон параллельными линиями, пересекающими щит по горизонтали.

По серебру два пояса черню.

препоясанный: щит или фигура, делящиеся по горизонтали на четное количество равных частей в разных эмалях. Если число частей больше десяти, то пояс называется полоской.

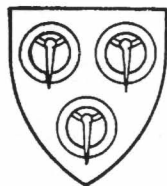
Препоясанный щит серебром и черню.

природный (в натуральном цвете): фигура в естественных цветах, а не в эмалях, обыкновенных для гербов.

простой: щит лишь в одной эмали без фигур.

противобеличий мех: мех, отличающийся от белчьего тем, что используются не лазурь с серебром, а другие эмали.

пряжка: стилизованная пряжка со шпеньком.

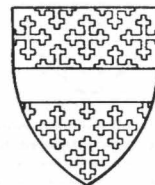

На золоте три червленые пряжки.

пурпур. см. багрянец.
пятилистник: стилизованный цветок с пятью заостренными лепестками.

разлапистый: крест, или Андреевский крест с утолщениями на концах перекладин.

раскрещение: крест или крестик, концы перекладин которого оканчиваются меньшим крестом.

По лазури, усеянной золотыми раскрещенными крестиками, вытканый серебром пояс.

рассеченный: щит или фигура, разделенные на две равные части вертикальной линией.

Рассеченный на червлень с серебряным львом, увенчанным золотой короной, и серебро с внутренней каймой червленью.

расцвеченный: деления или сечения, на концах ограничиваю-

По золоту расцвеченный крест черню.

щих их контуров украшенные стилизованными цветками или лилиями.

рогатый: рогатое животное с рогами в иной эмали, чем само животное.

родящийся: зверь, представленный на щите только верхней половиной туловища и кажущийся появляющимся в середине щита — как бы вылезающим из-под щита.

рожок: геральдическое наименование охотничьего рога.

На лазури золотой рожок, подвязанный серебром.

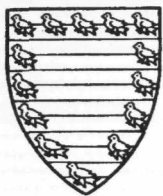
ромбированный: щит, деление или сечение, которые разбиты косыми линиями на ряды ромбов в разных эмалях.

Щит в ромб золотом и черню.

с безантами: деление или движимость, усеянные безантами.

с внутренней каймой: кайма

Вполоску золотом и лазурью с внутренней каймой вытканными червлеными дроздицами.

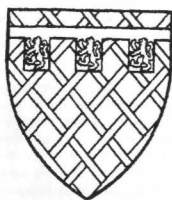
уменьшенной ширины, не касающаяся краев щита.

с клейнодами: щит под украшениями.

с клювом: говорится о птице с клювом в иной эмали, чем сама птица.

с лилиями: говорится о любой фигуре, но прежде всего о кресте, окончания которой/которого завершаются лилиями.

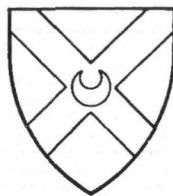
с лоскутами: малая фигура в виде горизонтальной поперечины, к которой снизу крепятся несколько прямоугольных (в Средние века) или трапециевидных (в Новое время) выступов.

По золоту оковка лазурью с тремя червлеными лоскутами, отягощенными вытканными серебром львами.

с якорем: крест, или Андреевский крест, равно как и иные фигуры, окончания которых завершаются якорями.

сердце(вина): 1. малая фигура в виде сердечка; 2. центр щита.

На лазури серебряный Андреевский крест, отягощенный в сердцевине червленным полумесяцем.

сечения: геометрические фигуры, получаемые делением щита посредством вертикальных, горизонтальных или диагональных линий на четное число равных частей в разных (альтернативных) эмалях.

скошение слева: сечение посредством диагонали, опущенной из левого (для наблюдателя – правого) угла главы в правый угол острия (низа щита) и делящей щит пополам.

скошение справа: сечение щита пополам диагональю, соединяющей правый (для наблюдателя – левый) угол главы с левым углом острия (низа) щита.

Скошенный справа щит серебром и чернью.

совмещенный щит: рассеченный щит, объединяющий в себе два других – по щиту в каждой из половин.

По серебру червленая перевязь в сопровождении шести лазурных раскременных крестиков на колышках.

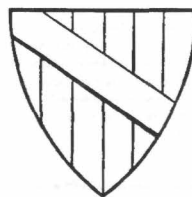
сопровождаемый: так говорят о главной фигуре щита, если по ее бокам расположены дополнительные фигуры.

спиной к спине: так говорят о паре фигур, обычно одинаковых, расположенных бок о бок тыльными частями навстречу.

спорно (вооруженный): так говорят о гербах, в силу каких-то причин построенных с нарушением правил геральдики (обычно нарушаются правила сочетания цветов), так что читающий герб должен вопрошать о причинах этого явления – оспаривать его.

стенчатый: деления, разбитые на равные квадраты или прямоугольники в разных (альтернативных) эмалях.

столп: деление, расположенное посередине щита и ограниченное с двух сторон вертикальными линиями.

По столпам серебром и лазурью перевязь, вытканная червленью.

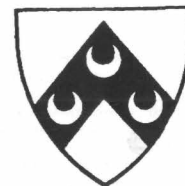
По золоту черненый столп.

столповый: щит, деление, сечение и любая иная фигура, разделенные вертикальными линиями на четное количество равных частей в разных (альтернативных) эмалях.

Столпы лазурью и золотом с червленной перевязью, отягощенной вытканными серебром двумя орликами и короной.

стропило (шеvron): деление в форме шеврона, острием своим направленное обычно к середине главы.

По серебру стропило чернью, отягощенное тремя золотыми полумесяцами.

тавровый: 1. деления и фигуры, окончания которых оформлены в виде буквы Т; 2. деления и сечения, украшенные по краям многими маленькими фигурками в виде буквы Т.

увенчанный: животное, увенчанное короной.

Вполоску серебром и лазурью с червлёным львом, увенчанным вытканной золотой короной.

угол, см. часть.

урезанный: укороченное деление, окончания которого не касаются краев щита.

усеянный: щит, деление и любая фигура, отягощенные мелкой подвижностью в произвольном количестве.

хвостик: маленькая метка чернью в изображении горностаевого меха.

цвет: в гербовой науке так называются эмали: червлень, чернь, лазурь, зелень и багрянец (золото и серебро – это металлы).

целиком надо всем: говорится о щитке, расположенном над другим щитком, который сам уже выткан надо всем.

часть, угол: угловая зона, ограниченная перекладинами креста, или Андреевского креста.

червлень: эмаль красного цвета.

чернь: эмаль черного цвета.

По золоту крест чернью.

четверочастносткошенный, -ая, -ое, -ые: щит, разделенный Андреевским (косым) крестом.

По червлени Андреевский крест золотом под серебряной главой.

четверочастный (щит): щит, разделенный на четыре части взаимно перпендикулярными вертикальной и горизонтальной линиями. Если разделяющий крест образован диагоналями, то такой щит называется четверочастносткошенным (см.).

Четверочастный; в частях 1 и 4 по черни крест кружевной серебром, в частях 2 и 3 по золоту червлёный крест с якорями.

Четверочастный скошенный чернью и золотом.

шатер: сечение в виде острого угла, ограниченное двумя наклонными линиями и обращенное своим острием к середине главы.

шахматный щит: сечение, образованное перпендикулярными вертикальными и горизонтальными линиями, так что возникает множество квадратов, закрашиваемых двумя эмалями.

Шахматный щит золотом и чернью.

шеvron, см. стропило.

шестующий: четвероногое, расположенное горизонтально и выглядящее идущим.

На черни золотой лев с раздвоенным хвостом.

шуйца: левая рука, ошую – на левой стороне щита (правой для наблюдателя).

щит: область плоскости, ограниченная периметром произвольной формы, внутри которого и размещается собственно герб.

щитодержатели: фигуры, внешние по отношению к собственно гербу, размещаемые по бокам щита и выглядящие поддерживающими его. Некоторые теоретики различают человеческие фигуры (поддерживатели), подпорки (растения и неодушевленные предметы) и опоры (звери).

щиток: малая фигура в форме щита, относящаяся к категории подвижности.

эмаль: геральдические цвета, не относящиеся к металлам (металлы – золото и серебро; червлень, чернь, лазурь, зелень, багрянец – эмали или собственно цвета).

Рассеченный на лазурь с перевязью золотом, отягощенной тремя червленными пятилистниками, и серебро с двумя червленными поясами.

По книге М. Пастуро «Трактат о геральдике».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Henning E. et Jochums G., *Bibliographie zur Heraldik*, Cologne, 1984.
 — London H. S., *The Right Road for the Study of Heraldry*, Londres, 1968.
 — Saffroy G. et G., *Bibliographie généalogique, héraldique et nobiliaire de la France*, Paris, 1968—1990, 5 vol.

Вводные курсы и учебники

- Galbreath D. L. et Jéquier L., *Manuel du blason*, Lausanne, 1977.
 — Hildebrandt A. M., *Wapenfibel. Handbuch der Heraldik*, Neustadt an der Aisch, 1981.

- Neubecker O., *Le Grand Livre de l'héraldique*, Bruxelles, 1977 (оригинал написан по-немецки, множество переводов на английский, французский, испанский и др.).

- Wagner A. R., *Heralds and Ancestors*, Londres, 1978.

- Woodcock T. et Robinson J. M., *The Oxford Guide to Heraldry*, Oxford, 1990.

Трактаты и ученые труды

- Bascapè G. G. et Del Piazzi M., *Insegne e simboli. Araldica pubblica e privata, medievale e moderna*, Rome, 1983.

- Mathieu R., *Le Système héraldique français*, Paris, 1946.

- Menendez Pidal F., *Los Emblemas heráldicos*, Madrid, 1993.

- Pastoureaux M., *Traité d'héraldique*, Paris, 1993.

- Seyler G., *Geshichte der Heraldik*, Nuremberg, 1885—1889, 2 vol.

- Woodward J. et Burnett J., *A Treatise on Heraldry British and Foreign*, Londres, 1892.

Правила и термины гербовой науки

- Foras A. de, *Le Blason, Dictionnaire et remarques*, Grenoble, 1883 (réimpr. Paris, 1993).

- Grandmaison C. de, *Dictionnaire héraldique*, Montrouge, 1852.

- Inventaire général des monuments et des richesses artistiques de la France. Les armoires. Lecture et identification, Paris, 1994.

- Palliot P., *La Vraie et Parfaite Science des armoires*, Paris, 1660 (réimpr. 1890 et 1973).

- Parker J., *A Glossary of Terms Used in Heraldry*, Londres, 1894.

- Stalins B. dir., *Vocabulaire-Atlas héraldique en six langues*, Paris, 1952.

Средневековая геральдика

- Brault G. J., *Early Blazon. Heraldic Terminology in the XII-th and the XIII-th Centuries*, Oxford, 1965.

- Pastoureaux M., *Les Armoires*, Turnhout et Louvain, 1976.

- Pastoureaux M., *L'Hermine et le Sinople. Etudes sur la héraldique médiévale*, Paris, 1979.

- Pastoureaux M., *Figures et Couleurs. Etudes sur la symbolique et la sensibilité médiévales*, Paris, 1986.

- Wagner A. R., *Heralds and Heraldry in the Middle Ages*, Oxford, 1956.

Периодические издания

- Archives héraldiques suisses, Neuchâtel puis Fribourg, c. 1887 г.

- The Coat of Arms, Londres, c. 1950 г.

- Heraldisk Tidsskrift, Copenhague, c. 1959 г.

- Der Herold, Berlin, c. 1869 г.

- Hidalguia, Madrid, c. 1952 г.

- Revue française d'héraldique et de sigillographie, Paris, c. 1938 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОБЛОЖКА

1-я страница обложки
 Большой гербовник
 ордена Золотого Руна.
 Гербы ремесленных
 корпораций во Всеобщем
 Гербовнике 1696 г.
Корешок обложки —
 Там же.

4-я страница об-
 ложки Вверху: Ан-
 глийский гербовник
 XVI в. Королевская
 коллегия геральди-
 ки, Лондон.

ПРОЛОГ

1 Король Франции
 Карл VII в Боль-

шом Гербовнике ры-
 царей Золотого Ру-
 на, рисованная ко-
 пия ок. 1435—1440
 гг.
 Национальная би-
 блиотека Франции,
 г. Париж.
 2 Жан де Креки. Там
 же.

3 Архиепископ Рейм-
 ский. Там же.
 4 Король Польши.
 Там же.
 5 Ги де Понтайе. Там
 же.
 6 Герцог Бретонский.
 Там же.
 7 Тибо де Невшател.
 Там же.

8 Филипп де Тернан.
 Там же.
 Карл Смелый, граф
 Шароле. Там же.

ГЛАВА 1

12 Гартман фон Ауэ,
 миниатюра, ок.
 1300—1310 гг. Кодекс
 Манесс. Универси-
 тетская библиотека,
 г. Гейдельберг.

13 Уголино Шенетт,
 маршал герцогства
 Сполето, г. Базель,
 церковь Св. Леонарда.
 Исторический му-
 зей, г. Базель.

14—15 Карнавальные
 наряды нюрнберг-
 ских мясников, ми-
 ниатюры, конец XV в.
 Библиотека Бодлея,
 г. Оксфорд.

16 Шахматная фигур-
 ка из слоновой кости
 (пешка). Из сокрови-
 щницы монастыр-
 ской церкви аббатст-
 ва Сен-Дени, конец
 XI в. Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

17 Греческая ваза
 XIV в. до н.э.: битва Ге-
 ракла с тремя воина-
 ми. Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

18 Эмалевая таблич-
 ка с гробницы Жоф-
 фруа Плантагенета,
 графа Анжуйского.
 Из Манского собора,
 ок. 1155—1160 гг. Му-
 зей Тессе, г. Ле-Ман.

19 слева: Бой нор-
 мандского рыцаря с
 пехотинцем-саксом.
 Ковер из Байё («Ко-
 вер королевы Ма-
 тильды»), конец XI в.

Музей ковра из Байё,
 Центр Вильгельма
 Завоевателя, г. Байё.
 19 справа: Вильгельм
 показывает свой
 шлем, и Эсташ Булон-
 ский узнает его среди
 других воинов. Ковер
 из Байё («ковер коро-
 левы Матильды»), ко-
 нец XI в. Музей ковра
 из Байё, Центр Виль-
 гельма Завоевателя,
 г. Байё.

20 вверху справа: Пе-
 чать Амори VII, ви-
 конта Туарского,
 1223 г. Националь-
 ные архивы, г. Париж.

20 посередине: Пе-
 чать принца Людови-
 ка Французского,
 1211 г. Националь-
 ные архивы, г. Париж.

20 внизу: Печать Ин-
 гольфа из Мануара,
 нормандского кро-
 стьянина, 1247 г. На-
 циональные архивы,
 г. Париж.

21в Грамота, скреп-
 ленная печатью го-
 рода Дамма и сама
 эта печать (1371 г.).
 Муниципальные ар-
 хивы, г. Любек.

21н Печать Элеоноры
 Кастильской, суп-
 руги короля Англии
 Эдуарда I, 1254 г. На-
 циональные архивы,
 г. Париж.

22 Кафедральный со-
 бор в Бристоле, са-
 совня Богоматери
 (Лейди-чапел).
 23в Церковь Бер Ред-
 жи, г. Дорсет.

23нл Английский ви-
 траж. Ок. 1500 г.

23нп Маршал Фран-
 ции Жан дю Менц

принимает Ориф-
 ламму (королевское
 знамя). Ок.
 1220—1225 гг. Шартр-
 ский собор.

24в Расписанный
 швейцарский ларец
 из дерева, нач. XIV в.
 Швейцарский наци-
 ональный музей,
 г. Цюрих.

24н Усыпальница се-
 нешала Бургундии
 Филиппа Пота, конец
 XV в. Луврский музей,
 г. Париж.

25в Граф и графиня
 Солсбери в полном
 геральдическом об-
 лачении. Миниатюра
 ок. 1483—1485 гг.
 Британская библио-
 тека, г. Лондон.

26—27 «Обозрение
 шлемов в монасты-
 ре», рисунок из «Кни-
 ги турниров» короля
 Рене, созданной до
 1460 г. Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

28—29 «Как зрители
 турнира поддерживают
 сражающихся», рисун-
 ок из «Книги турни-
 ров» короля Рене, со-
 зданной до 1460 г. На-
 циональная библио-
 тека Франции, г. Париж.

30с Бюдо из майоли-
 ки, украшенное гер-
 бом папы Юлия II, ок.
 1510—1515 гг. Метро-
 политен-музей, г. Нью-
 Йорк.

30н Герб Смерти, гра-
 вюра резцом работы
 Дюрера, 1503 г. Каби-
 нет эстампов и гра-
 вюр, Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

31 Эмблемы ремес-
 ленников города Ор-
 вьето, 1602 г. Музей
 Собора, г. Орвьето.

32—32 Португальская
 географическая кар-
 та мира — планисфе-
 ра Тешейры. Показа-
 ны две линии раздела
 мира между Испани-
 ей и Португалией,
 1573 г. Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

34—35в «Указ короля
 касательно сотворе-
 ния Всеобщего Гер-
 бовника», 1696 г. На-
 циональные архивы,
 г. Париж.

34н Книжный пере-
 плет с первым гер-
 бом Жака-Огюста де
 Ту, ок. 1582 г. Храни-
 лище отпечатков. На-
 циональная библио-
 тека Франции, г. Париж.

35 Гербы парижских
 ремесленных корпо-
 раций из Всеобщего
 Гербовника 1696 г.
 Национальная библио-
 тека Франции, г. Париж.

36в Девиз Респуб-
 лики и революционные
 эмблемы, 1794 г.

36н Виконт Матье де
 Монморанси, лито-
 графия Каминада, ок.
 1820 г. Национальная
 библиотека Фран-
 ции, г. Париж.

37с «Людовик XVI в
 священном облаче-
 нии». Живопись До-
 зефа-Сиффрена Лю-
 плесси, 1778 г. Музей
 Карнавале, г. Париж.

37н «Донесение ин-
 спектора по надзору

Шаллу касательно уничтоженных гербов в гостинице Всеобщего управления на улице Нёв-де-Пти-Шан, от 20 ноября 1790 г. Национальные архивы, г. Париж.
38л Велюровый переплет кодекса Наполеона с большим гербом Наполеона. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
38–39 Королева Англии Елизавета и принц Чарльз во время официального визита во Францию в 1957 г.
39н Королева Англии Елизавета в окружении герольдов Королевской коллегии гербов, ок. 1980 г.
40–41 Военный плакат на Красной площади 9 мая 1985 г.
41в Эмблемы б. СССР.
41нл значок с гербом г. Парижа. Музей Карнавале, г. Париж.
41н Логотип г. Парижа.

ГЛАВА 2

42 Лист из Лебретонского гербовника, середина XV в. Национальные архивы, г. Париж.
43 Герб Джона Одели (слева) и его супруги Изабелл Миллберри (справа – в ромбовидном щите). Королевская коллегия гербов, г. Лондон.
44в Знаки германских домов, нарисованные Генрихом Хуссманом. Из книги: Heinrich Hussmann

Ueber deutsche Waprenkunst, 1973.
44н Большой герб Бургундии, вышитый на лошадиной попоне и захваченный швейцарцами в битве при Грансоне 1476 г. Исторический музей, г. Берн.
45в Знаки для клеймения скота племени тубу, чернокожих кочевников, обитающих в Сахаре у озера Чад.
45н Кимоно с гербом, XVII в. Музей искусств Нагаё, г. Токио.
46 «Der Duernet» (рыцарь-поэт, нем.). Миниатюра, ок. 1300–1310 гг. Кодекс Манесс. Университетская библиотека, г. Гейдельберг.
47 Топоры, как было принято их изображать в цветах блазна с начала XVII в.
48в Страница гербовника XVII в.
48–49 Флаги европейских государств.
49н Персеваль Гальский, кадр из фильма Эрика Ромера, 1978 г.
50–51 Различные линии сечений, начертанные Генрихом Хуссманом. Из книги: Heinrich Hussmann Ueber deutsche Waprenkunst, 1973.
51л Вольфрам фон Эшенбах. Миниатюра, ок. 1300–1310 гг. Кодекс Манесс. Университетская библиотека, г. Гейдельберг.
51п Герб колхоза «Вноровы», б. Чехословакия.

52 Св. апостол Петр, швейцарский витраж, XVI в., г. Берн.
52–53 Герб работы художника Якоба Грюна и его жены из гербовника братства Сен-Кристоф в Арльберге, XV в. Рисунок Отто Хупа.
53в Герб Небесного свода в трактате о блазонике начала XVI в. Библиотека Арсенала, г. Париж.
53н Герб Питера Доджа из Стопфорда, конец XVI в. Королевская коллегия гербов, г. Лондон.
54 Герб архиепископа Трирского и его вассалов. Белленвильский гербовник, ок. 1380 г. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
55 Герб архиепископа Кёльнского и его вассалов. Белленвильский гербовник, ок. 1380 г. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
56 Герб архиепископа Майнцского и его вассалов. Белленвильский гербовник, ок. 1380 г. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
57 Герб герцога Саксонского и его вассалов. Белленвильский гербовник, ок. 1380 г. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
58в Английские упорядоченные гербы. Книга Томаса Дженинга, ок. 1419 г. Британская библиотека, г. Лондон.

58–59 Английский упорядоченный гербовник, Flower's Ordinarу, ок. 1520 г. Королевская коллегия гербов, г. Лондон.
60 Поэт Хаварт. Миниатюра, ок. 1300–1310 гг. Кодекс Манесс. Университетская библиотека, г. Гейдельберг.
61 Ваксмут фон Кюнцинген. Миниатюра, ок. 1300–1310 гг. Кодекс Манесс. Университетская библиотека, г. Гейдельберг.
62 Надгробный камень с гербом в австрийской церкви, г. Мондзее, конец XV в.
63в Надгробный камень с гербом на Зальцбургском кладбище, начало XVI в.
63н Гербовник Конрада Грюненберга, г. Констанц, 1483 г. Национальная библиотека Баварии, г. Мюнхен.
64в Сечения.
64–65 Деления.
65 Большой герб рода Ллойд оф Стоктон из Уэльса, 1894 г. Королевская коллегия гербов, г. Лондон.
66в Герб графов Ландсберга. Художник Отто Хуп. Мюнхенский календарь на 1926 г.
66н Гербовник Любовного двора, ок. 1420 г., г. Вена. Архивы ордена Золотого Руна.
67 Герб Гийома де Жёкура из Гербовника Любовного двора, ок. 1420 г.

68л Герб о двух гребнях из гербовника Конрада Грюненберга г. Констанц, 1483 г. Национальная библиотека Баварии, г. Мюнхен.
69 Шлем Пранка, конец XVI в., Музей оружия, г. Вена.
70 Мозаики с гербами благотворителей в аббатстве Монте-Кассино, XVII–XVIII вв. Крипта монастыря.
70–71 Значки и девизы на английских штандартах. Книга Томаса Риотизли, XVI в. Британская библиотека, г. Лондон.
71в Герб Ришелье, деталь «Всемирный гидрографический карты» Жана Герара, 1634 г. Национальная библиотека Франции, г. Париж.

ГЛАВА 3

72 Герб Христа. Миниатора середины XVI в. Королевская коллегия гербов, г. Лондон.
73 Дорожный знак, запрещающий проезд.
74 Королевский английский табард XVIII в. Музей Виктории и Альберта, г. Лондон.
75 Английский упорядоченный гербовник, датированный 1685 г. Библиотека Бодлея, г. Оксфорд.
76–77 J. Chevallard, Cartes historiques chronologiques et de blasons dédiées et présentées au Roy, 1702.

Chronologie des rois et reines de France depuis Faramond jusqu'à present. Версальская муниципальная библиотека.
76 Система изломов в шотландском гербовнике Стодарту Heraldic Cadency.
77 Герб рода Мале в Гербовнике Европы и Золотого Руна, ок. 1435–1440 гг. Библиотека Арсенала, г. Париж.
78 Сундукоч, известный как ларец Святого Людовика, 1236 г. Луврский музей, г. Париж.
79в Монета с гербом рода Висконти, XV в. Кабинет медалей, г. Париж.
79н «Рождество», центральная картина Паумгартнерского ретабло работы Дюрера, после 1503 г., г. Мюнхен, Старая Пинакотека.
80вл Экслибрис Пера Ранеке, рисунок шведского художника Яна Ранеке, до 1980 г.
80нл Экслибрис Эдмона Жиру, рисунок швейцарского художника Пауля Бёша.
81 Октябрь-месяц, витраж Йозиаса Мюрера для корпорации перевозчиков Цюриха, 1605 г., Швейцарский национальный музей, г. Цюрих.
82л Герб рода Хельфенштайн из «Цюрихского гербовника» (Wappenrolle von Zuerich), до 1335 г. Швейцарский национальный музей, г. Цюрих.

82п Герб рода Катценелленбоген из гербовника Конрада Грюненберга, г. Констанц, 1483 г.
83 Герб Шекспира.
83и График справительной частотности цветов в гербах, построенный Мишелем Пастуро.
84 Царица амазонок в Малом гербовнике рыцарей ордена Золотого руна, ок. 1440–1445 гг. Национальная библиотека Франции, г. Париж.
85в Гербы дьявола, миниатора из английского Апокалипсиса второй половины XIII в. Библиотека Бодлея, г. Оксфорд.
85н Гербовник Конрада Грюненберга, г. Констанц, 1483 г. Национальная библиотека Баварии, г. Мюнхен.
86 Страница из «Энеиды» Генриха фон Вельдеке из манускрипта конца XII в., Национальная библиотека, г. Берлин.
86–87 Герб Бога из утраченного гербовника конца XV в. Рисунок Отто Хуппа. Национальные архивы Баварии, г. Мюнхен.
87 Герб Целомудрия на нюрнбергском ковре XV в. (деталь). Германский Национальный музей, г. Нюрнберг.
88 Герб Ланселота из манускрипта «Ланселот прозой» ок. 1400 г. Библиотека Арсенала, г. Париж, рукопись № 3479–3480.

89 Король Артур, ковры Нёф Прё, вытканые для герцога Берри, до 1390–1440 гг. Музей монастырей, г. Нью-Йорк.
88–89 Гравюры на дереве из книги: Jerome de Bara, Blason des armoiries, Lyon, 1581.
90вл Королевская коллегия гербов (фото).
90вс Герб корпорации ножовщиков, г. Лондон.
90вл Герб корпорации бумажников, г. Лондон.
90сл Гербы членов королевской фамилии у входа в магазин «Харродз», г. Лондон.
90сс Граница лондонского града, г. Лондон.
90сп Знак в старинном духе на поездках линии «Чатам и Дювер» (Дувр).
90нл Знак паба (пивной) «Девоншир Армз» (герб графства Девонширского).
90нс Знак у входа в Хэмптонский суд.
91н Герб корпорации отделочников, г. Лондон.
91в Скульптура с юга часовни Гринуэй Тивертонской церкви в г. Девон.
91н Вход в морской док в английском порту Чатам, графство Кент.
92–93 Морской маяк, Бретань.
93 «Свобода», афиша Поля Колена для Всеобщей мореходной компании, до 1930 г.

94л Лев компании «Пежо», 1858 г.
94с Одна из последних репрезентаций льва «Пежо» на автомобильных капотах.
94и и 94н Геральдический лев Франш-Конте, использовавшийся компанией «Пежо» в 1950–1960 гг.
94н Лев «Пежо» образца 1996 г.
95 Ник Фарр-Джоунз, австралийский регбист.
96 Генрих V, кадр из фильма Кеннета Брана, 1988 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

97 Экслибрис немецкого художника В. Х. Леонарда.

98 Печати города Лилля, XII в.
99 Щит с геральдическими лилиями.
100 Герб дофина, старшего сына короля Франции, из книги: Jerome de Bara, Blason des armoiries, Lyon, 1581.
103 Карта соотношений между «львиными» и «орлиными» гербами в пределах одного и того же региона. Составил Мишель Пастуро.
104 Рисованный герб Монтеня, Библиотека Арсенала, г. Париж.
105н Воображаемый герб Растиньяка из «Гербовника исследования нравов, сочиненного для г-на Бальзака и преподне-

сенного ему» Фердинандом де Грамоном в июне 1839 г.
105в Воображаемый герб Рюампре. Там же.
106 Представление гербов герольду гербов турнира (деталь), из «Книги турниров» короля Рене, ок. 1490 г.
107 Представление гербов герольду гербов турнира (деталь), из «Книги турниров» короля Рене, ок. 1490 г.
108 Герб города Парижа под фригийским колпаком, 3 февраля 1792 г. Национальные архивы, г. Париж.
109в Письмо граждан, требующее уничтожения гербов на гостинице Святой Земли, 3 октября 1792 г. Там же.

111 Мон Ода. Из японского гербовника.
112 Мон Токудаидзи. Из японского гербовника.
114 Нубийский воин из Судана.
115 Нубийский щит.
116 Австрийский ларец.
118 Зал микрофильмов в Национальных архивах Парижа.
135 Надгробный камень конца XV в. Тироль.
138–139 Карта (планисфера).
140 Геракс с гербом рода Медичи, гравюра.
141 Гравюра из Гербовника Вильгельма Ревельского. Национальная библиотека, г. Париж.
142 Гравюра XV в.

УКАЗАТЕЛЬ

А
аист 61.
Александр 88.
Альфа-Ромео 94.
Америка 37.
ангел 87.
Англия 59; короли 59.
антиквары 73, 75.
антропонимия 82.
аптекарь из Бретани 36.
Ариосто 87.
Артур, легендарный король 87, 88, 89.
археология 78.
архиепископ Кёльнский 55.
архиепископ Майнцский 57.
архиепископ Трирский 57.
атрибут 19.

Б
багрянец (пурпур) 46, 48.
Бальзак 87.

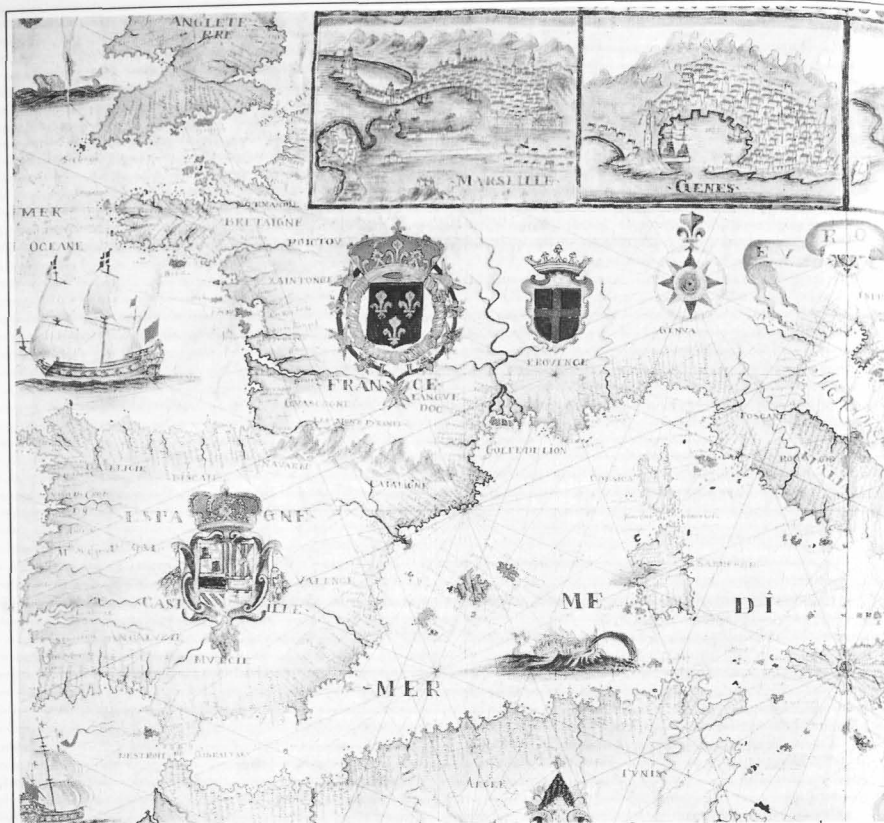
бараны 61.
барокко, стиль 30, 62, 66, 68.
безант 67.
бесмысленный поэт-рыцарь (der Dürer) 47.
Белленвийский гербовник 55, 57.
белый, см. серебро
Беш, Пауль 80.
блazon 13, 17, 43, 43; – трактаты 15, 27, 33, 40, 41.
Бог 86, 87.
Боленкур, Антуан де (сеньор Белленвиля) 55.
Бристольский собор 23.
Бургундия 45; – двор 66.
буртик 71.
бык, буйвол 61.

В
Ваксмут фон Кюнцинген 61.

Вальдбине (тирольская фамилия) 63.
Вельфлин (баварская фамилия) 62.
веппр 61.
Виктория (королева Англии) 64.
Вильгельм Завоеватель 19.
Висконти (знатный род) 79.
витраж 21, 23, 52.
война с Аусбургской Лигой 34.
волк 61, 62.
ворон 61.
Всеобщий гербовник 32, 33, 34, 35, 36.
вымпелы, флажки 92; 93; – на море 48.
Вюртембергские герцоги 95.

Г
Габон 40.
«Гаргантюа» (Рабле) 87.

Гартман фон Ауэ (рыцарь-поэт) 13.
Гастингс, битва при Гастингсе 19.
генеалогия 33, 74, 75, 77;
– и гербы французских королей 77.
Генрих I 18.
Генрих II Плантагенет 59.
Геньер, Роже де 75.
Георг I (король Англии и Шотландии) 74.
геральдисты германские 16;
– Первой империи 38.
геральдическая наука герб герцога Саксонского 57.
гербовая наука, см. блazon
гербовник Любвеобильного двора 66.
гербовник Конрада Грюненберга 63.

гербовник рыцарей Золотого Руна, малый 84.
 гербовые поля 55.
 гербы 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 27, 30, 32, 49.
 – без фигур 47;
 – вообразаемые 85;
 – городские 93;
 – крестьянские 45.
 герольды 19, 27, 39, 59, 73, 74, 89.
 герцог Бурбон 66.
 герцог Бургундский 66.
 Гийом де Жёкур

(нормандский сеньор) 67.
 «главнокомандующий» 76.
 голубь 61, 87.
 голубятня 36.
 города 40, 41, 49, 91.
 гребень 27, 63, 68, 69, 70, 73, 87;
 – фон Бадена (немецкого сеньора) 68.
 Грюн, Якоб (художник) 53.

Д

Дамм, город 21.

Даммари-ле-Ли, церковь 78.
 девизы 30, 31, 71.
 декрет Конституционной ассамблеи 36, 37.
 деления 64.
 «дельфин» 63.
 Дон Кихот 87.
 Дорсетская церковь 23.
 дракон 19.
 «дроздица» 62.
 дьявол 85.
 Диорер 30, 79.

Е

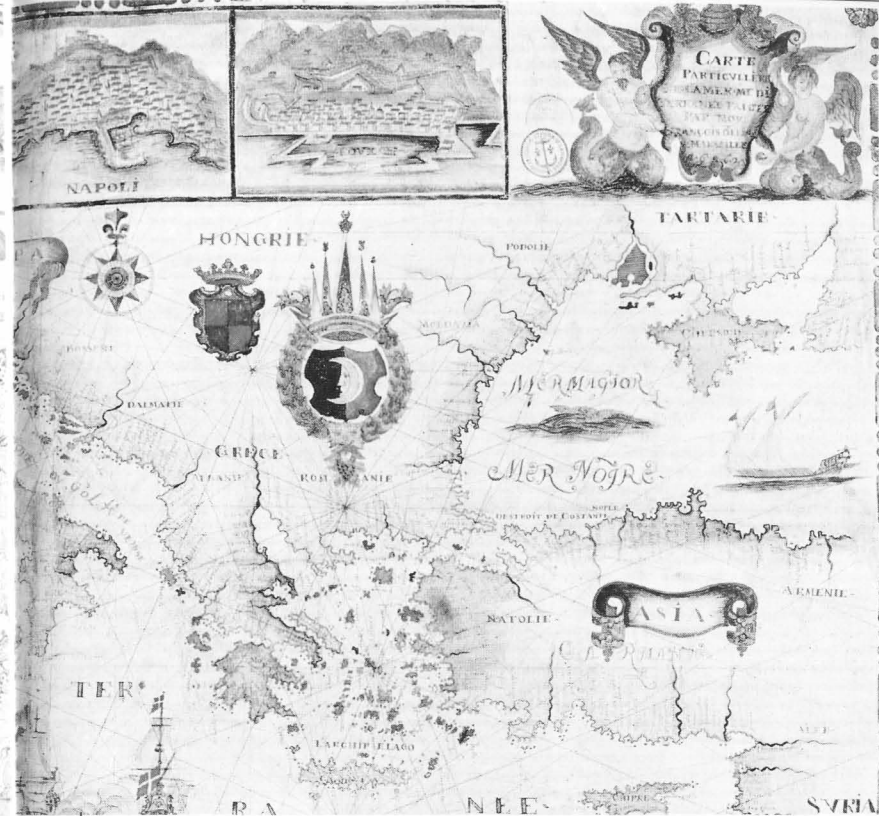
единорог 87.

Ж

жаба 85.
 желтый, см. золото.
 женщины 21, 44, 76.
 животные (звери), языки 46; когти 47.
 Жоффруа Плантагенет 18.
 журавль 61.

З

звери, см. животные.
 зеленый (зеленый цвет) 45, 46, 47, 48, 85.
 знак дорожного движения 73.
 знаки дорожного

движения 94.
 знаки феодальности 36.
 знамя 21, 27, 36, 44, 48, 50, 66, 73, 87.
 знамя национальное, национальный флаг 93;
 – Венгрии 48;
 – Греции 48;
 – Исландии 48;
 – Польши 48;
 – Финляндии 48;
 значки 30.
 золото (желтый цвет) 45, 46, 47, 48, 67.
 Золотое Руно, орден 55.

И

«излом» 76;
 – Дома Франции 77.
 инсигнии 17, 70, 71, 94;
 – варварские 16;
 – достоинства, сана 14, 30;
 – папские 30.
 информатика 92.
 «Истинное искусство геральдики и происхождение гербов» (труд священника о Клода-Франсуа Менестрье) 16.

К

Карл Великий (Шарлемань) 88.
 карты географические 32;
 – игральные 33.
 Кастилия, королевство 82.
 Катценелленбоген (немецкий род) 82.
 ковер из Байё 19.
 Кодекс Манесс 47, 51.
 Коллегия геральдики при королевстве 39.
 король (герольд) гербов 55;

– должность 39.
 король Франции 46.
 корона, см. венчик.
 кошка 82.
 красный, см. червленый.
 крест 19, 67, 70.
 Кретьен де Труа 87.

Л

лазурь 18, 45, 46, 47, 48, 93.
 ламбрекены 68.
 Ланселот 88.
 лапидар, см. сундук.
 Ле Марье (адвокат) 36.
 Ле Фор (женевский род) 81.

лебедь 61, 71.
Лебедь (семейство)
80.
Леон, королевство
82.
«леопард» 58,
59, 82.
лилия
геральдическая 38,
50, 80.
Лилль 80.
лингвисты 92.
Ллойд оф Стоктон
(род в Уэльсе) 64.
логотип 40, 41, 94.

льжи 50.
львы 17, 18, 47, 48,
53, 58, 58, 61, 67, 84,
94, 94, 95;
– вздыбленные 59;
– шествующие 59,
59.
Людвиг XVI 37;
– и жалованные гра-
моты 37.
Людвиг XVIII 38.

М

Мадор де ла Порт 88.
Мале (нормандский

род) 77.
Манса собор 18.
Матильда 18.
медведь 61, 84.
Менестрель, свящ.
Клод-Франсуа 16.
Милан 94;
– герцоги Милан-
ские 94.
митры 70.
молот 67.
молотилки 50.
монета 80.
Монморанси, ви-
конт Матью де 36.

монограмма 30.
Монте-Кассино,
аббатство 70.
мясники 14.

Н

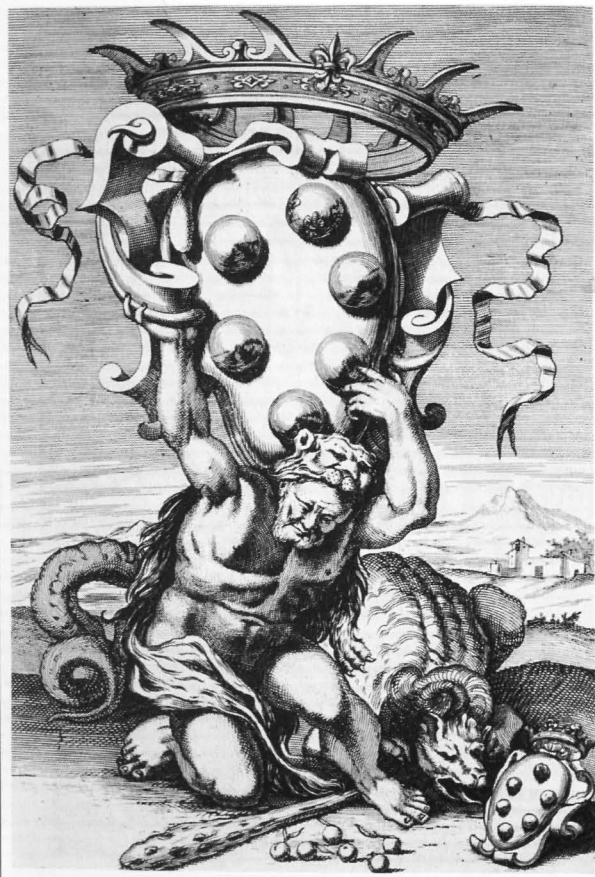
Наполеон 38, 39.
насекомые 63.
небесные светила
53.
нумизматика 80.
Нюрнберг 14.
Нюрнбергский кар-
навал 14.

О

облачения, одежды
15, 25, 44;
– на гербах 23, 51;
– церковные 21.
Озье, Шарль д' 34.
«окунь» 62.
олень 61.
оранжевый цвет 48.
Орвьето 30.
орел 17, 39, 58, 59,
61, 84, 95.
Оттон IV, граф Бур-
гундский 94.

П

павлин 61.
памятники 25.
Париж 41; корпора-
ция парижских ре-
месленников 35.
«Парциваль» 51.
Паумгартнерский
ретабло (заалтар-
ный образ работы
Дюрера) 79.
Пежо, Арман 95; ав-
томобили 94, 95.
пеликан 61.
Пентесilea 84.
Пейре, Никола 75.
переплет 34.
«Персваль Галль-
ский» (фильм Эрика
Ромера) 49.
петух 37.
печати 21, 24, 30, 57,
70.
Пиното, Эрве (ге-
ральдист) 78, 79.
Питер Додж из
Стопфорты (англий-
ский род) 53.
план, плоскость 67.
плут 51.
покрывало 14, 25.

поле 21, 24, 47, 64.
поле боя 13, 17, 64.
попона 21, 44
попугай 61.
Порше 94.
посох 70.
посох настоятеля
монастыря 70.
Потт, Филипп 25.
признак принадлеж-
ности к знати 14.
пурипу, см. багря-
нец.

Р

Рабле 87.
Ранеке, Ян (швед-
ский геральдист) 80.
Рене Анжуйский 27.
Ричард Львиное
Сердце 59.
Ришелье 71.
роли 34.
Росси (флорентин-
ский род) 80.
руны 16.
рыба 61.
рыцарский орден
57, 71; «ожерелья»
30, 70.
рыцарь-поэт 13, 47,
51.

С

Священная Римская
империя герман-
ской нации 58.
сельскохозяйствен-
ная техника 50, 51.
Сен-Шапель, шпиль
церкви 38.
Сервантес 87.
серебро (белый цвет)
45, 46, 47, 67, 93.
сечения 64.
Сигизмунд (импера-
тор) 58.
сигнальные флажки,
международный код
92.
синопль, см. зелень.
сказочные звери, 63.
слон 82.
Смерть (герб рабо-
ты Дюрера) 30.
собака 71.
совхозы и колхозы
32, 50, (Вноровы) 51.
сокол 61.
Солсбери, графиня 25.
Стэплтон, Брайан 71.

Стаффорд, Генри 71.
страус 61.
сундук, ларец, ша-
тулка 24, 78, 79.

Т

табард 74.
Тассо 87.
тевтонские рыцари 55.
ткань 25.
топор 51.
торговая марка 91.
труверы 47.
Ту, Жак-Огюст де 34.
тубу, народ, обитаю-
щий в Сахаре 45.
турниры 13, 14, 27,

55, 57, 64, 74.

У

утки 61.

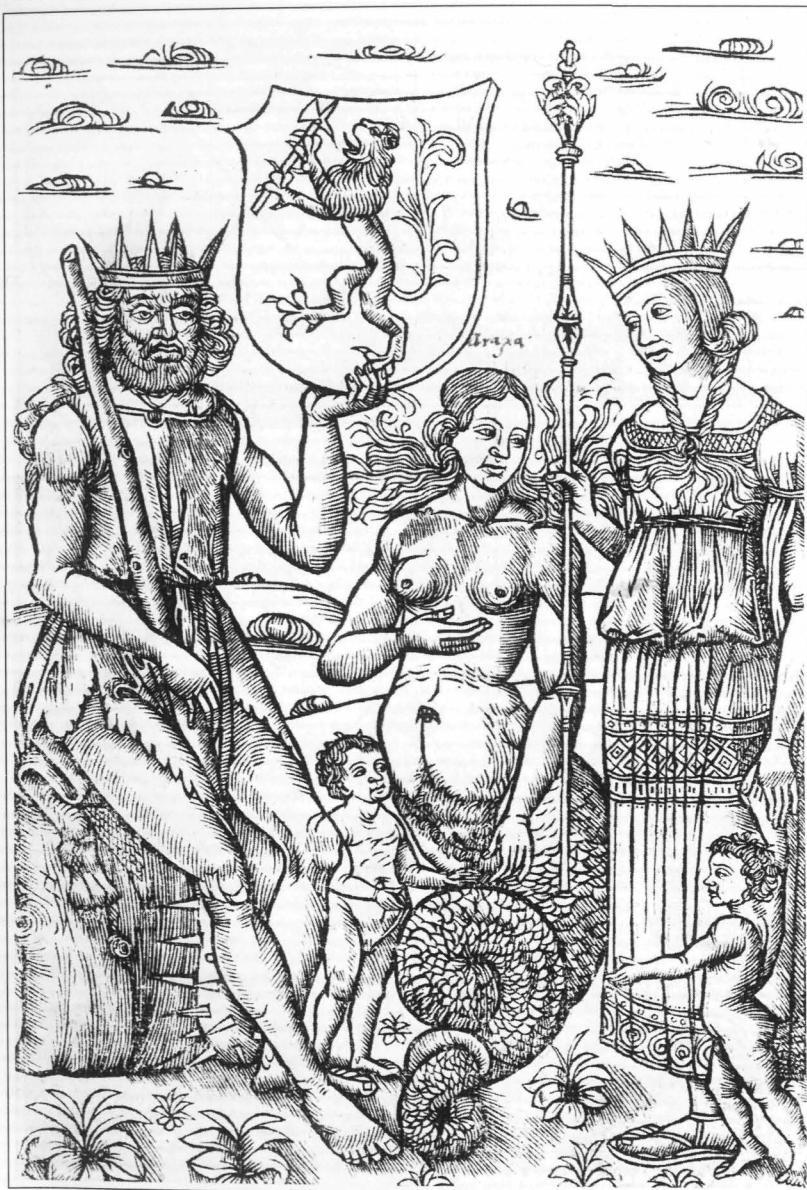
Ф

Фарр-Джоунз, Ник
(австралийский рег-
бист) 95.
фигуры 13, 14, 16,
19, 43, 44, 45, 47, 49,
70;
– геометрические
50, 52;
– звериные 17, 40, 49,
– растительные 15,

Х

Хаварт фон Хольц-
ванг (поэт) 61.
Хайлигенберг 81.
Хельфенштайн
(швейцарский род)
82.

Хеннеберг (швейцарский род) 80.
Христос 73, 86.
Хупп, Отто (немецкий геральдист) 66, 67.

Ц

цапля 61.
цвета 13, 43, 44, 45, 46, 47, 57, 83;
– венец, корона 14, 38, 68, 70, 71.
Цезарь 88.
Целомудрие 87.

Ч

червьень (красный

цвет) 45, 46, 47, 48, 67.
черный, см. чернь.
чернь (черный цвет) 45, 46, 47, 48, 67.
четверти 64.
«четвертование» 49.

Ш

Шарлемань, см. Карл Великий
Шартрский собор 23.
шахматы 16.
Шевийяр, Жак 77.
Шекспир 83, 87.
шифры 30, 30.
шкатулка св. Людовика 78, 79.

шкатулка, см. сундук.
шлем 19, 68.
шлемы 66.
штандарт 71.
штриховка 47.

Щ

щитодержатели («опоры») 70.
щиты (гербов) 14, 18, 34, 43, 44, 47, 49, 52, 53, 64, 67, 68, 69.
щиты 16, 17, 18, 19, 44, 50, 66.

Э

Эдуард I 21.

Эдуард III 49.
экслибрис 34, 80.
Элеонора Кастильская 21.
эмблемы 13, 16, 19, 37;
– племенные 41;
– современные 41, 94.
Эней 87.
Эмшенбах, Вольфрам фон 51.

Ю

Юлий II (папа) 30.

Я

Япония 45.

ИСТОЧНИКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. Ф. Керстинг, г. Лондон 22, 23в, 91в, 91н. Автомобили Пежо, г. Париж 94н. Агентство ТАСС 40–41. АКГ (АКГ), г. Париж 12, 46, 51д, 60, 61, 79н. Архивы издательства «Галлимар» 41н, 45в, 47, 51п, 64в, 64–65, 66в, 73, 76, 88–89, 100. Баварская национальная библиотека, г. Мюнхен 63н, 68д, 68п, 85л. Бодлейанская библиотека, г. Оксфорд 14, 15, 75, 85в. Британская библиотека, г. Лондон 25в, 58в, 70–71. Галлимар / Сакеллер 92–93. Галлимар / Сюзанн Босман 4-я с. обложки, 90вл, 90вс, 90вл, 90сл, 90сп, 90нл, 90нс, 90нп, 90нп. Генеральная мореходная компания, г. Гавр 93Д. Р. (D. R.) 44в, 50–51, 52, 80нл, 80нп, 83, 114, 115, 118. Жан Вень, г. Париж 34–35в, 37н, 48в, 48–49, 76–77, 108, 109в, 109н. Исторический музей, г. Базель 13. Исторический музей, г. Берн 44н. Коллегия геральдики, г. Лондон 4-я с. обложки, 43, 53н, 58–59, 65, 72. Кристоф. Л., г. Париж 49н, 96. Мастерская «Личфилд студиоз», г. Лондон 39н. Метрополитен-музей, г. Нью-Йорк 30с. Музей Викторини и Альберта, г. Лондон 74. Музей искусств Нагасаки, г. Токио 45н. Музей ковров Байе, Центр Вильгельма Завоевателя, г. Байе 19д, 19п. Музей оружия, г. Вена 69. Музей Пежо, г. Сошо 94д, 94с, 94н, 94н. Музей Тессе, г. Ле-Ман 18. Национальная библиотека Франции, г. Париж 1-я с. обложки, корешок обложки, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 16, 17, 26–27, 28–29, 30н, 32–33, 34н, 35, 38д, 53в, 54, 55, 56, 57, 71в, 77, 79в, 84, 88, 104, 105н, 105в, 106, 107, 139, 140, 141, 142. Национальная библиотека, г. Берлин 86. Национальные архивы Баварии, г. Мюнхен 86–87. Национальные архивы, г. Париж 20вл, 20с, 20н, 21н, 42. Национальный музей, г. Нюрнберг 87. Национальный научно-исследовательский центр – Исследовательский институт геральдической тематики (CNRS/IRHT) 66н, 67. ОМН (Объединение национальных музеев – RMN), г. Париж 24н, 78, 89. Пресс-Спорт/Лич, г. Париж 95. Роже-Вьолле, г. Париж 36в, 36н, 37с, 41в, 70. Скала, г. Флоренция 31. Фототека журнала «Пари матч», г. Париж 38–39. Фототека музеев г. Парижа 41нл. Частное собрание 21в, 24нл, 24нп, 52–53, 62, 63в, 82д, 97, 98, 99, 111, 112, 116, 135. Швейцарский национальный музей, г. Цюрих 24в, 81, 82л.

РЕДАКТИРОВАНИЕ И ИЗДАНИЕ

серия Открытия издательства «Галлимар»
Руководство: Пьер Маршан и Элизабет де Фарси.
Графическое оформление: Ален Гуэссан.
Производство: Вьолет Грар.
Предпродвижная подготовка и реклама в печати: Валери Толстой.

Геральдические образы
Редактирование: Жанна Эли.
Макет: Венсан Левер (корпус книги), Доминик Гийомен (раздел «Свидетельства и документы»).
Иконография: Сюзанна Босман, Жанна Эли.
Вычитывание текста и корректура: Пьер Гране, Жоселин Марзю.
Фотограмирование: фирма «Литонова» (корпус книги), фирма «Арк-ан-сьель» [Arc-en-ciel – радуга в небе (фр.)] (раздел «Свидетельства и документы»).

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I ИСТОРИЯ ГЕРБОВ

- 15 Право на герб
- 17 Баснословные истоки
- 19 Первые свидетельства
- 21 Печати с гербами
- 23 Церковь музеей геральдики
- 27 «Книга турниров короля Рене»
- 31 Явление новых эмблем
- 33 Геральдики за морями
- 35 Всеобщий гербовник 1696 г.
- 37 Упразднение гербов
- 39 Геральдика сегодня
- 41 От гербов к логотипам

ГЛАВА II ФИГУРЫ И ЦВЕТА

ГЕРБОВ

- 45 Системы знаков
- 47 Золото, серебро, лазурь, чернь, червлень, зеленъ
- 49 От гербов к знаменам
- 51 Игра линий и цветов
- 53 Репертуар становится все разнообразнее
- 55 Белленвильский гербовник
- 57 Примеры построения гербов
- 59 Львы, орлы, леопарды
- 61 От дичи к курятнику
- 63 Птицы, рыбы, чудовища
- 65 Доли и сечения
- 67 Синтаксис геральдики
- 69 Гребень
- 71 Внешние украшения

ГЛАВА III ГЕРАЛЬДИКА

НАУКА НЕВЕДОМАЯ

- 75 Профессионалы гербовой науки

- 77 Схема бризур
- 79 Свидетельство о «гражданском состоянии» произведения искусства
- 81 Гласные гербы
- 83 Излюбленные цвета
- 85 Чертова жаба
- 87 Боги и герои
- 89 Язык гербовой науки
- 91 Гербы в Лондоне
- 93 Сигнальные флажки
- 95 Автомобили и спортивные арены

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

- 98 Неужто историки боятся «флёр-де-лис» – королевской геральдической лилии?
- 102 Орел и лев на средневековых гербах
- 104 Геральдика во французской словесности
- 106 Разбирательство в суде из-за гербов, случившееся в XIV в.
- 108 Уничтожение «знаков феодальности»
- 110 Японский «мон»
- 114 Язык знаков
- 116 Идентификация безымянных гербов
- 118 Несколько советов по созданию гербов
- 120 Сотня слов, чтобы объясниться
- 132 Приложения

Ван Гог • Клод Моне • Прерафаэлиты • Рембрандт • Ренуар • Тициан • Вселенная • Динозавры • Древний человек • Дракула и вампиры • Ренессанс • Веласкес • Гоген • Леонардо да Винчи • Мане • Матисс • Сезанн • Бриллианты и драгоценные камни • История красоты • Че Гевара • Древний Китай • Барокко • Гойя • Пикассо • Тулуз-Лотрек • Сады мира • Золото Византии • Япония вечная • Знаки и символы • Искусство и человек • Александр Дюма • Магомет • Замки • Ведьмы – невесты дьявола • Иисус Христос • Крестовые походы • Клеопатра • Ангкор • Роден • Древний Рим • Шагал • Мумии • 1917. Россия в революции • Викинги • Геральдика

Michel Pastoureaux
Figures de l'héraldique

Мишель Пастуро
Геральдика

Редактор *М. Залеская*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректор *И. Мокина*

Компьютерная верстка *Б.А. Азаров*

Дизайн обложки – *Дизайн-студия «Дикобраз»*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

Подписано в печать 12.05.2003

ООО «Издательство Астрель» 143900, Московская область,
г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ» 368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, 20

Наши электронные адреса: www.ast.ru E-mail: astpub@aba.ru

Отпечатано в Италии

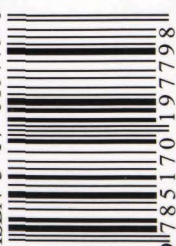

Искусство, рожденное в XII веке на полях сражений, было разработано для того, чтобы легко идентифицировать солдат и армии. Автор этой книги — историк Мишель Пастуро рассматривает геральдику в процессе изменений, происходящих в искусстве в течение веков, вплоть до сегодняшнего дня.

NON SANUS DROIT

ISBN 5-17-019779-9

rial Bearings of SHAKESPEARE

